

ГОУВПО «ЧЕЛЯБИНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ВУЗОВСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРИЯ
МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОМУНИКАЦИЙ

LINGUA MOBILIS

Научный журнал

№ 3 (36) 2012

Выходит 6 раз в год

Издается с 2006 г.

Челябинск

Главный редактор

Селютин Андрей Анатольевич – кандидат филологических наук, заведующий лабораторией межкультурных коммуникаций Челябинского государственного университета.

Зам. главного редактора, редактор перевода

Селютин Александр Анатольевич – кандидат филологических наук, зав. кафедрой языков и литературы Челябинского государственного института путей сообщений.

НАУЧНО- РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Шкатова Людмила Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Демидов Олег Витальевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории массовых коммуникаций Челябинского государственного университета.

Квашнина Елена Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории языка Челябинского государственного университета.

Селютина Елена Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы Челябинской государственной академии культуры и искусств.

Редколлегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. Ответственность за содержание статей и качество перевода аннотаций несут авторы публикаций.

Адрес редакции: 454084, г. Челябинск, пр. Победы, 162-в, к. 107

Группа журнала “Lingua Mobilis” на сайте vkontakte.ru

<http://vkontakte.ru/club7687624>

сайт www.linguamobilis.ucoz.ru

ISSN 1998-1546

© ГОУВПО «Челябинский
государственный университет»

© Лаборатория
межкультурных коммуникаций

© ООО «Энциклопедия»

Подписано в печать 11.05.12

Формат 60x84 ¹/₁₆. Бумага ВХИ 80 гр.

Объем: 12,5 усл.п.л.

Тираж 500 экз. Заказ 49

Отпечатано в типографии
“Два комсомольца”.

454084, г.Челябинск,

Комсомольский проспект, 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Букаты Е. М.** Цитатная природа названия, поэтика художественного пространства и времени в наброске рассказа Юрия Казакова «Вечерний звон»: опыт анализа одного рассказа7
- Войналович Е. В.** К проблеме определения границ понятия «народная речь» (на примере художественного дискурса И. С. Шмелёва)19
- Никульцева В. В.** Поэтические неологизмы К. Бальмонта из архивных материалов (лингвостилистический анализ)30
- Токмагамбетова Д. К., Тимохина Т. В.** Композиция сюжета «Повести о старом поселке» В. С. Маканина39

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Баталин С. В.** О двух подходах к описанию длительностей звуковых сегментов в зависимости от их позиции во фразе43
- Воронков А. А.** Гидронимы и этнонимы – свидетели миграций «народов моря». Сикелы и сарды57
- Гулина А. Е.** Моделирование организационной коммуникации71
- Милованова М. В., Малеева Д. А.** Проблема классификации сленговых единиц с учетом регионального аспекта74
- Морозова А. М.** Типы сценариев в рамках юмористического дискурса78
- Попова Л. В.** Терминологическая полиномия в языке русского права 17–19 веков как отражение эволюции правового мышления85
- Прохорова М. Е.** Проблема категоризации репрезентантов признаков в сравнениях90

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

- Алышева Ю. С.** К вопросу об акустических характеристиках интонационного портрета современного политического лидера100
- Овчинникова Н. Д.** О некоторых политических мифах в американском президентском дискурсе106

ЯЗЫК СМИ

Епимахова А. Ю. Функционирование наименований лиц по профессии в СМИ	111
Пром Н. А. Лингвопрагматический аспект перифразы в речевом жанре газетного спортивного репортажа	116

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

Alketa Pema (Tiranë, Albania) A Model for Translation Quality Assessment	123
Jonida Petro (Tiranë, Albania) Teaching Translation in Albanian workshops and auditoriums	135
Kristina Sheperi (Tiranë, Albania) The Emperor Jones, an Expressionistic Play	150
Vjollca Hoxha (Tiranë, Albania) Students' involvement in project work in university context	158
Ганиева Г. Р. Источники возникновения фразеологических единиц с компонентом именем собственным (на материале английского, русского и татарского языков)	167

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

Будник Е. А. Фонетическая интерференция и иностранный акцент при обучении русскому произношению	171
Кочевых Н. В. Развитие лексических навыков школьников в обучении английскому языку	180
Насиханова А. З. Значение организации педагогических условий, необходимых при формировании иноязычной компетенции ...	184

АННОТАЦИИ	187

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	192

CONTENTS

LANGUAGE OF FICTION LITERATURE

Bukaty E. M. Citation Form of the Title, Literary Space and Time's Poetics in the Essay of Yurii Kasakov's Story "Evening toll": the Experience of One Story's Analysis	7
Vonailovich E. V. To the Problem of Definition of Limits of the Notion "Folk Speech" (on the Example of Fiction Discourse by I.S. Shmelev)	19
Nikultseva V. V. K. Balmont's Poetic Neologisms Found in His Archives (Linguistic and Stylistic Analysis)	30
Tokmagambetova D. K., Timokhina T. V. Composition of Plot in "Story about Old Settlement" by V.S. Makanin	39

LANGUAGE STUDIES

Batalin S. V. Of Two Approaches to the Description of Duration of Sound Segments Depending upon Their Position in the Phrase	43
Voronkov A. A. Hydronyms and Ethnonyms like the Witnesses of Migrations of the Sea Peoples. Sicels and Sardis	57
Gulina A. E. Modelling of Organizational Communication	71
Milovanova M., Maleeva D. Problem of Classification of Slang Units Taking into Account in Regional Aspect	74
Morozova A. M. Types of Scenarios within Humorous Discourse	78
Popova L. V. Terminological Polynomy in the Language of Russian Law in 17–19 Centuries as a Reflection of Evolution of Law Thinking	85
Prokhorova M. E. Problem of Categorization of Sign Representants in Comparisons	90

LANGUAGE OF POLYTICS

Alysheva Y. S. On the Acoustic Characteristics of the Tonal Portrait of a Modern Political Leader	100
Ovchinnikova N. D. About Some Political Myths in American President's Discourse	106

LANGUAGE OF MASS MEDIA

Epimakhova A. Y. Functioning of Names of a Person According to Profession in Mass Media	111

Prom N. A. Linguistic and Pragmatic Aspects of Periphrasis in Genre of Speech “Sport Report” in a Newspaper	116

LINGUISTICS AND TRANSLATION

Alketa Pema (Tiranë, Albania) A Model for Translation Quality Assessment	123
Jonida Petro (Tiranë, Albania) Teaching Translation in Albanian workshops and auditoriums	135
Kristina Sheperi (Tiranë, Albania) The Emperor Jones, an Expressionistic Play	150
Vjollca Hoxha (Tiranë, Albania) Students’ involvement in project work in university context	158
Ganieva G. R. Sources of Appearance of Phraseological Units with Components of Proper Name (on the Material of English, Russian and Tatar Languages)	167

METHODOLOGY OF LANGUAGE TEACHING

Budnik E. A. Phonetic Interference and Foreign Accent in Teaching Russian Pronunciation	171
Kochevykh N. V. Development of Lexical Skills of Students in Teaching English	180
Nasikhanova A. Z. Meaning of Organization of Pedagogical Conditions Necessary for Formation of Foreign Language Competence	184

ABSTRACTS	187

INFORMATION ABOUT AUTHORS	192

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЦИТАТНАЯ ПРИРОДА НАЗВАНИЯ, ПОЭТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ В НАБРОСКЕ РАССКАЗА ЮРИЯ КАЗАКОВА «ВЕЧЕРНИЙ ЗВОН»: ОПЫТ АНАЛИЗА ОДНОГО РАССКАЗА

Е. М. Букаты

Источник названия рассказа и его экспозиции – стихотворение И.Козлова «Вечерний звон». Музыкальность – характеристика жизни, мироощущения главного героя, композиции рассказа. Важные эпизоды художественного времени – весна и вечер. В образном изображении пространства, поведения в нём героя для автора значимы линия и круг. Вещи и движение героя изображают путь инициации молодого героя, что сопровождается его переходом от малоподвижности, одиночества к подвижности и единению с людьми.

Ключевые слова: Юрий Казаков, рассказ, художественное пространство и время, интертекст, цитата, психологическая проза, лирическая проза.

Эта статья возникла в результате эксперимента, предпринятого кафедрой филологии НГТУ: объединить, продемонстрировать разнородные (литературоведческие и лингвистические) методы анализа на примере исследования одного художественного текста. Здесь представлена часть литературоведческого анализа.

Рассказ Юрия Казакова «Вечерний звон» входит в цикл «Наброски рассказов», созданный в 1970-е годы. Приведём здесь текст этого небольшого произведения целиком:

«Пашка точит прокладочные кольца. Работа неинтересная, легкая, поэтому он может размышлять на досуге о чем угодно. Под равномерное гудение своего станка, под смачное шлепанье шкива и тонкий визг резца Пашка думает о том, что через два дня у него большая получка и он купит себе дорогую гитару. Потом надо будет купить галстук и билеты в консерваторию. В консерваторию он хотел сходить давно, но не было галстука, а без галстука, да тем более

с девушкой, Пашка идти не решался. Галстук же он купит – такой, как у Кузьмичева – с розовыми переливающимися разводами.

Пашке исполнилось недавно пятнадцать лет. Вырос он в детдоме, год назад окончил ремесленное училище и работает теперь токарем по четвертому разряду. Живет он в общежитии и вечерами играет на гитаре. Гитара у него фабричная, дешевая, семиструнная, но играет он на ней хорошо. Правда, не всегда можно играть. Тогда Пашка вздыхает, ложится на кровать и читает. Читать он тоже любит.

Весной ему дали билет в Кремль. Он постригся, отмыл руки и пошел. В Георгиевском зале было так ослепительно светло, так много было девочек в нарядных платьях, в белых фартуках, с белыми воздушными бантами в волосах, что Пашка струсил и прижался к стене. Так бы он и простоял весь вечер, переминаясь с ноги на ногу, в каком-нибудь углу, но мимо пробежал какой-то мужчина с жирным бледным, неестественно радостным лицом. «В круг, в круг», – кричал он высоким голосом и хватал без разбора девочек и ребят за руки, толкал в середину. Он схватил и Пашку, Пашка моргнул, вылетел на середину зала, и тотчас его перехватили, поставили в ряд, и в правой руке он ощутил чью-то такую нежную и слабую руку, что покраснел до испарины. Он скосил глаза и увидел рядом с собой девочку. Она была ослепительна и прелестна. Щеки ее были румяны, глаза сияли, волосы дымились от света, и в волосах был прозрачный бант. Она давно уже танцевала и теперь запыхалась, но хотела танцевать еще и еще.

Заиграла легкая головокружительная музыка, весь круг, все это враз двинулось с гулом шаркающих ног, со смехом, со счастливыми лицами в одну сторону, человек с жирным лицом забегал по середине круга и кричал сильнее, какая-то волна восторга, жара и света переполняла Пашку.

– Правда, замечательно? – крикнула ему соседка, заглянув в глаза своими сумрачно-счастливыми, с тяжелыми веками, необыкновенной глубины глазами. Пашка только кивнул и задержал дыхание. Он не мог ничего сказать.

Потом все кончилось, и Пашка опять стоял у стены. Горе охватило его, оттого что все кончилось и его прекрасная соседка куда-то ушла, исчезла, убежала. Он чуть не заплакал.

– Что же вы стоите? – вдруг спросили его. Он повернулся и похолодел: перед ним стояла давешняя его соседка. – У вас нет здесь никого? – участливо спросила она.

Пашка мрачно кивнул, сдерживая слезы.

– Девочки, идите, я потом, – закричала тогда она, повернувшись к кому-то. – Пойдемте со мной, хотите?

Пашка совершенно стушевался, а она взяла его за руку.

– Я тут, знаете, который раз... Я тут пятый раз в жизни и все-все знаю.

И она его потащила; в какую-то толпу, в толчею, там была какая-то очередь, писк, смех, все теснились и во что-то играли. Потом они пошли по залам, потом поднялись в сумрачные сводчатые комнаты Грановитой палаты...» [1. С. 104–105].

Цитатная природа названия

Музыкальная тема и её место в рассказе соответствуют природе лирической, психологической прозы, к которой принадлежат многие произведения Ю. Казакова. Само название рассказа Казакова отсылает читателя к одноимённому известному стихотворению Ивана Ивановича Козлова, ставшему романсом.

Сравним эти произведения:

Вечерний звон	
Стихотворение И. И. Козлова [2. С. 163]	Рассказ Ю.Казакова
Сходства и различия	
<i>Вечерний звон, вечерний звон! Как много дум наводит он О юных днях в краю родном, Где я любил, где отчий дом. И как я, с ним навек простясь, Там слушал звон в последний раз!</i>	Цитатное название рассказа Казакова Пашка «размышляет», мечтает в 1-ом абзаце Весь рассказ о юности 15-летнего Пашки Влюблённость, увлечение Пашки девочкой Пашка – детдомовец, у него нет «отчего дома», но Кремль – знак страны-дома. Еще несходство: «звон», музыка открывающейся для Пашки жизни – не в последний раз, а в первый.

Уже не зреть мне светлых дней <i>Весны обманчивой</i> моей! И сколько нет теперь в живых Тогда <i>веселых, молодых!</i> И крепок их могильный сон; Не слышен им вечерний звон.	Тема смерти и скоротечности жизни, прошлых поколений, прошлого – у Козлова У Казакова наоборот: будущее, весёлая юность, ожидание, надежды на счастливую жизнь. Но если это не весь рассказ, а набросок, то неизвестно, чем он кончится. Весна Пашки тоже может быть «обманчивой», как у Козлова
Лежать и мне в земле сырой! Напев унылый надо мной В долине ветер разнесёт; Другой певец по ней пройдёт. <i>И уж не я, а будет он</i> <i>В раздумье петь вечерний звон!</i> 1827	Преимственность певцов-поэтов Казаков «поёт», создаёт свой «вечерний звон», своё раздумье, но не о смерти, а о юности, о начале жизни
Различия	
У Козлова «Вечерний звон» - это звон колокола православного храма – призыва к молитве, к Богу. Звон может быть по разным причинам, например, погребальный звон колокола при отпевании усопшего (см. «...И крепок их могильный сон» у Козлова)	Звон станка Музыка гитары (Пашка <u>вечерами</u> играет) Музыка консерватории, в которую собирается пойти Пашка Музыка бала в Кремле (тоже <u>вечер</u>) Всё вышеперечисленное – это светская (и советская) музыка.
Грустная музыка, заставляющая размышлять, помнить об умерших и о своей будущей смерти	«Лёгкая головокружительная музыка», веселье, смех. Музыка вводит героев в счастливую юность, в жизнь

Таким образом, стихотворение Козлова «Вечерний звон», безусловно, является источником для названия рассказа и для его экспозиции (завязки), но Казаков, видимо, задействовал для своего сю-

жета лишь первые четыре стиха Козлова (наиболее известно начало романа) и темы звона, звучания музыки, вечера, т.к. других прямых смысловых связей между текстами нет.

Музыка пронизывает весь рассказ и реализуется в тексте в многочисленных музыкальных деталях: а) музыка станка: «гудение станка», «смачное шлепанье шкива и тонкий визг резца» – музыка работы, труда; б) герой хорошо играет на фабричной гитаре, планирует купить гитару дорогую; в) давно мечтает сходить в консерваторию; г) герой вспоминает о вечере-бале в Кремле, где танцевал под «легкую головокружительную музыку».

Таким образом, музыкальность является не только характеристикой лирической прозы, но и становится характеристикой мира главного героя, образа его существования и мироощущения.

Музыкальность можно усмотреть и в композиционном ритме рассказа, который задаётся повтором слов (ключевых слов):

- «лёгкая» работа (в первом абзаце), музыка (в Кремле).
- Радостный, счастливый (настрой героя, «неестественно радостное лицо» распорядителя бала, «сияющие глаза» девочки, «волна восторга» в Пашке во время танцевания, счастливые лица танцующих в Кремле, смех танцующих, смех в толпе, толчее (последний абзац)).

- Контраст светлого, сияющего и сумрачного, тёмного. Ослепительный, сияющий (галстук с «переливающимися разводами», «жирное лицо» распорядителя бала в Кремле, возможно, связано с семантикой толстоты, а возможно, «жирное лицо» как блестящее от кожного жира, сияющие глаза девочки, «она была ослепительна, волосы дымилась от света, и в волосах был прозрачный бант», т.е. тоже светящийся и пропускающий свет). Сумрачный («Сумрачно-счастливые, с тяжелыми веками, необыкновенной глубины глаза» девочки, «Сумрачные сводчатые комнаты Грановитой палаты»). Глаза прикрыты веками, а комнаты – сводами, – так, и те, и другие создают одинаково загадочную и манящую атмосферу тайны, сумрака.

- Контрастные состояния главного героя: жар или холод (жар счастья во время танца и холод робости «похолодел: перед ним стояла давешняя его соседка»), счастье или горе (счастье, восторг во время бала и «горе охватило его, оттого, что все кончилось... чуть не заплакал... кивнул, сдерживая слезы»), одиночество или дружеская связь с людьми.

Поэтика художественного времени

Ощущение времени, жизни в рассказе Казакова соответствуют отчётливой прозе: оптимизм, чувство героя, что «всё впереди», и ожидание того, что будущее будет лучше настоящего.

В этом рассказе значимы: время суток – вечер, и время года – весна. Вечерами Пашка играет на гитаре или читает. Весной ему дали билет в Кремль и он проводит там вечер.

Время вечера, конца дня в этом рассказе обладает совсем иными значениями, нежели в стихотворении И. И. Козлова, в рассказе Казакова – это время начала жизни. Герою 15 лет и вся жизнь у него впереди, а в настоящем он мечтает о прекрасном будущем, в частности, о походе на концерт в консерваторию, который тоже, вероятно, состоится именно вечером.

То есть вечер для него – блаженное время или отдыха, или самообразования, или развлечения, или мечтания. Вечер – это и время, которое даёт ему новые возможности: знакомства с новыми людьми, игры (в последнем абзаце «все теснились и во что-то играли»), познания. Таким образом, вечер у Казакова приобретает традиционно не свойственные этому образу времени значения: воплощение мечтаний в жизнь, радость и т.п.

Весна и её метафорические смыслы обычно коррелируют с таким временем суток, как утро, но не с вечером. Здесь можно предположить, что для лирической, импрессионистической манеры Казакова вечер уместнее, потому что выражает тихую, задумчивую грусть автора и мечты героя о будущем, неожиданная радость героя в его в общем-то печально начавшейся жизни.

Так же изображение времени в рассказе дискретно: давнее прошлое охватывает несколько лет, недавнее – год («год назад окончил ремесленное училище»), а значимое для героя настоящее измеряется днями и частью суток (вечер в Кремле).

Поэтика художественного пространства и положение, движение в нём героев

В данном «наброске рассказа» намечается история взросления человека, его вхождения в жизнь, которая предстаёт ему, юноме, пятнадцатилетнему, праздником. Его первый бал напоминает ситуацию первого бала Наташи Ростовской: та же экзальтация чувств и, возможно, гипертрофированные ожидания от будущей жизни, надежда на счастье.

При этом неоднократно упоминается пассивность главного героя как начинающего, новичка: «ему дали билет в Кремль»; распорядитель бала толкает его танцевать; девочка выбирает его в друзья-подопечные, ведет его за руку по залам, «потащила в какую-то толпу, толчею»; в общежитии он подчиняется нормам общежития: может играть только тогда, когда это не мешает другим; он мечтает о галстук «как у Кузьмичева», то есть руководствуется чужими нормами и образцами.

Но есть и приметы взросления и самоопределения героя: он уже имеет профессию и работает; в консерваторию собирается пойти по собственной инициативе и с девушкой, как взрослый, как взрослый купит билеты, то есть станет уже проводником для другого человека.

В свою очередь, упоминаемые в рассказе сферы пространства обозначают этот путь взросления, оптимистически, по-оттепельному выстроенный маршрут жизни:

1. Детдом – то есть отсутствие семьи и собственного, родного дома.
2. Ремесленное училище.
3. Завод (или фабрика), где он работает токарем, и мечтает, когда работа лёгкая
4. Общежитие, где вечерами он или играет на гитаре или читает (искусство и самообразование).
5. Консерватория – как желанное место, место приобщения к высокой музыкальной культуре.
6. Кремль, события в котором занимают две трети рассказа. Остановимся на нём подробнее.

Интересная деталь: герой и в Кремль проходит, и в консерваторию намеревается пройти – «по билету». То есть это закрытые пространства, проникновение в которые обусловлено препятствиями. Но если в консерваторию билет можно купить, что и собирается сделать Пашка, получив «большую получку», то в Кремль билет ему «дали» неназванные люди (возможно, его начальство в качестве поощрения) и это является неожиданной и особой удачей, отличающей его от всех прочих сирот-токарей. Еще одна возможная аллюзия: это сюжет трудолюбивой Золушки, награжденной феей поездкой на бал. Но только в реалистической литературе у Пашки нет сказочных шансов стать принцем или супругом принцессы. Его юношеские иллюзии и мечты, скорее всего, обречены в будущем на провал.

Порядок пространственных образов в сюжетном порядке и в фабульном – различаются:

- в сюжете, в событии рассказывания это движение героя от завода, от мечты у станка – к событиям в Кремле, которые как будто преувеличенно воплощают все самые невозможные мечты;

- в фабуле, в событии рассказа: движение героя от детдома – к консерватории. Набираемый разбег жизни, может быть, приведет его к профессии музыканта. Здесь возможны биографические параллели между автором и героем: Казаков в пятнадцать(!) лет поступает в гнезисинское музыкальное училище. Его отец был рабочим. И по воспоминаниям Казакова, во время учебы в Литинституте руководитель семинара навсегда отбил у него охоту писать о том, чего не знаешь [3].

Кремль – центр страны, средоточие столичной жизни и верховной власти, где герою, возможно, впервые открывается красота женственности (девочка на балу) и счастье дружественного единения с людьми, он избавляется от одиночества и сиротской обделённости. В Кремле он, предположительно, узнаёт и нечто важное о его устройстве, когда девочка, которая «тут уже пятый раз и всё-всё знает» ведет его по залам. То, что он – детдомовец, токарь, пятнадцатилетний юноша – попадает в Кремль, закрытое и сакрализованное пространство в центре страны – это событие в мифологическом контексте равноценно его инициации, а в социальном контексте можно приравнять почти к чуду, так как является экстраординарным случаем в жизни Пашки и любого другого человека.

Георгиевский зал, в котором проходит бал, – это самый парадный зал Кремлевского дворца. Большой и торжественный, он назван так в честь ордена св. Георгия Победоносца, утвержденного Екатериной II в 1769 году и ставшей высшей наградой Российской империи. Раньше это был зал с портретами георгиевских кавалеров = героев войн, сейчас – на стенах Георгиевского зала изображены золотые звезды и орденские повязки с девизом «За службу и храбрость». Т.е. герои танцуют в зале воинской славы и орденов, которыми награждались теперь давно умершие (ср. со стихотворением Козлова).

Цитирую: «потом поднялись в ...комнаты Грановитой палаты» – вероятно, по лестнице. Еще один исторический факт: по одной из лестниц Грановитой палаты проходили русские цари и императоры на коронацию в Успенский собор. Грановитая палата, построенная в XVI веке итальянцами, отличается изящной архитектурой, изнутри украшена иконописными фресками.

Конечно, мы не можем с точностью и достоверностью утверждать, что Казаков сознательно, намеренно использовал в качестве места действия эти залы Кремлёвского пространства, что это входило в его замысел – в тексте нет на это прямых указаний. Но эти смыслы актуальны для читателей, знакомых с историческим и искусствоведческим контекстом данного места. Безусловно другое: все эти важные исторические и архитектурные памятные пространства Кремля – это древняя и всегда новая святыня, нечто священное для русских. И потрясение, восприятие героя-юноши, вчерашнего ребёнка, его эмоции это демонстрируют.

Хотя Кремль обычно воплощает высшую власти и государственные ценности, но для Пашки актуальны другие значения: это также место счастья и единения людей, оно становится ему заменой отсутствовавшего в детстве «отчего дома». «Домом» для сироты становится вся родина, которую знаково воплощает Кремль.

Поэтому, если проследить его маршрут движения в социальном пространстве, то это маршрут и возвышения человека, и его инициации, и его ценностной ориентации: от детдома, ремесленного училища и завода – к Кремлю и консерватории.

Это возвышение реализуется и в вещах, которыми окружает себя герой (вещный ряд способен влиять на организацию художественного пространства): через два дня он поменяет свою дешёвую, фабричную гитару на гитару дорогую. Гитара и её качество, во-первых, свидетельствует о растущем социальном благосостоянии вчерашнего сироты, а во-вторых, характеризует героя, как, вероятно, художественно одарённого человека, потому что «играет он на ней хорошо». Вероятно, он также хорошо чувствует музыку, потому что постоянно к ней стремится: чтению он предпочитает игру на гитаре, стремится слушать музыку в консерватории и т.д.

Потом он купит себе галстук, вероятно, тоже первый в жизни. Это деталь, украшающая взрослого мужчину, и только имея галстук, он чувствует право побывать в консерватории и тем более в обществе с девушкой. Для неё, как и для консерватории, он должен быть выше и значительнее. Это повышение его статуса иллюстрирует галстук, тем более «с розовыми переливающимися разводами». Цветовые (розовое) и световые характеристики галстука связаны с семантикой юности и мечты, играющего света, который для героя, как и на балу в Кремле, сопутствует эмоциям счастья, радости и наслаждения красотой.

Пашка в своей обыденной жизни демонстрирует весь спектр малоподвижных, относительно статичных положений в пространстве: у станка стоит, в общежитии вечером играет на гитаре и сидит, если нельзя играть, то он читает и при этом лежит на кровати. То есть изменения в обыденной сфере: от стояния – к лежанию.

В Кремле же наоборот: от стояния – к движению. В Кремле он сначала стоит у стены – для него это состояние страха и одиночества. Но затем он движется под музыку, танцует или ходит по залам.

Эта подвижность, во-первых, всегда только в сообществе с другими людьми или с другим человеком, во-вторых, эта подвижность захватывает его через других, вовлекающих его в движение, в-третьих, подвижность наполняет его существо чувством радости, восторга, единения с людьми, любования красотой (красотой девочки, красотами залов Кремля как дворца). Другие люди превосходят Пашку как в степени подвижности, свободы, раскованности движений, так и речи (Пашка «не мог ничего сказать»): распорядитель бала «мимо пробежал», затем он «забегал по середине круга», организуя круг танцующих; девочка запыхалась от предыдущих танцев, но «хотела танцевать еще и еще», после танца она куда-то «убежала», вернувшись к нему она «потащила» его в толпу к смеющимся людям. Затем они вместе с ней «пошли» по залам, «поднялись» – это пространственное возвышение по этажам Кремля как знак увеличивающегося счастья и возвышения героя.

И девочка, и распорядитель бала руководят, распоряжаются не только движением Пашки, но и движениями других людей («Девочки, идите, я потом» – говорит девочка подругам, Пашке: «Пойдемте со мной, хотите?», распорядитель командует и толкает всех в круг). При этом, заметим, говорят в рассказе тоже только они, они же позволяют себе кричать, говорить громко: «Правда, замечательно? – крикнула ему соседка», кричит она девочкам и т.д.

Консерватория лексически тоже связана с движением: «в консерваторию он хотел сходить», причем мечтал сходить «давно».

Таким образом, взросление героя выражается и в пространственном положении героя: на смену малоподвижности, относительно статичному положению в пространстве приходит движение, сначала под руководством других, а в будущем – движение самостоятельное и даже в роли проводника в пространство музыки (поведет девушку в консерваторию).

Интересный момент – постоянное использование при изображении пространства и движения в нём персонажей геометрических фигур: ряда / линии и круга / кольца, которые в тексте чередуются.

- пашка в 1-м абзаце точит прокладочные кольца;
- в Кремле организатор бала – «мужчина с жирным, бледным, неестественно радостным лицом» выталкивает его в круг. «В круг, в круг», - кричал он высоким голосом, хватал... толкал в середину»;
- где, в свою очередь, «его перехватили, поставили в ряд»;
- пары движутся по кругу: «весь круг, всё это враз двинулось с гулом шаркающих ног»;
- затем Пашка опять стоит у стены – то есть у линии. У стены – значит на периферии пространства зала, вне общения с людьми. И в начале эпизода в Кремле Пашка «струсил и прижался к стене».

Можно сделать предположение, что геометрические образы чем-то напоминают строение гитары: линия грифа и линии струн, под ними круглое отверстие в корпусе, округлые контуры корпуса гитары. Эта связь образов, возможно, объясняется поэтическим, ассоциативным мышлением Казакова как автора лирической прозы.

Круг, положение героев «в круге», в середине зала обладает положительными значениями: единение с людьми, движение, счастье и радость, наслаждение красотой. А вот линия, положение на краю, прижатость к краю, к стене, приравнивается к положению «в углу» – в этом положении «у стены. Горе охватило его», он испытывает страх, чувство одиночества, покинутости, он чуть не плачет, сдерживает слёзы – в любом случае это всегда несвобода и внутреннее напряжение при внешней статике.

Итак, подведём итоги:

- 1) стихотворение Козлова «Вечерний звон», безусловно, является источником для названия рассказа Казакова и для его экспозиции;
- 2) музыкальность – становится характеристикой жизни, мироощущения главного героя, а также композиционного ритма рассказа;
- 3) знаковые эпизоды художественного времени – весна и вечер;
- 4) в образном изображении пространства и поведения в нём героя для автора знаковыми становятся линия и круг;
- 5) и вещи, и движение героя в московском пространстве демонстрируют путь инициации, взросления молодого героя, что сопровождается его переходом от малоподвижности, одиночества к подвижности, единению с людьми.

Список литературы

1. Казаков, Ю. П. Две ночи: Проза. Заметки. наброски. М. : Современник, 1986. 336 с.
2. Козлов, И. И. Вечерний звон // Русская песенная лирика / Сост. В. И. Анисимов, А. А. Целищев. М. : Сов. Россия, 1992. С. 163.
3. Казаков, Ю. П. Биография // Энциклопедия Кругосвет. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/KAZAKOV_YURI_PAVLOVICH.html.

List of literature

1. Kazakov, Ju. P. Dve nochi: Proza. Zаметki. Nabroski. M. : Sovremennik, 1986. 336 s.
2. Kozlov, I. I. Vechernij zvon // Russkaja pesennaja lirika / Sost. V. I. Anisimov, A. A. Celišev. M. : Sov. Rossija, 1992. S. 163.
3. Kazakov, Ju. P. Biografija // Jenciklopedija Krugosvet. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/KAZAKOV_YURI_PAVLOVICH.html.

**К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ГРАНИЦ
ПОНЯТИЯ «НАРОДНАЯ РЕЧЬ»
(НА ПРИМЕРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ДИСКУРСА
И. С. ШМЕЛЁВА)**

Е. В. Войналович

Статья посвящена определению границ понятия «народная речь» на примере речи главного персонажа романа-сказа И. С. Шмелёва «Няня из Москвы».

Ключевые слова: стилистика, народная речь, просторечие, диалектизм, И. С. Шмелёв.

Роман Ивана Сергеевича Шмелева «Няня из Москвы» (1934) [26] имеет форму сказа и представляет собой монолог няни Дарьи Степановны Синицыной, рассказывающей о своей жизни у господ до 1917 г. и о странствиях с воспитанницей в послереволюционное время. Лингвостилистический анализ романного текста и реконструирование речевого портрета главной героини приводят к необходимости точно определить тип её речи. Поскольку исследование посвящено стилизованному тексту, охарактеризуем кратко особенности функционирования нехудожественной речи в художественном произведении.

Нехудожественная речь в этом случае отождествляется с разговорной речью (мы придерживаемся узкого толкования термина *разговорная речь* как обозначения явления, обнаруживаемого не во всех разговорных стразах языка, а лишь в литературно-разговорной речи [21. С. 155]). Несмотря на многообразие точек зрения на разговорную речь (разновидность литературного языка, особый стиль и др.), все исследователи отмечают возможность ее функционирования в качестве стилизуемого объекта в художественных текстах. Художественная речь позволяет соединить письменный и устный виды коммуникации, приобретая при этом ряд особенностей и свойств, которые изначально присущи устной форме.

Приведём список приёмов, благодаря которым возможно проникновение элементов разговорной речи в текстовый строй: гиперструктурность художественного текста (сложная техника повторов,

сложное композиционно-сюжетное построение, пропуски, подраствания), гетерогенность (введение диалогов, форма сказа), образование синтетических художественных форм (синтез с музыкой, драматическими действиями) [8. С 31–35]. Запретов на вхождение каких-либо элементов разговорной речи в художественную прозу не существует, и в художественных текстах могут появляться диалектизмы, жаргонизмы, канцеляризмы, единицы просторечия и т.д.: «Единственным мерилом служит чувство прекрасного и соразмерного, вкус и такт художника... любое языковое средство, любое выразительно-изобразительное достижение общенационального языка в его диахроническом и синхроническом срезам, будучи переведенным в сферу письменно-литературного воплощения, может стать её достоянием» [8. С. 36]. Лингвостилистическая характеристика таких текстов предполагает выявление набора и сочетаний использованных автором языковых и речевых элементов, отбор которых, в свою очередь, соотносится с идейным содержанием произведений.

1. Термин *народная речь* в филологических трудах. Народная речь до XIX-го в. была на периферии писательского внимания и вне научных интересов исследователей языка. Одним из первых открыл её своеобразную красоту А. С. Пушкин. Об отношении А. С. Пушкина к народному слову вспоминал В. И. Даль: «А как Пушкин ценил **народную речь** нашу, с каким жаром и усладой он к ней прислушивался, как одно только кипучее нетерпение заставляло его в то же время прерывать созерцания свои шумным взрывом одобрений и острых замечаний и сравнений, — я не раз бывал свидетелем» [10. С. 9].

Специальных трудов, посвящённых проблеме определения народной речи, не существует, более того, ни в одном из словарей лингвистических терминов нет статьи «Народная речь» (единожды в Лингвистическом энциклопедическом словаре [20] встречается упоминание о *народном языке* как синониме к *родному языку*), однако сочетание *народная речь* широко используется в статьях и монографиях, хотя не определяется и не поясняется авторами [11; 22; 3; 19; 9; 16; 1; 18]. В исследованиях часто наблюдается смешение терминов *народная речь* и *народные говоры*: «**Народная речь** хранит особые, не всегда выражаемые литературным языком знания... Так, например, распространённые в севернорусских говорах слова рисуют особую картину мира...» [18]. См. в диалектологических трудах: *народная речь Среднего Приобья* [23]; *сибирская народная речь* [6]; *псковская народная речь* [16] и т. д. В качестве синонимов может

употребляться целый ряд таких сочетаний с компонентом *народный*: *народные говоры*, *народный язык*, *народная речь*, *простонародная речь*, *народное речение*, *образно-народная речь* [1]. Разграничивал термины *народная речь* и *диалекты* в своих статьях С. И. Ожегов. Изучив проблему норм русского литературного языка, исследователь отмечал, что интеллигенция в советское время внесла в литературный язык черты народной речи, присущие всем диалектам. «Это был глубокий процесс становления новых норм, на основе сочетания всех прогрессивных тенденций литературного языка с животворными потоками **народной речи**» [22]. По мнению С. И. Ожегова, взаимодействие литературного языка и диалектов изменилось, теперь нет такой четкой границы между ними: «Сейчас, когда носителем литературного языка являются люди народа, элементы **народной речи** вносятся самой народной интеллигенцией, не могшей не сохранить общенародных (не узко диалектных) языковых черт» [Там же].

Замечены и случаи смешения терминов *народная речь* и *народный язык*, особенно в литературоведческих и литературно-критических трудах прошлого. Противопоставляли книжный *язык* народной *речи* Н. А. Добролюбов («Как в книжном языке много есть слов для выражений высших понятий, религиозных и общественных, которых не знает народ, так, напротив, в **народной речи** находим множество слов, обозначающих предметы общежития, которых никогда не признавал язык книжный» [11]) и М. М. Бахтин (ср.: «Гоголь остро ощущает необходимость борьбы **народной речевой стихии** с мертвыми, овнешняющими пластами **языка**» [3. С. 490], «возвращение к живой **народной речи** необходимо» [3. С. 491]). Спустя много времени о широких перспективах изучения народной речи говорил Л. И. Костючук: «Необходимо знать и понимать неопределимую роль **народной** неcodифицированной **речи**... Познание языка и языковой картины мира человека через народный язык составляет задачу лингвистики и в XXI веке» [17].

Последовательно термин *народная речь* используется в исследованиях, посвященных языку русской фольклорной религиозной прозы XIX века, особенно народных легенд А. Н. Афанасьева [24; 12]. Легенды интересны «с собственно языковой точки зрения как редкий образец **народной** прозаической **речи** этого периода» [12. С. 33]. В отличие от художественных произведений о крестьянской жизни фольклорные прозаические тексты не являются стилизацией, однако «сохранили многочисленные свидетельства подлинно **народной речи**» [Там же. С. 32].

В некоторых случаях отмечено сужение понятия. Так, составители словаря «Конкорданс русской народной песни» используют термин *народно-песенная речь*: «Стремление создать систему словарей, обеспечивающих разноаспектное описание языковых единиц, обусловлено, во-первых, своеобразием **народно-песенной речи**, предполагающим использование не только традиционных лексикографических приемов и методик» [5]. Характеристику получает *народно-поэтическая речь*, реализуемая в фольклорных жанрах и являющаяся одной из функционально-стилевых подсистем диалектной речи наряду с разговорно-бытовой и др. [2. С. 252].

Наиболее близким термину *народная речь* является *просторечие* в его широком значении («социально обусловленная разновидность национального русского языка, находящаяся за пределами литературной нормы» [13. С. 390]); в узком понимании, используемом в лексикографии и стилистике, просторечие – совокупность явлений общенародного характера, относящихся к отдельному стилистическому регистру. Просторечие отличается от территориальных диалектов отсутствием закрепленности к определенному локусу; от жаргонов – тем, что единицы просторечия не определяются носителями как ненормативные; от диалектов и жаргонов – общепонятностью для носителей национального языка. С XX-го в. под просторечием понимают разновидность городской устной речи. М. В. Китайгородская уточняет, что городская речь разделяется на разговорную речь как выражение литературного языка и просторечие, стоящее за границами литературного языка, т. е. городское просторечие [15].

К характеристикам носителей просторечия [14; 7; 13] относят их особый социальный статус (как правило, это городские жители с невысоким уровнем образования и с профессией, не требующей «металингвистической» рефлексии), неразвитость языкового чутья, неумение различать норму / не-норму, частные коммуникативные признаки (ограниченный круг общения, отсутствие склонности к чтению). Носитель просторечия вне бытовой сферы общения не может переключиться на другую разновидность устной речи. Поскольку просторечие проявляется в отступлениях от нормы литературного языка (а отступления у людей могут быть различными), четкой системы и закреплённого списка фонетических, морфологических, синтаксических показателей просторечия не существует. Однако можно выделить огромное количество черт на всех уровнях

языка, по которым можно определить просторечие (стяжение гласных, эпентеза, изменение в форме склонения, освоение говорящим только части значений полисеманта, влияние на форму выражения слова народной и ложной этимологии, изменения в глагольном управлении, в падежных значениях и др.). Присущие устной речи черты и тенденции «оказываются в просторечии более продвинутыми, преодолевают порог норм литературного языка, что связано с особенностями говорящего субъекта – носителя просторечия» [15. С. 181]. Именно поэтому при описании элементов просторечия исследователи привлекают оценочные характеристики [4; 13]. Так, в лексикографических источниках можно встретить смешение помет 'простореч.' с оценочными 'сниж.' и 'фамил.'

2. Народная речь главного персонажа романа И. С. Шмелёва.

Наш отказ от использования термина *просторечие* при характеристике речевого портрета главного персонажа романа – няни – можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, мы хотели избавиться от субъективно-негативной оценки, заложенной в данном термине. Во-вторых, речевой портрет Дарьи Степановны не в полной мере соответствует портрету типичного носителя просторечия. И наконец, в речи главной героини обнаруживается целая совокупность элементов, не сводимых только к чертам просторечия.

Так, в романе не раз говорится о владении героиней тульским говором: *И какъ вы меня узнали, неужь по голосу... разговор у меня такой, тульской все?* Однако нужно заметить, что говор выражается в большей степени в произношении, а собственно диалектизмы в повествовании составляют менее 0,06% от общего количества лексем (*калить, жилиять, палять, шурхнуть*). Связано это с тем, что, во-первых, описываемые И. С. Шмелёвым события происходят в городах, вокруг няни находится незначительное количество реалий, наименований которых есть диалектные соответствия (этим объясняется только глагольный характер диалектизмов). Во-вторых, рассказчица уже много лет живет в семье интеллигентов, члены которой не являются носителями говоров. В-третьих, сам И. С. Шмелёв не был диалектоносителем, а роман написан в эмиграции, поэтому изучить тульский говор в то время для писателя было затруднительно. Писатель использовал единицы, которые были им услышаны в речи прототипа главной героини (у Дарьи Степановны был прототип – эмигрировавшая в Париж вместе с семейством Карповых, друзьями Шмелёвых, старая няня со своим московским певучим говорком). К

тому же роман с большим количеством непонятных для эмигрантов слов стал бы более тяжеловесным и сложным для восприятия.

Кроме диалектизмов, автор вплетает как в структуру произведения, так и в монолог рассказчицы фольклорные элементы. Речь Дарьи Степановны изобилует пословицами, поговорками, «бауточками», устойчивыми сочетаниями, которые отлично передают языковой дух и традиции народа. Знание и использование устойчивых выражений, паремий важно для представления И. С. Шмелёвым настоящей няни (см. его описание няни сына Сережи: «Очень живая. Масса напевов, бауток, загадок, “крылатых словечек”, – жила у бабушки (померла) до 13 л., по-слуху набилась. Очень быстро схватывала все. Умная. Приятный голос, жидковатый, – девичьим остался на всю жизнь» [24]). В тексте романа нами выявлено 380 фразеологизмов, которые имеют около 500 употреблений, при этом две трети фразеологических единиц преобразованы, обновлены автором (*на жертву принести, добиваться короткой ноги, вь руки даваться*). Анализ лексико-семантической наполненности паремий показал, что часть пословиц, поговорок, служит социально-философскому (*Дгьвушка скромностью красуется, а ты какь солдатъ расхлестанный*) и народно-религиозному осмыслению происходящего. Другие единицы помогают оправдать те или иные человеческие недостатки, чаще всего собственные (*А чего мнѣ новой-то быть, не бгльишко, не выстираешь, а какой мнѣ Богъ видѣ даль, такой и ношу, не оборотень какой, не скидаюсь*). Использование этой части фразеологического фонда не только украшает и делает монолог няни неповторимым, но и характеризует рассказчицу как человека с житейской мудростью, умеющего убеждать, что, конечно, поднимает её авторитет в глазах как персонажей, так и читателей. Около 3% всех лексем романа составляют синкретичные элементы, которые также призваны подчеркнуть песенно-фольклорную направленность речи. Такие единицы были распределены нами на 4 типа (по классификации, принятой для описания русской народной песни [5]): синонимы (*нехорошо-невесело; бродяжний-горевой; бугорочгькъ-могилка; заговаривать-мурлыкать, заплакать-зарыдать*), повторы (*вихляться-вихляться; старый-разстарый; искуста-искусна; мукамученьская*), репрезентативы (*няня-смородинка; колечки-брошки; выпить-закусить; Казанская-Матушка*), обстоятельственно зависимые (*три-дни; погхатъ-посоветоваться*).

В целом диалектизмы, фольклорные элементы в речи няни переплетены с просторечной лексикой и выражениями, с разговорными

словами, главной функцией которых является не номинативность, а экспрессивность (экспрессивные единицы составляют около 8% общего количества лексем).

Частеречные ограничения просторечной лексики в романе практически отсутствуют. Просторечия встречаются среди глаголов (*надоумить, очухаться*), субстантивов (*вздорь, поскребушки*), адъективов (*ахтительный, блажной*), адвербиальных сочетаний (*вживь, по дешевкь*), местоимений (*ихній, энтоь, куды*), несамостоятельных частей речи (*дескать, окромя*).

При характеристике отрицательных и неприятных няне людей, их внешнего вида, характера и поведения, а также при передаче диалогов персонажей, находящихся в крайне негативном эмоциональном состоянии, используется грубо-просторечная лексика. Большинство из этих единиц является субстантивами и относится к тематической группе «Оценочные характеристики»: *приходитъ къ намъ матрость и еще одинъ, вредный, рыло страшное; я ему всю морду исполокую!*

Просторечный характер отражается не только в самих лексемах, но и в словоизменении: *большевики всьхъ офицерей пожгли; за ихняго солдата; стрыгеть словно; мы вами не брезговаемъ*. В романе встречаются формы, например *бойкой, долгой, одинокой, русской* (м. р. ед. ч. Им. / Вин. п.), которые отражают устаревшую московскую произносительную норму: *Ей, говоритъ, долгой покой требуется*. Устаревшие формы деепричастий на *-миши* когда-то тоже перешли из диалектов в просторечие: *выпимиши, устамиши, распечатамиши*.

Для большего эффекта И. С. Шмелёв пользуется не только тщательно отобранными лексико-грамматическими единицами, но применяет также фоностилистические, графические (частичное фонетическое транскрибирование: *привышина, скушно*; дефис для передачи просодики: *я-ма, блъ-эдная-разблъдная*), метаплазматические средства (*вегерскій, ероплань, капарисовый; лиминація; ламбалаторія; крутизана; тортуварь / протуварь*).

Таким образом, использование автором различных по своей природе явлений приводит к созданию сложной, стилистически контаминированной речи главной героини. Несмотря на некоторые сходства изучаемого нами явления с просторечием и говорами, для обозначения этого типа речи мы используем термин народная речь, под которым понимаем отраженную в художественной литературе разновидность устной разговорной речи национального характера, сформированной на стыке просторечия, народных говоров, а также

вбирающей в себя традиционные фольклорные элементы. Используя термин народная речь, мы избавляемся от читательского субъективного отношения к рассказчице, а также учитываем неоднородность её речи, сформировавшейся под влиянием историко-социальных факторов.

Список литературы

1. Байбородин, А. Без пословицы слово не молвится! (Заметки о русском лубомудрии и краснобайстве) // Молоко, 17.09.2007. URL : <http://www.hrono.ru/text/2007/bay0907.html>.
2. Баранникова, Л. И. Народно-поэтическая речь и ее место в системе функционально-стилевых различий диалектной речи // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Саратов, 1965. С. 251–260.
3. Бахтин М. М. Рабле и Гоголь. Искусство слова и народная смеховая культура // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 484–495.
4. Бельчиков, Ю. А. Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. С. 402.
5. Бобунова М. А. Конкорданс русской народной песни: Песни Курской губернии. Курск : Изд-во КГУ, 2007. 258 с.
6. Богословская, З. М. Устная народная речь русских старожилов Сибири: сб. текстов. Томск, 2007. 101 с.
7. Голубева-Монаткина, Н. И. К проблеме сопоставления фран-

List of literature

1. Bajborodin, A. Bez poslovicy slovo ne molvitsja! (Zametki o russkom ljubomudrii i krasnobajstve) // Moloko, 17.09.2007. URL : <http://www.hrono.ru/text/2007/bay0907.html>.
2. Barannikova, L. I. Narodno-pojeticheskaja rech' i ee mesto v sisteme funkcional'no-stilevyh razlichij dialektnoj rechi // Voprosy teorii i metodiki izuchenija russkogo jazyka. Saratov, 1965. S. 251–260.
3. Bahtin M. M. Rable i Gogol'. Iskusstvo slova i narodnaja smehovaja kul'tura // Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. M., 1975. S. 484–495.
4. Bel'chikov, Ju. A. Prostorechie // Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. S. 402.
5. Bobunova M. A. Konkordans ruskoj narodnoj pesni: Pesni Kurskoj gubernii. Kursk : Izd-vo KGU, 2007. 258 s.
6. Bogoslovskaja, Z. M. Ustnaja narodnaja rech' russkih starozhilov Sibiri: sb. tekstov. Tomsk, 2007. 101 s.
7. Golubeva-Monatkina, N. I. K probleme sopostavlenija

- цузского и русского просторечия // Разновидности городской устной речи. М. : Наука, 1988. С. 257–259.
8. Гривенная, Е. Н. Стилизация разговорной речи в худ.прозе: культурно-исторический и лингвистический аспекты (на материале произведений А. Ремизова) : дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2006. 153 с.
9. Григаркевич, М. П. Наиболее характерные черты типизации народной речи в русской литературной сказке XIX века // Русский язык в условиях белорусско-русского двуязычия. Минск, 1989. С. 38–48.
10. Даль, В. И. Напутное слово (читано в Обществе любителей российской словесности в Москве 21 апреля 1862 года) // Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 2-х т. Т. 1. М. : Олма-пресс, 2002. С. 9–23.
11. Добролюбов, Н. А. Замечания о слоге и мерности народного языка. // Добролюбов Н. А. Полн. собр. соч. в 6 т. М., ГИХЛ, 1934–1941. Т. 1. С. 525–527.
12. Ефремова, А. Д. О трудностях изучения языка русской фольклорной религиозной прозы XIX века // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. Т. 7. Вып. 1. С. 32–41.
13. Журавлев, А. Ф. Просторечие // Русский язык. Энциклопедия
- francuzskiego i russkogo prostorechija // Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi. M. : Nauka, 1988. S. 257–259.
8. Grivennaja, E. N. Stilizacija razgovornoj rechi v hud. proze: kul'turno-istoricheskiy i lingvisticheskiy aspekty (na materiale proizvedenij A. Remizova) : dis. ... kand. filol. nauk. Krasnodar, 2006. 153 s.
9. Grigarkevich, M.P. Naibolee harakternye cherty tipizacii narodnoj rechi v russkoj literaturnoj skazke XIX veka // Russkij jazyk v uslovijah belorusko-russkogo dvujazychija. Minsk, 1989. S. 38–48.
10. Dal', V. I. Naputnoe slovo (chitano v Obwestve ljubitelej rossijskoj slovesnosti v Moskve 21 aprelja 1862 goda) // Dal' V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka. V 2-h t. T. 1. M. : Olma-press, 2002. S. 9–23.
11. Dobroljubov, N.A. Zamechanija o sloge i mernosti narodnogo jazyka. // Dobroljubov N. A. Poln. sobr. soch. v 6 t. M., GIHL, 1934–1941. T. 1. S. 525–527.
12. Efremova, A. D. O trudnostjah izuchenija jazyka russkoj fol'klornoj religioznoj prozy XIX veka // Vestn. Novosib. gos. un-ta. Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. 2009. T. 7. Vyp. 1. S. 32–41.
13. Zhuravlev, A. F. Prostorechie // Russkij jazyk. Jenciklopedija / Gl.

- / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М. : Большая Российская Энциклопедия: Дрофа, 1998. С. 390–391.
14. Земская, Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М. : Наука, 1988. С. 5–44.
15. Китайгородская, М. В. Наблюдения над построением устного просторечного текста // Разновидности городской устной речи. М. : Наука, 1988. С. 156–182.
16. Костючук, Л. Я. К вопросу о взаимодействии псковской народной речи с книжно-литературной: (лексич. и фразеолог. параллели в псковских говорах, памятниках письменности и соврем. лит. яз.) // Литературный язык и народная речь. Пермь, 1991. С. 138–146.
17. Костючук, Л. Я. О псковских говорах: Летопись. Глава 2-я // Псковская губерния, № 6 (26). Псков, 2001. URL : http://gubernia.pskovregion.org/number_26/7.php
18. Крючкова, О. Национальное богатство // Стратегии России. № 6. Саратов, 2010. URL : http://www.fondedin.ru/sr/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1277454009&archive=1277455465&start_from=&ucat=14&
19. Ларин, Б. А. О народной фразеологии // История русского языка и общее языкознание. М., 1977. С. 149–162.
- red. Ju. N. Karaulov. M. : Bol'shaja Rossijskaja Jenciklopedija: Drofa, 1998. S. 390–391.
14. Zemskaĵa, E. A. Gorodskaja ustnaja rech' i zadachi ee izučenija // Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi. M. : Nauka, 1988. S. 5–44.
15. Kitajgorodskaja, M. V. Nabljudenija nad postroeniem ustnogo prostorechnogo teksta // Raznovidnosti gorodskoj ustnoj rechi. M. : Nauka, 1988. S. 156–182.
16. Kostjuchuk, L. Ja. K voprosu o vzaimodejstvii pskovskoj narodnoj rechi s knižno-literaturnoj: (leksich. i frazeolog. paralleli v pskovskih govorah, pamjatnikah pis'mennosti i sovrem. lit. jaz.) // Literaturnyj jazyk i narodnaja rech'. Perm', 1991. S. 138–146.
17. Kostjuchuk, L. Ja. O pskovskih govorah: Letopis'. Glava 2-ja // Pskovskaja gubernija, № 6 (26). Pskov, 2001. URL : http://gubernia.pskovregion.org/number_26/7.php
18. Krjuchkova, O. Nacional'noe bogatstvo // Strategii Rossii. № 6. Saratov, 2010. URL : http://www.fondedin.ru/sr/new/fullnews_arch_to.php?subaction=showfull&id=1277454009&archive=1277455465&start_from=&ucat=14&
19. Larin, B. A. O narodnoj frazeologii // Istorija russkogo jazyka i obwee jazykoznanie. M., 1977. S. 149–162.

20. Лингвистический энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
21. Лукьянова, Н. А. Введение в русистику: учебное пособие. Новосибирск : Новосибирский государственный университет, 2005. 212 с.
22. Ожегов, С. И. Работы по культуре речи // Ожегов С. И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 276–285.
23. Райская, Л. М. Народная речь Среднего Приобья // Русская речь. М., 1986. № 3. С. 112–118.
24. Русские простонародные легенды и рассказы: Сборник 1861 г. / Изд. подг. В. С. Кузнецова, О. Н. Лагута, А. М. Лаврентьев. Новосибирск : Наука, 2005. 320 с.
25. Шмелёв, И. С. и Бредиус-Субботина О. А. Роман в письмах: В 2 т. М. : РОССПЭН, 2003 и 2005. URL : <http://shmelev.lit-info.ru/shmelev/pisma/bredius-subboyinoy/1939-1942-10.htm>.
26. Шмелёв, И. С. Няня из Москвы. Париж: Возрождение, 1936. 187 с. URL : <http://smalt.karelia.ru/~filolog/shmelev/texts/arts/njanja/htm/njanja.htm>.
20. Lingvisticheskij jenciklopedicheskij slovar'. M. : Sovetskaja jenciklopedija, 1990. 685 s.
21. Luk'janova, N. A. Vvedenie v rusistiku: uchebnoe posobie. Novosibirsk : Novosibirskij gosudarstvennyj universitet, 2005. 212 s.
22. Ozhegov, S. I. Raboty po kul'ture rechi // Ozhegov S. I. Leksikologija. Leksikografija. Kul'tura rechi. M., 1974. S. 276–285.
23. Rajskaia, L. M. Narodnaia rech' Srednego Priob'ja // Russkaja rech'. M., 1986. № 3. S. 112–118.
24. Russkie prostonarodnye legendy i rasskazy: Sbornik 1861 g. / Izd. podg. V. S. Kuznecova, O. N. Laguta, A. M. Lavrent'ev. Novosibirsk : Nauka, 2005. 320 s.
25. Shmel'jov, I. S. i Bredius-Subbotina O. A. Roman v pis'mah: V 2 t. M. : ROSSPJeN, 2003 i 2005. URL : <http://shmelev.lit-info.ru/shmelev/pisma/bredius-subboyinoy/1939-1942-10.htm>.
26. Shmel'jov, I. S. Njanja iz Moskvy. Parizh: Vozrozhdenie, 1936. 187 s. URL : <http://smalt.karelia.ru/~filolog/shmelev/texts/arts/njanja/htm/njanja.htm>.

**ПОЭТИЧЕСКИЕ НЕОЛОГИЗМЫ К. БАЛЬМОНТА
ИЗ АРХИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ
(ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)**

В. В. Никульцева

В данной статье анализируются поэтические неологизмы, обнаруженные в архивных материалах К. Бальмонта, хранящихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербурге). На синхронно-диахронической основе приводится тщательный деривационный анализ данных слов, рассматривается индивидуально-авторское словоупотребление. Анализ немногочисленного корпуса неологизмов показывает, что они являются неотъемлемой частью символистского неолексикона.

Ключевые слова: поэтические неологизмы, словотворчество, поэтический текст, Серебряный век, словообразовательные модели, способы деривации, неолексикон, диахрония, синхрония.

Данная статья является результатом текстологического изучения рукописного наследия К. Д. Бальмонта и отражает один из этапов научно-исследовательской работы, получившей финансовую поддержку РГНФ (проект №09-04-95589 м/МЛ «Словотворчество поэтов Серебряного века»). Работа в библиотеках и архивах г. Санкт-Петербурга, в т.ч. в ОР РНБ, осуществлялась в ноябре 2009 года. Были поставлены следующие задачи исследования: 1. изучить описи, единицы хранения, библиографические указатели, картотеки ОР и Научной библиотеки ИРЛИ, ОР РНБ, Научной библиотеки РПГУ им. А.И. Герцена; 2. рассмотреть неологизмы на текстологической основе; 3. учесть факты синхронии и диахронии языка при отборе материала путем привлечения исторических и новейших толковых, орфографических, энциклопедических и др. словарей¹.

В результате проведенной текстологической работы картотека составляемого в настоящее время «Словаря неологизмов поэтов Серебряного века» пополнилась 255 лексическими единицами, в том числе 17, принадлежащими К. Бальмонту. Интересующие нас стихотворения К. Бальмонта были обнаружены в 11 единицах хранения, в 7 из которых содержатся неологизмы: Ф. 1448. Ед. хр. 73. Л.

61; Ф. 76. Ед. хр. 149. л. 2-об.; Ф. 736. Ед. хр. 335. Л. 3, 5, 17; Ф. 1312. Ед. хр. 69. Л. 4; Ф. 1000. Оп. 2. Ед. хр. 87. Л. 1; Ф. 408. Ед. хр. 2. Л. 2–4, 6, 8–10; Ф. 736. Ед. хр. 95. Л. 2.

Анализ текста рукописей показывает, что в поэтических произведениях К. Бальмонта, хранящихся в ОР РНБ, встречается весьма небольшое количество новообразований (слова типа *щедротный, пирный, бесшлемный, всепевающий* не были включены в неолексикон, поскольку зафиксированы в разных лексикографических источниках), 13 из которых представляют собой сложные слова, и лишь 4 являются аффиксальными образованиями (3 – суффиксальные производные, 1 – префиксальное).

В среде сложных имен прилагательных можно выделить 3 группы слов, различающихся способом деривации: 1) сложносуффиксальные дериваты; 2) продукты основосложения; 3) сращения.

К первой группе сложных новообразований относятся прилагательные *косодушный* и *бледноумный*, выступающие в одном контексте в роли характеризующих эпитетов (в стихотворении «Человечки» речь идет о людской заурядности и пошлости). Оба слова образованы путем сложения прилагательного (*косой, бледный*) с существительным (*душа, ум*) на основе подчинительных отношений с одновременной суффиксацией производящих основ (формантом является интерфикс *-о-* и суффикс *-н-*). Необходимо отметить, что в качестве строительного материала для неологизмов привлекаются субстантивно-адекативные словосочетания (*косая душа, бледный ум*), в которых прилагательное выступает не в прямом, а метафорическом значении (ср. с выражениями *косой взгляд, кривить душой, пустой взгляд, пустые мысли, пустые слова, бледно выглядит и мн. др.*), что делает неологизмы ёмким средством выражения авторской иронии.

Во второй группе находятся прилагательные *кристально-безмолвный, строго-нежный, дымно-голубой, воздушно-ясный, небесно-стройный*, образованные способом сложения основ. Строительным материалом послужили только адекативные основы, связанные сочинительными отношениями. В состав этих сложных новообразований входят разноплановые элементы: с семантикой 'свет/тьень': *кристально-безмолвные воды ключей, воздушно-ясный мир мечты, дымно-голубое небо*; с семантикой 'цвет': *дымно-голубое небо*; с семантикой 'объем, очертания': *небесно-стройный стих*; с семантикой 'звук': *кристально-безмолвные воды ключей*; с семан-

тикой 'пространство': **воздушно-ясный мир мечты, небесно-стройный стих**; с семантикой 'оценка качества': *строго-нежная минута*. В сложных новообразованиях этого типа наблюдается синкретизм значений: *дымно-голубое небо* (светоцветовая семантика), *кристально-безмолвные воды ключей* (светозвуковая семантика) и пр. Необходимо отметить, что двухкомпонентные прилагательные *воздушно-ясный* и *небесно-стройный* могут иметь двоякую мотивацию: с одной стороны, они, как было уже отмечено, мотивированы прилагательными, образующими сочинительные сочетания *воздушный* и *ясный*, *небесный* и *стройный*; с другой стороны, они могут представлять собой сращения на основе адвербиального и адъективного слов: *воздушно ясный, небесно стройный*. В том случае, если считать основным второй вариант мотивации, производящий наречный компонент становится эквивалентным компаративу, ср.: *ясный, как лесной воздух (Не так же ль я безгласен, / Как этот мир ветвей, вершин, стволов? / Не так же ль мир мечты воздушно-ясен, / Моей мечты и тиховой слов?)*; *стройный, как небеса Венеры (Всей мглой своей души впивая свет без меры, / Я властен создавать небесно-стройный стих, / Предавись красоте блистательной Венеры, / Горящей на черте двух светов мировых.)*

В третью группы включены новообразования *преступно-влюбленный, еле-видный, глубоко-мучительный, горько-любимый, вечно-спокойный, всегда-холодный*, возникшие по воле автора путем сращения наречного компонента с признаковым словом. Поскольку опорный компонент может быть представлен либо прилагательным, либо причастием, то внутри данной группы выделяются две подгруппы. Слова 1-й подгруппы включают в свой состав компоненты, весьма разнообразные по семантике: а) отглагольные прилагательные: с семантикой 'объем, очертания': *еле-видный человек*; с семантикой 'оценка действия, состояния': *глубоко-мучительная печаль; горько-любимая женщина*; б) отымённые прилагательные: с семантикой 'время, бесконечность': *всегда-холодная пустыня звёзд; вечно-спокойные женщины*; с семантикой 'температура': *всегда-холодная пустыня звёзд*.

Новообразование *преступно-влюбленный (ангел)* входит во 2-ю подгруппу, так как причастие выступает в роли опорного элемента в производящем словосочетании *преступно влюбленный*. Учитывая тот факт, что деривационный шаг не имеет лакуны, следует признать новообразование одним из сложных причастий, широко рас-

пространённых в символистском неолексиконе (ср. у Ф. Сологуба: *безвинно-страдающий, безрадостно-нахмуренный, безумно-распотаннный*; у В. Брюсова: *безмерно-скривленный, длительно-сжигающий*; у В. Иванова: *бело-расплавленный, властно-движущий, медно-скачущий*; у М. Волошина: *бессолнечно-просветлённый, давно-отцветший, светло-цветущий*; у А. Белого: *бледнотающий, воздушно-излученный, огнисто-блещущий*; у А. Блока: *серебристо-утомленный, блестяще-замкнутый*; у Ю. Балтрушайтиса: *мудро-примирённый*; у Д. Мережковского: *нежно-любящий, таинственно-мерцающий* и мн. др.).²

В числе аффиксальных новообразований К. Бальмонта, наиболее привлекательных для исследователя в силу своей «окказиональности», два существительных, одно из которых – префиксальное образование (*пересветы*), а другие – суффиксальные (*млечность, скрученность*), и прилагательное, построенное суффиксальным способом (*вспевный*).

Контекст, включающий существительное *пересветы* (*Насыщенный Солнцем, седой можжевелник, / Сквозной березняк, пересветы осин...*), подсказывает, что оно не может быть образовано суффиксацией на базе гипотетического окказионального глагола *пересветить*. Если предположить наличие этого лакунарного звена в словообразовательной цепи *светить* → *пересветить* → *пересветы*, то логически можно прийти к выводу, что приставка *пере-* должна иметь значение либо трансформации ('заново'), либо чрезмерного проявления действия ('очень'). В Словаре Даля отмечается похожее существительное со значением, близким к одному из обозначенных выше, вносимых этой приставкой; ср.: *пересвет*, м. «переговоры?» [1, III, стб. 203]. Значение новообразования *пересветы*, вносимое приставкой, близко к такому: 'чередование пятен света и тени; полосы света между деревьями'. О преимуществе этой трактовки слова свидетельствует и введение прилагательного *сквозной*, послужившего, в свою очередь, производящим словом для неологизма *сквозь*, в синонимичном значении встречающегося в неолексиконах М. Цветаевой [7] и Игоря-Северянина³ [4].

Существительные *млечность* и *скрученность* отсылают исследователя к известному факту, свидетельствующему, по наблюдениям филологов, напр. Н.А. Кожевниковой [2] и Н.И. Харджиева [10], о частотности суффиксальных субстантивных образований на *-ость* в языке символистов. Особенность производства первого новообразо-

вания, характерная, впрочем, не только для словотворческих приёмов метров символизма, но и для заумных путей создания словношестств представителями иных литературных направлений, заключается в том, что в качестве производящей основы выступает относительное прилагательное, прошедшее через этап «окачества». В данном случае таким производящим словом послужило прилагательное *млечный*, прошедшее путь от прямого значения ‘молочный, т.е. относящийся к молоку, связанный с молоком’, до метафорического ‘цвета молока, белый’. Таким образом, неологизм *млечность* (*В небе – видения облачной млечности, / Тайное пение – в сердце и в Вечности...*) в окружении таких слов, как *луна, лунный (свет), небо, светлый, белый*, рождает образ ночного неба с бледной, окутанной дымкой луной, выглядывающей из-за полупрозрачных облаков.

Созданное путем суффиксации причастной основы, прошедшей, в свою очередь, через процесс адвербиализации, существительное *скрученность* функционирует как ключевое слово, занимающее одну из значимых позиций текста – в заглавии произведения. Вкупе с перифрастическими конструкциями *сплав руды, вещатель слова, час вождения святого*, богатством эпитетов (*взрывный ключ, вспевная вода, бой бесилемный, упорный пламень*) и генитивными метафорами *жгут цветка, недра изобилья* неологизм вступает в процесс порождения многопланового образа воды – огня – цветка, пластично вписывающегося в мотив творческого вдохновения, чистого искусства.

Что же касается прилагательного, единственного из всех неологизмов Бальмонта, обнаруженных в рукописных фондах РНБ, то следует признать его непохожесть на ранее проанализированные слова. Будучи образованным от глагола *вспеть (вспевать)*, отмечаемого в БАС как устаревшее слово и встречаемого в Словаре Даля как вариант глагола *воспеть (воспевать)*, прилагательное *вспевный* представляет собой суффиксальное новообразование, по морфонологическим свойствам не уступающим причастию *воспетый*. Однако введение сонорного [н], свойственного мелодичности поэтического языка бальмонтских произведений, рождает новый образ, опирающийся как на средства эвфонии, так и на словообразовательные повторы (ср. прилагательные с одним и тем же суффиксом *щедротный, вспевный, взрывный*, нанизанные в мелодично концентрированном пространстве стихотворения): *Из недр щедротных изобилья / Прорвется вспевная вода. / Но прежде долгий путь подземный*

*/ Пройдет во мраке взрывный ключ, / Пред тем как с миром бой
бесилемный / Зачнет, дробя граниты круч.* Звуковая семантика новообразования удачно коррелирует с семантикой художественного текста; неологизм принимает участие в построении образа-символа.

Как следует из анализа немногочисленного корпуса неологизмов, адъективные и глагольные (в их состав вошли только причастия) индивидуальные слова К. Бальмонта разнообразны по семантике, но ограничены моделями и способами деривации. Помимо этого, они имеют корреляты среди однокоренных и сходноструктурных слов, образующих символистский неолексикон, частотны не только в ряду словообразовательных групп конкретного автора, но и в словотворчестве поэтов одного литературного направления, незаменимы в функции уточняющего и характеризующего эпитета, восходящего к метафорической конструкции, входят в блок ключевых слов текста, вследствие чего обладают огромным словотворческим потенциалом. В ряде случаев сложные слова выступают в роли рифмо- и ритмообразующих средств. Эти черты сложносоставных новообразований позволяют отнести их к периферии словотворческой системы. Однако именно субстантивные образования, которые в силу их специфики выделены на крайне ограниченном языковом материале и потому рассмотрены в рамках настоящей статьи как единичные, свидетельствуют о том, что они и составляют ядро неолексикона. Уникальность их формы и строения, широта и глубина деривационных возможностей, многогранность семантики, участие в образовании словообраза и символики, вхождение в концептосферу, главенство позиций в тексте, тропическое многообразие, словообразовательные контекстуальные связи, способность к переходу в другие поэтические неолексиконы и мн. др. отличают аффиксальные новообразования от сложносоставных неологизмов. Всего четыре неологизма К. Бальмонта ярко демонстрируют все отмеченные нами черты аффиксальных поэтических новообразований.

Примечания

¹ О применяемом нами синхронно-диахроническом подходе в изучении неологизмов см.: Никольцева, В. В. Индивидуально-авторское слово между двумя эпохами: диахронический и

Primechanija

¹ O primenjaemom nami sinhronno-diahronicheskim podhode v izuchenii neologizmov sm.: Nikul'ceva, V. V. Individual'no-avtorskoje slovo mezhdvu dvumja jepohami: diahronicheskiy i

синхронный подходы к изучению его строения и деривации // Язык и межкультурная коммуникация: материалы VI Межвузовской научно-практической конференции, 23–24 апреля 2009 года. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов, 2009. С. 228–232; Никульцева, В. В. Проблемы сравнительного анализа поэтических неологизмов Серебряного века // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 20–23 марта 2010 г.): Труды и материалы. / Составители М. Л. Ремнёва, А. А. Поликарпов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2010. С. 194–195.

² Приводятся данные составленной нами картотеки поэтических неологизмов Серебряного века.

³ О дефисном написании псевдонима И. В. Лотарёва см.: Никульцева, В. В. История одного литературного псевдонима // Русская речь. 2009. № 3. С. 96–98.

Список литературы

1. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. проф. И. А. Бодуэна де Куртенэ: В 4 тт. М. : Цитадель, 1998. Т. 1. 944 с.; Т. 2. 1024 с.; Т. 3. 896 с.; Т. 4. 832 с.

sinhronnyj podhody k izucheniju ego stroenija i derivacii // Jazyk i mezhkul'turnaja komunikacija: materialy VI Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoj konferencii, 23–24 aprelja 2009 goda. SPb. : Izd-vo Sankt-Peterburgskogo Gumanitarnogo universiteta profsojuzov, 2009. S. 228–232; Nikul'ceva, V. V. Problemy sravnitel'nogo analiza pojeticheskikh neoleksikonov Serebrjanogo veka // Russkij jazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost': IV Mezhdunarodnyj kongress issledovatelej russkogo jazyka (Moskva, MGU imeni M.V. Lomonosova, filologicheskij fakul'tet, 20–23 marta 2010 g.): Trudy i materialy. / Sostaviteli M. L. Remnjova, A. A. Polikarpov. M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 2010. S. 194–195.

² Privodjatsja dannye sostavlennoj nami kartoteki pojeticheskikh neologizmov Serebrjanogo veka.

³ O defisnom napisanii psevdonima I. V. Lotarjova sm.: Nikul'ceva, V. V. Istorija odnogo literaturnogo psevdonima // Russkaja rech'. 2009. № 3. S. 96–98.

List of literature

1. Dal', V. I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikoruskogo jazyka / Pod red. prof. I. A. Bodujena de Kurtenje: V 4 tt. M. : Citadel', 1998. T. 1. 944 s.; T. 2. 1024 s.; T. 3. 896 s.; T. 4. 832 s.

2. Кожевникова, Н. А. Словоупотребление в русской поэзии начала XX века. М., 1986. 251 с.
3. Никульцева, В. В. Неолоксикон А. Блока в сопоставлении с другими поэтами его эпохи // Шахматовский вестник. Вып. 12. Биография как источник и контекст творчества А. Блока. Материалы международной научной конференции, посвящённой 130-летию со дня рождения поэта (10–12 октября 2010) / Отв. ред. И.С. Приходько; ИМЛИ РАН; Науч. совет РАН «История мировой культуры»; Историко-литературный и природный музей-заповедник А. А. Блока. М.: ИМЛИ РАН, 2011. С. 324–338.
4. Никульцева, В. В. Словарь неологизмов Игоря-Северянина / ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН; Под ред. проф. В. В. Лопатина. М.: Азбуковник, 2008. 380 с.
5. Приходько, И. Символистский словарь А. Блока // Художественный текст как динамическая система: Материалы Международной научной конференции, посвящённой 80-летию В. П. Григорьева / ИРЯ РАН, 19–22 мая 2005 года. М., 2006. С. 328–337.
6. Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / АН СССР. Ин-т рус. яз. / Под ред. Р.П. Рогожниковой. М., 1991. Т. 1. 800 с., т. 2. 739 с.
7. Словарь поэтического языка Марины Цветаевой: В 4 тт.
2. Kozhevnikova, N. A. Slovoupotreblenie v russkoj poeziji nachala XX veka. M., 1986. 251 s.
3. Nikul'ceva, V. V. Neoleksikon A. Bloka v sopostavlennii s drugimi poetami ego jepohi // Shahmatovskij vestnik. Vyp. 12. Biografija kak istochnik i kontekst tvorcestva A. Bloka. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjawjonnoj 130-letiju so dnja rozhdenija pojeta (10–12 oktjabrja 2010) / Otv. red. I.S. Prihod'ko; IMLI RAN; Nauch. sovet RAN «Istorija mirovoj kul'tury»; Istoriko-literaturnyj i prirodnyj muzej-zapovednik A. A. Bloka. M.: IMLI RAN, 2011. S. 324–338.
4. Nikul'ceva, V. V. Slovar' neologizmov Igorja-Severjanina / IRJa im. V. V. Vinogradova RAN; Pod red. prof. V. V. Lopatina. M.: Azbukovnik, 2008. 380 s.
5. Prihod'ko, I. Simvolistskij slovar' A. Bloka // Hudozhestvennyj tekst kak dinamicheskaja sistema: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, posvjawennoj 80-letiju V. P. Grigor'eva / IRJa RAN, 19–22 maja 2005 goda. M., 2006. S. 328–337.
6. Svodnyj slovar' sovremennoj russkoj leksiki: V 2 t. / AN SSSR. In-t rus. jaz. / Pod red. R.P. Rogozhnikovoj. M., 1991. T. 1. 800 s., t. 2. 739 s.
7. Slovar' poetičeskogo jazyka Mariny Cvetaevoj: V 4 tt. (6

- (6 кн.) / Сост. Белякова И. Ю., Оловянникова И. П., Ревзина О. Г. / Под ред. О.Г. Ревзиной. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1996–2004.
8. Словарь современного русского литературного языка: В 17 тт. М.–Л., 1948–1965.
9. Улуханов, И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. М., 1996. 221 с.
10. Харджиев, Н.И. Статьи об авангарде: В 2 тт. Т. 2. М. : РА, 1997. Т. 2. 314 с.
11. Шанский, Н. М. Очерки по русскому словообразованию. Изд. 2-е, доп. М. : URSS, 2005. 332 с.
12. Энциклопедический словарь / Под ред. проф. И. Е. Андреевского. Издатели Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон: В 41 тт. и доп. СПб., 1890–1907.
- kn.) / Sost. Beljakova I. Ju., Olovjannikova I. P., Revzina O. G. / Pod red. O.G. Revzinoj. M. : Dom-muzej Mariny Cvetaevoj, 1996–2004.
8. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka: V 17 tt. M.–L., 1948–1965.
9. Uluhanov, I. S. Edinicy slovoobrazovatel'noj sistemy russkogo jazyka i ih leksicheskaja realizacija / RAN. In-t rus. jaz. im. V.V. Vinogradova. M., 1996. 221 s.
10. Hardzhiev, N.I. Stat'i ob avangarde: V 2 tt. T. 2. M. : RA, 1997. T. 2. 314 s.
11. Shanskij, N. M. Oчерki po russkomu slovoobrazovaniju. Izd. 2-e, dop. M. : URSS, 2005. 332 s.
12. Jenciklopedičeskij slovar' / Pod red. prof. I. E. Andreevskogo. Izdateli F. A. Brokgauz, I. A. Efron: V 41 tt. i dop. SPb., 1890–1907.

**КОМПОЗИЦИЯ СЮЖЕТА «ПОВЕСТИ О СТАРОМ ПОСЕЛКЕ»
В. С. МАКАНИНА**

Д. К. Токмагамбетова, Т. В. Тимохина

Статья посвящена анализу композиции сюжета «Повести о старом поселке» современного российского писателя Владимира Маканина. Особое внимание уделяется двучастной композиции повести, которая дублируется в ряде произведений писателя. Выводы, сделанные автором статьи, подтверждают идею параллельности двух пространств в восприятии жизни главного героя Ключарева.

Ключевые слова: композиция, сюжет, текст, роман-коллаж, повесть, система образов.

Композиция художественного текста является важным компонентом анализа произведения, и изучение этой стороны текста актуально в современном литературоведении. В. Е. Хализев определяет композицию как «взаимную соотношенность и расположение единиц избираемого и художественно-речевых средств, систему соединения знаков, элементов произведения, определяющие его восприятие» [1. С. 169]. Композиция, как отмечает ученый, – важнейший организующий компонент художественной формы, придающий произведению единство и цельность, соподчиняющий его элементы друг другу и целому.

Б. А. Успенский, в свою очередь, отмечает другую сторону композиции произведения. «Важнейшим аспектом композиции является последовательность, в которой вводятся в текст компоненты избираемого, – временная организация литературного произведения как процесс обнаружения и развертывания художественного содержания» [2. С. 89].

Композицию часто отождествляют как с сюжетом, системой образов, так и со структурой художественного произведения [1. С. 237]. Сюжет упорядочивает действие в произведении во временной протяженности.

Сюжет, как одна из составляющих композиции, осознается как ход событий, развитие действия в повествовательных и драматических произведениях [3. С. 306]. В общем виде сюжет – это базовая схема произведения, в которую входит последовательность проис-

ходящих в произведении действий и совокупность существующих в нем отношений персонажей. Обычно сюжет включает в себя следующие элементы: экспозицию, завязку, развитие действия, кульминацию, развязку и постпозицию [4. С. 4]. Сюжет в повествовательных произведениях составляет динамический стержень композиции. Сюжет – это одна из сторон формы произведения, вместе с другими выражающая содержание [3. С. 874]. Понятие сюжета тесно связано с понятием фабулы произведения.

Таким образом, мы понимаем композицию, вслед за В. Е. Хализевым, как взаимную соотнесенность и расположение единиц изображаемого и художественно-речевых средств, систему соединения знаков, элементов произведения.

Обратимся к сюжетно-композиционному анализу одного из произведений романа-коллажа В.С. Маканина «Повесть о старом поселке». В тексте повести выражена двучастная композиция. Композиционно текст повести выстроен своеобразно: отрывки из жизни Ключарева в Москве перемежаются его воспоминаниями о детстве в Старом Поселке. Первый переход к воспоминанию о Старом Поселке может трактоваться как противовес суетной, фальшивой жизни людей в Москве. Семья Ключаревых живет в кооперативном доме: «...хороший такой дом, благопристойный. И машин вокруг дома много стоит, собственных. И деревья сами в субботник посадили. Ну не дом, а полная чаша. И друг с другом всегда здороваются, уважают друг друга. И разговоры про микроклимат, про то, что, дескать, сами создаем себе жизнь - истинную жизнь большого города...

Было воскресенье в Старом Поселке, светлое воскресенье и не жаркое» [5. С. 93]. Автор противопоставляет одной, настоящей жизни, которая была в Старом Поселке, другую, «поддельную» жизнь в Москве. Это выражается в форме внезапного перехода от одного эпизода жизни к совершенно другому.

Следующее воспоминание Ключарева, и соответственно переход к Старому Поселку, происходит при сравнении типа начальника. Ключарев вспоминает о Старом Поселке и поселковом начальнике: «Но и в Старом Поселке, если уж о начальстве, тоже жил кое-кто. А именно он - инженер Калабанов. Их гордость» [5. С. 110]. Ключареву не нравится нынешний начальник Иван Серафимович, потому что по его же словам он «мямля», а он, видя с детства перед глазами пример сильного начальника, тоскует именно по такому начальнику.

Далее в композицию сюжета повести входят воспоминания Ключарева о Старом поселке, которые связаны с важными аспектами жизни человека. Одним из них является любовь. Когда Ключарев сталкивается с этой стороной жизни в Москве, он снова возвращается мыслями в Старый поселок. «Так что тут даже соответствие. Такая плата. Такая и любовь была. Начинаешь и уже наперед знаешь - игра... то есть конечно же оно тоже человеческое, наше, что-то ты получаешь, и утоляешь, и даже душой свежеешь, но ведь игра. И ходы наперед» [5. С. 125]. Такой образ жизни в столице и порождает такой тип любви. Но в Поселке была чистая, почти платоническая любовь. Ключарев думает о Старом Поселке и вспоминает о трех «чокнутых» мужчинах, которые были безнадежно влюблены каждый в «свою», и ходили за этими женщинами всюду, и любовались ими, несмотря на то, что они были замужем.

Следующее воспоминание о Старом Поселке связано с родительско-детскими отношениями: в театре, когда Ключарев наблюдает за сыном, наталкивает его на мысль о своем отце, и он начинает вспоминать ночь, когда его тетка сообщила отцу о смерти брата Ключарева, Юрочки. Мать заболела, умер Юрочка, и отцу пришлось отказаться от продвижения по службе. Отец порвал вызов из области, и не продолжил образование, зато Ключарев пошел дальше отца, переехал в Москву, работает научным сотрудником в НИИ.

То же наблюдается и в пятой главе, которая сразу начинается с событий в Старом Поселке, Ключарев вспоминает другую ночь, когда убили дядьку Ваню. Этот эпизод как бы рассказанный Ключаревым, сам Ключарев-мальчик не мог наблюдать. А рассказывает либо повествователь, либо сам герой, но по рассказам других людей. Эта часть рассказа оказывается значимой – это эпизод убийства дяди Вани оказывается важным для Ключарева, потому что один из поселковых мужчин убит и навсегда остался в Старом Поселке.

В шестой главе повести Ключарев ссорится с подругой семьи Наташей. Так разрываются отношения между их семьями. А в поселке все было не так: Ключарев вспоминает закладку фундамента, когда люди работали всем поселком. В большом городе наблюдается разобщенность людей, в городе каждый за себя. А в Старом Поселке отношения людей были искреннее, добрее, там была взаимопомощь, общность интересов. «Работали самые разные люди...это довольно большое, мощное скопище людей...» [5. С. 160].

В последней седьмой главе изображена только московская жизнь Ключарева. В конце концов, Ключарев сам едет в Старый Поселок. Но от поселка ничего не осталось, только разрушенные бараки да кладбище, куда главный герой идет к могиле брата Юрочки: «Старый Поселок мертв. Пуст. Ни барачков, ни котельной, а дорожки превратились в тропки» [5. С. 183]. Уже нет того Старого Поселка, о котором так долго вспоминал Ключарев.

Таким образом, сюжет и его построение демонстрируют параллель московской жизни Ключарева и его жизни в Старом Поселке. Ключарев остро реагирует на события своей жизни, углубляясь в воспоминания из детства. Последовательность и соотнесенность воспоминаний и реальной жизни выявляются на протяжении всей повести. Эти обращения к прошлой жизни как бы иллюстрируют различие жизни в современном городе и в Старом Поселке. При наличии похожих ситуаций суть жизненных отношений меняется, происходит сдвиг, который чувствует Ключарев, и герой пытается нивелировать его.

Список литературы

1. Хализев, В. Е. Теория литературы. М., 2002. 437 с.
2. Успенский, Б. А. Поэтика композиции. СПб., 2000. 347 с.
3. Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. М., 1962. 1978. 814 с.
4. Литературная энциклопедия: В 11 тт., Т.11 / Гл. ред. Луначарский А. В. М., 1939. 824 с.
5. Маканин, В. С. Линия судьбы и линия жизни: Романы. М., 2001. 601 с.

List of literature

1. Halizev, V. E. Teorija literatury. M., 2002. 437 s.
2. Uspenskij, B. A. Pojetika kompozicii. SPb., 2000. 347 s.
3. Kratkaja literaturnaja jenciklopedija / Gl. red. A. A. Surkov. M., 1962. 1978. 814 s.
4. Literaturnaja jenciklopedija: V 11 tt., T.11 / Gl. red. Lunacharskij A. V. M., 1939. 824 s.
5. Makanin, V. S. Linija sud'by i linija zhizni: Romany. M., 2001. 601 s.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

О ДВУХ ПОДХОДАХ К ОПИСАНИЮ ДЛИТЕЛЬНОСТЕЙ ЗВУКОВЫХ СЕГМЕНТОВ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ ПОЗИЦИИ ВО ФРАЗЕ

С. В. Баталин

Рассматриваются два подхода к описанию временной организации фразы – на звуковом (гласные и согласные) и слоговом уровнях. Показано, что длительности звуков в различных позициях в составе фразы подвержены большей вариативности по сравнению с длительностью слогов.

Ключевые слова: длительность гласного; длительность согласного; длительность слога.

1 Введение

Как известно, длительность звуков речи обусловлена действием целого ряда факторов, таких, как фонологических, контекстных и позиционных. К фонологическим факторам относят так называемую собственную длительность звука, определяемую временем, необходимым артикуляционным органам для произнесения того или иного звука. К контекстным факторам относится фонотактическое окружение справа и слева от звука, то есть непосредственный фонетический контекст; под позиционными факторами обычно понимается позиция звука в составе слога, фонетического слова, синтагмы или фразы. Степень изученности действия вышеперечисленных факторов различна и определялась, прежде всего, прикладными задачами, такими, как синтез речи. Наиболее продуктивным подходом на начальном этапе являлся анализ длительностей звуков с учетом их позиции в составе фразы. Отметим, что исследователи, как правило, при этом не ограничивались анализом только позиционных факторов, но учитывали влияние факторов фонологических, фонотактических, синтаксических, а также темп речи и ситуацию общения. Поскольку поставленная перед нами задача заключается в анализе влияния позиции во фразе на длительность звука, рассмотрим имеющиеся данные только с учетом позиционных факторов.

Как установил Д. Оллер [18], для начального положения в составе фразы характерно увеличение длительностей согласных. В абсолютно конечной позиции наблюдается удлинение как гласных, так и согласных, при этом максимальное удлинение наблюдается у фрикативных согласных. По данным, полученным У. Купером и М. Дэнли, фрикативные согласные удлинялись в том случае, если занимали во фразе конечную позицию, и практически не удлинялись в том случае, если занимали начальную или срединную позиции [11]. Влияние позиции на длительность смычных согласных отмечали Дж. Фледж и У. Браун. Согласно их результатам, разницы в степени удлинения [b] или [p] в начальной позиции в составе фразы не наблюдалось. В срединном положении в составе фразы длительность смычки для [p] превышала длительность смычки для [b] [13]. В.Б. Кузнецов при исследовании динамики длительностей звуков русского языка на основании полученных результатов предлагал различать конечную позицию во фразе, ее начало и все остальные (промежуточные) позиции. По данным автора, лучше всего длительности гласных звуков описывались с помощью следующих коэффициентов: начало фразы 0,83; промежуточное положение во фразе 0,75; конец фразы 1,00. Данные коэффициенты хорошо описывали позиционную динамику ударных гласных как в связном тексте, так и в искусственно сконструированных фразах [5]. Что касается динамики безударных гласных, то имеющиеся для русского языка данные носят противоречивый характер. На рисунке 1 приведены результаты, рассчитанные методом усреднения относительных длительностей безударных гласных на основе трех различных текстов, проанализированных Н.Д. Светозаровой. Как следует из восстановленных данных, разброс длительностей безударных гласных довольно значительный; возможно, как отмечает автор, он обусловлен различным положением безударных гласных в слове по отношению к ударению (наблюдалась большая длительность первых предударных и меньшая – заударных гласных). В результате автор делает вывод об удлинении гласного в конечной позиции и сокращении длительности в начальной [8].

Ряд авторов при описании динамики длительностей звуков предлагает различать во фразе только две позиции – конечную и неконечную. Подобные выводы подтверждаются результатами исследований, проведенных на материале гласных различных языков. Д. Клатт, например, отмечает, что в английском языке сокращение

длительностей гласных и согласных в неконечной позиции во фразе составляет до 60% от их первоначальной длительности [15].

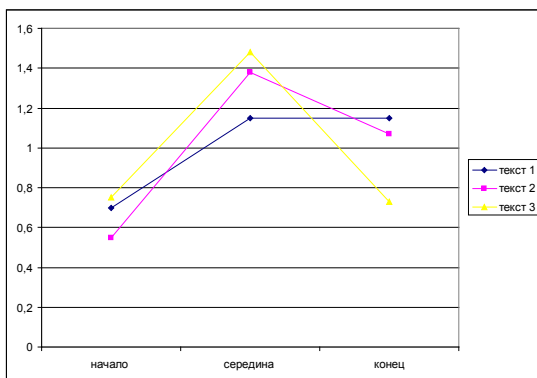

Рис. 1. Относительные длительности безударных гласных в зависимости от позиции во фразе, рассчитанные для трех текстов.

Согласно третьему подходу, распределение длительностей звуков во фразе происходит градуально и определяется удаленностью звука от начала фразы. Типичным в этом плане является подход, предложенный Б. Линдблом для предсказания длительностей звуков в шведском языке. Автор предлагает учитывать тот факт, что длительность звукового сегмента определяется количеством слогов перед искомым звуком и количеством слогов после искомого звука; данное отношение может быть выражено формулой:

$$S = d/(a+1)^{\alpha} * (b+1)^{\beta},$$

где **S** – длительность искомого сегмента; **D** – длительность соответствующего класса звуков (гласных или согласных); **a** – число слогов после искомого звука, **b** – число слогов перед данным звуковым сегментом. Коэффициенты антиципации α и компрессии β подбирался автором эмпирически [17].

Аналогичные работы по прогнозированию длительностей звуков в зависимости от их удаленности от начала фразы были выполнены и для русского языка. О.Ф. Кривнова, например, в эмпирически выведенную формулу также ввела коэффициенты удаленности звука от начала фразы [16]. Однако попытка оценить влияние данного фактора с использованием уравнения множественной линейной регрессии показала, что удаленность звука от начала фразы не влия-

ет на степень его удлинения [5]. По наблюдениям Р.К. Потаповой, длительность гласного не всегда зависит от позиции звука в составе фразы [7].

Сложный характер зависимости длительностей звуков от их позиции в составе фразы заставил ряд исследователей обратиться к слогу как единице речи, характеризующейся меньшей флукуацией по длительности. По мнению А. Хамалайнена и др., данный подход имеет целый ряд преимуществ: во-первых, использование слоговых моделей позволяет представить компактное описание речи; во-вторых, существует целый ряд исследований, подтверждающих наличие планирования именно на слоговом уровне; в-третьих, слоги, в отличие от отдельных звуков, характеризуются большей устойчивостью в речи [14. С. 131]. Действительно, имеющиеся в литературе данные подтверждают, что говорящий пользуется имеющимся у него в памяти инвентарем совокупностей артикуляционных жестов при артикуляции каждого слога, а не создает каждый раз новую моторную программу [10; 21]. В результате зависимость длительности слога от его позиции в составе фразы характеризуется гораздо большей регулярностью по сравнению со звуками. Так, Р.К. Потапова на основе анализа слоговых длительностей приходит к выводу, что позиция конца фразы универсально маркированы удлинением слогов в германских языках – немецком, английском, шведском, датском, норвежском и нидерландском. При этом между длительностью сегментов в срединной и конечной позициях фразы существует значительно большая разница, чем между длительностью сегментов в начальной и конечной позициях, что хорошо согласуется с представлением о начальном увеличении длительности [7]. На материале английского языка также имеется обширный экспериментальный материал, подтверждающий, что в словах, занимающих конечное положение, удлинение происходит в последнем ударном или безударном слоге. Д. Оллер, например, отмечает, что увеличение длительности всего слога характерно для конечной позиции во фразе. Данная темпоральная маркированность наблюдается во фразах с различным интонационным оформлением – повелительных, повествовательных и вопросительных. Фразоконечное удлинение слогов наблюдается в различных типах слогов, включая слоги с дифтонгами, фрикативными согласными, глухими смычными, а также в открытых типах слогов [18].

Однако как количественные, так и качественные оценки процесса удлинения весьма разнятся. Ф. Кумминс отмечает, что в зависимо-

сти от типа синтагмы – конечной или неконечной, удлинение может охватывать звуковые отрезки различной протяженности - от одного слога до нескольких слогов [12]. Т. А. Бровченко, наблюдая динамику конечного удлинения в спонтанной речи, пришла к выводу, что удлинение может захватывать либо главноударный слог, либо последующие заударные, либо ударный и заударный слоги одновременно [2]. По данным Н. Умеды и А. Куина, удлинение последнего ударного слога во фразе наблюдается в том случае, если этот слог является абсолютно конечным, а также если за ним следует один или несколько безударных слогов [22]. Б. Ракерд отмечает существование двух разнонаправленных тенденций слоговой динамики в конечной позиции во фразе: ударные слоги в английском удлинялись перед синтаксическими границами, но сокращались, если за ними следовали безударные слоги, входящие в состав той же фонетической группы (metrical foot) [19]. Весьма вариативны и количественные оценки степени удлинения конечных слогов. По данным С. Ф. Кусковской, конечный слог в конечной фразе удлиняется в 2,2 раза по сравнению с неконечными слогами [6]. В. И. Артемов рассматривал данную проблематику на материале ударных слогов, несущих полное и частичное неядерное ударение в американском и британском произносительных вариантах английского языка. По данным автора, длительность слогов в ядерной акцентной единице в обоих вариантах была максимальной и составила от 117% до 123% для ударных слогов и от 104% до 112% для безударных по сравнению с длительностью аналогичных слогов в начальной позиции во фразе [1].

Рассмотрим характер квантования длительностей неконечных слогов. Как было отмечено выше, степень удлинения конечного слога сравнивается, обычно, с длительностью начального слога. Дело в том, что позиции начала фразы универсально маркированы удлинением слогов в различных языках – германских [7], русском [8], иврите [9], китайском [23]. При этом авторы отмечают, что между длительностью сегментов в срединной и конечной позициях фразы существует значительно большая разница, чем между длительностью сегментов в начальной и конечной позициях. Интересно отметить, что в английском языке данная темпоральная маркированность наблюдается во фразах с различным интонационным оформлением – повелительных, повествовательных и вопросительных [18]. Однако количественные характеристики темпоральной маркированности слогов в составе фразы могут определяться конкретнаяязыковой

спецификой: По результатам, полученным В. И. Артемовым, значения начальных и срединных слоговых длительностей характеризуются меньшим временным контрастом в американском варианте английского языка по сравнению с британским вариантом [1]. И. Ксу также отмечает различную степень сокращения срединных слогов в китайском и английском языках [23]. Учитывая имеющиеся различия в оценке влияния позиционного фактора на длительность слога, С. Рао, например, в модель прогнозирования слоговой длительности в хинди вводит такие параметры, как удаленность слога как от начала, так и от конца фразы [20].

Рассмотрим, какой из двух рассмотренных выше способов – на звуковом или слоговом уровне – позволяет более точно описывать временную структуру фразы.

2. Экспериментальный материал и методика проведения эксперимента

Для анализа были выбраны фразы идентичной структуры, в которых варьировалась позиция анализируемого односложного слова «Стас»: слово помещалось в начале, середине и конце фразы: «Стас не был тихоней» – «Не был Стас тихоней» – «Не был тихоней Стас». Для нейтрализации темповых различий анализ длительностей звуковых сегментов проводился в относительных единицах. Отметим, что для выявления степени влияния того или иного фактора существенное значение имеет выбор единицы нормирования; такой выбор позволяет установить взаимосвязь между различными факторами, определяющими длительности звуковых сегментов различной протяженности. В нашем исследовании в зависимости от конкретной задачи для более точного выявления существующих зависимостей использовались различные нормировочные единицы. В качестве дикторов привлекались четверо носителей русского литературного произношения (далее – БС, ХТ, ПА, КН), двое мужчин и две женщины в возрасте от 25 до 45 лет, озвучивших каждую фразу по 10 раз. Перед чтением дикторам предъявлялись образцы звучания фраз с логическим ударением на анализируемом слове во всех позициях в составе фразы. С тем, чтобы нейтрализовать возможные темповые колебания в связи с расположением фраз только в начальной или конечной позиции в начитываемых сериях, фразы были расположены по принципу латинского квадрата. Измерение длительностей звуков проводилось на основе спектрограммы; погрешность измерения для двух границ составила ± 5 мс.

3. Результаты эксперимента.

На рисунках 2–4 представлены в произношении четырех дикторов длительности звуков в зависимости от позиции анализируемого односложного слова во фразе, рассчитанные относительно длительности фразы. Для более точного описания динамики длительностей на рисунке 2 согласный [с] представлен дважды: как [с1] для начальной позиции и как [с2] для конечной позиции в составе слога.

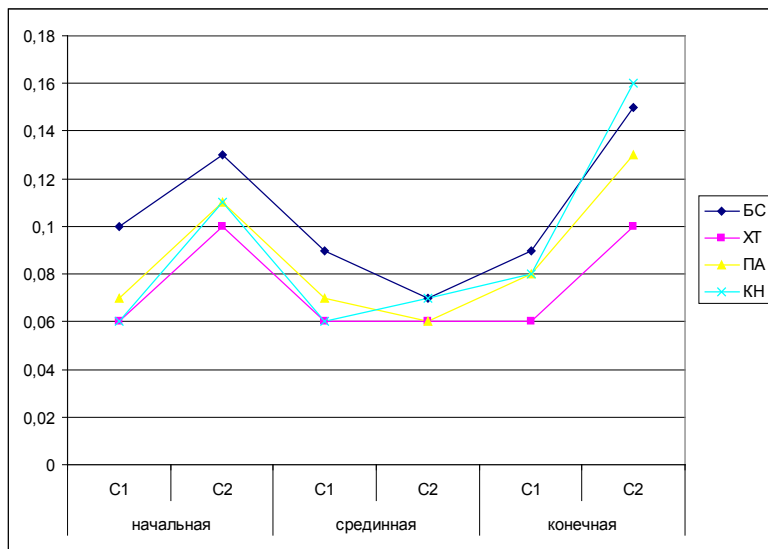

Рис. 2. Относительная длительность звуков [с1] и [с2] в зависимости от позиции в составе фразы.

На графике рисунка 2 видно, что у всех четырех дикторов согласный характеризуется увеличением длительности в абсолютно конечной позиции во фразе, хотя степень увеличения длительности определяется произносительными особенностями диктора. Так, у диктора ХТ она является минимальной и сопоставима со степенью удлинения согласного [с2], занимающего во фразе начальную позицию. У диктора КН, наоборот, длительность [с2] в конечной позиции максимальна и вдвое превышает длительность [с2] в средней позиции в составе слога, характеризующуюся минимальной протяженностью. Степень увеличения длительностей конечных [с2] в произношении дикторов БС и ПА характеризуется промежуточ-

ными по величине значениями по сравнению с аналогичными величинами дикторов ХТ и КН. Описываемое многими исследователями удлинение абсолютно начальных согласных в составе фразы на нашем материале не наблюдается. Только у диктора БС начальный согласный [c1] был статистически достоверно дольше согласных [c1] в срединной и конечной позициях ($p < 0.05$). У трех остальных дикторов выявленные различия были статистически недостоверны. Обращает на себя внимание удлинение [c2] в начальной позиции во фразе, наблюдаемое у всех дикторов. Заметим, что рассмотренные выше модели описания длительностей звуков не объясняют подобного изменения длительностей. Более того, длительности [c1] и [c2], занимающих во фразе срединную позицию, у всех дикторов характеризуется разнонаправленными тенденциями, которые невозможно объяснить только изменением правого непосредственного фонетического контекста.

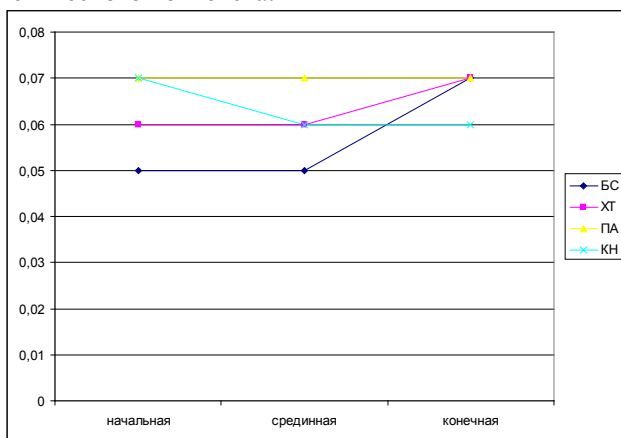

Рис. 3. Относительная длительность звука [т] в зависимости от позиции в составе фразы.

Динамика относительной длительности звука [т] также характеризуется разнонаправленными тенденциями в произношении всех дикторов. На графике рисунка 3 видно, что длительность [т] в конечной позиции возрастает только у двух дикторов – ХТ и БС. У диктора ПА длительность [т] остается постоянной при изменении позиции слога во фразе, у диктора КН длительность [т] максимальна в начальной позиции и одинакова сокращена в срединной и конечной позициях слога во фразе.

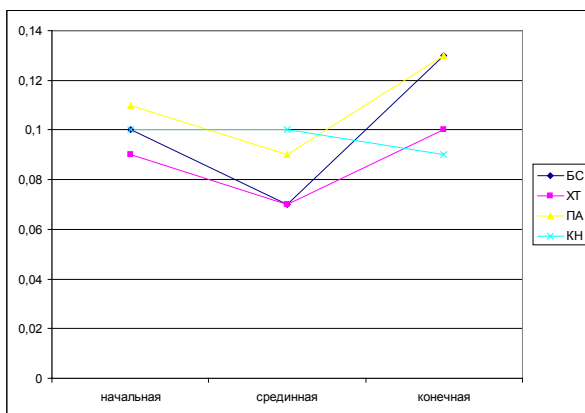

Рис. 4. Относительная длительность звука [а] в зависимости от позиции в составе фразы.

Что касается динамики относительных длительностей звука [а], представленных на графике рисунка 4, то она характеризуется большей однородностью: у трех дикторов из четырех наблюдается увеличение длительности гласного в начальной позиции слога во фразе, сокращение длительности в срединной позиции во фразе и максимальное увеличение длительности в конечной позиции во фразе; при этом количественные характеристики процесса довольно вариативны. У диктора КН зависимость между длительностью гласного и его позиций во фразе носит противоположный характер: в начальной и срединной позициях длительности одинаково максимальны, в конечной позиции длительность гласного сокращена.

Таким образом, сопоставив полученные результаты с рассмотренными выше экспериментальными данными, можно сделать вывод, что имеющиеся в литературе результаты подтверждаются нашим экспериментом лишь частично; На наш взгляд, во многих случаях наблюдающиеся расхождения в данных можно объяснить индивидуальными особенностями дикторов. С другой стороны, представляется маловероятным, что подобная вариативность может «устраивать» говорящих, поскольку выявленные в проведенном эксперименте расхождения в отдельных случаях превышают допустимые пределы чувствительности по восприятию временных различий. Логично будет предположить, что при порождении временной программы фра-

зы говорящий пользуется менее вариативными во временном плане единицами. Как отмечается во многих исследованиях, в роли подобной единицы может использоваться слог. Проведенный нами анализ относительной длительности слогов в зависимости от позиции в составе фразы полностью совпадает с имеющимися в литературе результатами относительно характера распределения длительностей слогов в зависимости от их положения во фразе: максимальной длительностью характеризовались слоги, находящиеся в конечной позиции, в то время как слоги, занимающие срединное положение во фразе, характеризовались минимальной длительностью. Следует отметить, что степень совпадения графиков относительных слоговых длительностей дикторов зависит от выбора единицы нормирования: в случае, если относительная длительность слогов рассчитывалась по отношению к длительности фразы, обладающей, как известно, крайне низкой степенью флюктуации, полученные графики характеризовались определенным разбросом данных (см. рисунок 5). В случае выбора в качестве единицы нормирования длительности начальных слогов, полученные данные характеризовались большей однородностью (см. рисунок 6): для трех дикторов сокращение длительностей слогов в середине фразы составило 80% по отношению к длительности начального слога, для диктора БС эта цифра составила 75%. В конечной позиции удлинение конечного слога характеризовалось большей вариативностью и составило, в зависимости от диктора, от 113 до 119% длительности начального слога.

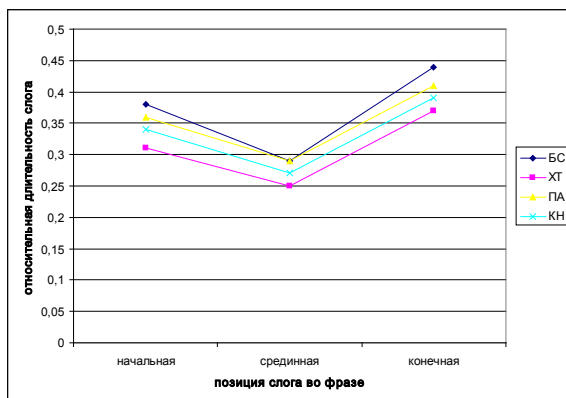

Рисунок 5. Длительности слога в зависимости от позиции в составе фразы (рассчитанные относительно длительности фразы).

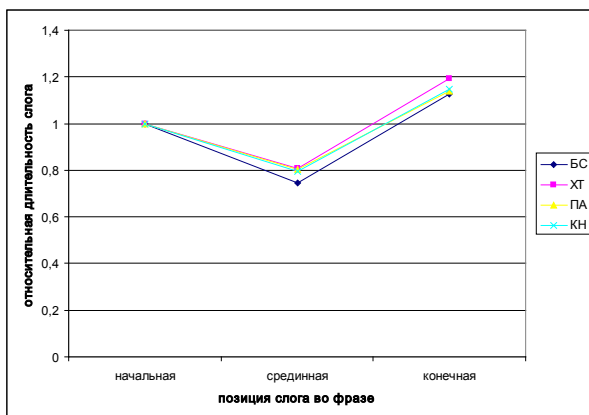

Рисунок 6. Длительности слога в зависимости от позиции в составе фразы (рассчитанные относительно длительности начального слога)

Таким образом, полученные нами результаты в целом подтверждают имеющиеся в литературе предположения о характере синтеза временной организации звуковых сегментов различной протяженности: длительности звучания звуковых сегментов задаются как на уровне отдельных звуков (гласных и согласных), так и слогов. При этом длительность слогов характеризуется большей предсказуемостью и меньшей флуктуацией по сравнению с длительностью гласных и согласных звуков, его составляющих. На наш взгляд, в этом контексте перспективными представляются исследования, нацеленные на выявление характера взаимодействия временной программы слогов, с одной стороны, и входящих в состав этих слогов звуков, с другой.

Список литературы

1. Артемов, В. И. Структуры фразового ударения в американском и британском вариантах английского языка : дис. ... канд. филол. наук. Минск : 1987. 168 с.
2. Бровченко, Т. А. Акустическая модель конечных синтагм в английской спонтанной //

List of literature

1. Artemov, V. I. Struktury frazovogo udarenija v amerikanskom i britanskom variantah anglijskogo jazyka : dis. ... kand. filol. nauk. Minsk : 1987. 168 s.
2. Brovchenko, T. A. Akusticheska-kaja model' konechnyh sintagm v anglijskoj spontannoju //

- Лингвистическая интерпретация экспериментально-фонетических исследований речевого текста: тезисы докладов. Минск : МГПИИЯ, 1977. С.33–35.
3. Гейтенби, Дж. Х. Эластичные слова // Исследование речи. Новосибирск : Наука, 1967. С. 66–76.
4. Златоустова, Л. В. Длительность гласного как результат взаимодействия двух факторов: ритмической структуры слова и его положения в синтагме / Л. В. Златоустова, В. Б. Кузнецов, А. В. Отт // АРСО-13. ч. 2. Новосибирск, 1984. С.3–5.
5. Кузнецов, В. Б. Автоматический синтез речи. Алгоритмы преобразования «Буква – звук» и управление длительностью речевых сегментов / В. Б. Кузнецов, А. В. Отт. Таллинн : Валгус, 1989. 135 с.
6. Кусковская, С. Ф. Особенности темпоральной структуры английской повествовательной фразы / С. Ф. Кусковская // Лингвистическое моделирование коммуникативных единиц : сб. науч. тр. МГПИИЯ. Минск, 1983. С. 60–64.
7. Потапова, Р. К. Слоговая фонетика германских языков / Р. К. Потапова. М. : Высш. шк., 1986. 144 с.
8. Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка / Н. Д. Светозарова. Л. : ЛГУ, 1982. 176 с.
- Lingvisticheskaĵa interpretacija jeksperimental'no-fonetiĉeskikh issledovanij reĉevogo teksta: tezisы dokladov. Minsk : MGPIIJa, 1977. S.33–35.
3. Gejtenbi, Dzh. H. Jelastichnye slova // Issledovanie reĉi. Novosibirsk : Nauka, 1967. S. 66–76.
4. Zlatoustova, L. V. Dlitel'nost' glasnogo kak rezul'tat vzaimodejstvija dvuh faktorov: ritmiĉeskoj struktury slova i ego položenija v sintagme / L. V. Zlatoustova, V. B. Kuznecov, A. V. Ott // ARSO-13. ch. 2. Novosibirsk, 1984. S.3–5.
5. Kuznecov, V. B. Avtomatiĉeskij sintez reĉi. Algoritmy preobrazovanija «Bukva – zvuk» i upravlenie dlitel'nost'ju reĉevyh segmentov / V. B. Kuznecov, A. V. Ott. Tallinn : Valgus, 1989. 135 s.
6. Kuskovskaĵa, S. F. Osobennosti temporal'noj struktury anglijskoj povestvovatel'noj frazy / S. F. Kuskovskaĵa // Lingvističeskoe modelirovanie kommunikativnyh edinic : sb. nauch. tr. MGPIIJa. Minsk, 1983. S. 60–64.
7. Potapova, R. K. Slogovaja fonetika germanskiĉ jazykov / R. K. Potapova. M. : Vyssh. shk., 1986. 144 s.
8. Svetozarova, N. D. Intonaci-onnaja sistema russkogo jazyka / N. D. Svetozarova. L. : LGU, 1982. 176 s.

9. Berkovitz, R. Duration and fundamental frequency in sentence-final intonation / R. Berkovitz // *Journal of Phonetics*. 1984. Vol. 12. P. 255–265.
10. Cholin, J. Effects of syllable frequency in speech production / J. Cholin et al. // *Cognition*. 2006. March. Vol. 99. P. 205–235.
11. Cooper, W. Segmental and temporal aspects of utterance-final lengthening / W. Cooper, M. Danly // *Phonetica*. 1981. Vol. 38. P. 106–115.
12. Cummins, F. Some lengthening factors in English speech combine additively at most rates // *Journal of the Acoustical Society of America*. 1999. Vol. 105. P. 476–480.
13. Flege, J. E. Effects of utterance position on English speech timing / J.E. Flege, W.S. Brown // *Phonetica*. 1982. Vol. 39. P. 337–357.
14. Hämäläinen, A. Modeling pronunciation variation with single-path and multi-path syllable models: Issues to consider / A. Hämäläinen et al. // *Speech Communication*. 2009. Vol. 51. P. 130–150.
15. Klatt, D. H. Vowel lengthening is syntactically determined in a connected discourse // *Journal of Phonetics*. 1975. Vol. 3. P. 161–172.
16. Krivnova, O. Durational pattern of Russian syntagma: The standard scheme and its modifications // *Proc. of the XI ICPHSC*. Tallinn, 1987. Vol. 5. P. 122–125.
9. Berkovitz, R. Duration and fundamental frequency in sentence-final intonation / R. Berkovitz // *Journal of Phonetics*. 1984. Vol. 12. P. 255–265.
10. Cholin, J. Effects of syllable frequency in speech production / J. Cholin et al. // *Cognition*. 2006. March. Vol. 99. P. 205–235.
11. Cooper, W. Segmental and temporal aspects of utterance-final lengthening / W. Cooper, M. Danly // *Phonetica*. 1981. Vol. 38. P. 106–115.
12. Cummins, F. Some lengthening factors in English speech combine additively at most rates // *Journal of the Acoustical Society of America*. 1999. Vol. 105. P. 476–480.
13. Flege, J. E. Effects of utterance position on English speech timing / J.E. Flege, W.S. Brown // *Phonetica*. 1982. Vol. 39. P. 337–357.
14. Hämäläinen, A. Modeling pronunciation variation with single-path and multi-path syllable models: Issues to consider / A. Hämäläinen et al. // *Speech Communication*. 2009. Vol. 51. P. 130–150.
15. Klatt, D. H. Vowel lengthening is syntactically determined in a connected discourse // *Journal of Phonetics*. 1975. Vol. 3. P. 161–172.
16. Krivnova, O. Durational pattern of Russian syntagma: The standard scheme and its modifications // *Proc. of the XI ICPHSC*. Tallinn, 1987. Vol. 5. P. 122–125.

17. Lindblom, B. Temporal organization of syllable prominence // STL-QPSR. Stockholm : Roy. Inst. Technol, 1968. V.2. №. 3. P.1–5.
18. Oller, D. K. The effect of position in utterance on speech segment duration in English // Journal of the Acoustical Society of America. 1973. Vol. 54. P. 1235–1247.
19. Rakerd, B. More on domain-final lengthening and foot-level shortening in spoken English / B. Rakerd et al. // Journal of the Acoustical Society of America. 1989. Vol. 86. Suppl. 1. S. 19.
20. Rao, K.S. Modeling syllable durations using neural networks / K. S. Rao, B. Yegnanarayana // Computer Speech and Language. 2007. Vol. 21. P. 282–295.
21. Romani, C. Effects of syllable structure in aphasic errors: Implications for a new model of speech production / C. Romani et al. // Cognitive psychology. 2011. №. 62. P. 151–192.
22. Umeda N. Word duration as an acoustic measure of boundary perception / N. Umeda, A. M. S. Quinn // Journal of Phonetics. 1981. Vol. 9. P. 19–28.
23. Xu Y. Organizing syllables into groups – Evidence from F0 and duration patterns in Mandarin / Y. Xu, M. Wang // Journal of Phonetics. 2009. Vol. 37. P. 502–520.
17. Lindblom, B. Temporal organization of syllable prominence // STL-QPSR. Stockholm : Roy. Inst. Technol, 1968. V.2. №. 3. P.1–5.
18. Oller, D. K. The effect of position in utterance on speech segment duration in English // Journal of the Acoustical Society of America. 1973. Vol. 54. P. 1235–1247.
19. Rakerd, B. More on domain-final lengthening and foot-level shortening in spoken English / B. Rakerd et al. // Journal of the Acoustical Society of America. 1989. Vol. 86. Suppl. 1. S. 19.
20. Rao, K.S. Modeling syllable durations using neural networks / K. S. Rao, B. Yegnanarayana // Computer Speech and Language. 2007. Vol. 21. P. 282–295.
21. Romani, C. Effects of syllable structure in aphasic errors: Implications for a new model of speech production / C. Romani et al. // Cognitive psychology. 2011. №. 62. P. 151–192.
22. Umeda N. Word duration as an acoustic measure of boundary perception / N. Umeda, A. M. S. Quinn // Journal of Phonetics. 1981. Vol. 9. P. 19–28.
23. Xu Y. Organizing syllables into groups – Evidence from F0 and duration patterns in Mandarin / Y. Xu, M. Wang // Journal of Phonetics. 2009. Vol. 37. P. 502–520.

**ГИДРОНИМЫ И ЭТНОНИМЫ – СВИДЕТЕЛИ МИГРАЦИЙ
«НАРОДОВ МОРЯ». СИКЕЛЫ И САРДЫ**

А. А. Воронков

В статье определяется языковая принадлежность и исходная географическая локализация двух племён из полиэтничного конгломерата «народов моря», известных по древнеегипетским надписям и давших свои имена крупнейшим островам Средиземного моря – Сицилии и Сардинии.

Ключевые слова: «народы моря», Гимера, Меандр, нураги, иллирийский язык, Ксанф Лидийский, арийский язык, Митанни.

Рассмотрение вопроса о расселении индоевропейских народов в бассейне Средиземного моря немислимо без исследования истории о пришельцах с севера, которые упоминаются в египетских документах, датирующихся в пределах между XV и XII столетиями до н. э. – подчёркивал Г. Чайлд [18]. Контакты египтян с этими северными племенами носили как мирный характер, так и характер военного противостояния. Основные столкновения Египта с «народами моря» (егип. *jm*), как они были названы в египетских надписях, происходили во времена правления фараонов Мернептах и Рамзеса III. «Народы моря» неожиданно оказались в Египте в качестве союзников ливийцев, которые часто воевали с Египтом.

Надписи сообщают, что на 5-й год правления Мернептах (конец XIII до н. э.) в Египет вторглась коалиция народов, во главе которой стоял вождь ливийцев (Ли-бу) Мериуи. В её составе были народы – ахейцы, ликийцы, тирсены (этруски), сарды (егип. Š;-r; -d; -n;* – *шардана*), сикелы (Š;-k;-rw-š – *шакалуша*). Спустя почти 30 лет, в 1194 г. до н.э., ливийцев в их новом натиске поддержали новые племена «народов моря» - тевкры и пеласги или пеласты. Ещё через три года (1191 г. до н. э.) Рамзесу III пришлось отражать грандиозный натиск со стороны Азии в котором против Египта выступили пеласты, тевкры, тирсены, сикелы, сарды, а также данайцы и карийцы. Собравший все свои силы Египет смог отразить это нападение, после чего пути коалиции «народов моря» разошлись. Пеласты обосновались в Палестине, дав ей своё имя. Тевкры и тирсены мигриро-

вали на Аппенинский полуостров, сикелы на Сицилию. Дискуссионным остаётся вопрос о прародине шардана. Согласно «Описанию Эллады» Павсания (Paus. X. 17), шардана, отступившие в Ливию, перебрались оттуда на Сардинию. По другой гипотезе сам остров Сардиния и является прародиной шарадана.

Происходившие в Египте события носили не локальный характер, а являлись частью процесса великих миграций, преобразивших в течении ста лет этнополитический облик Малой Азии и Восточного Средиземноморья. Частью этого процесса являлась Троянская война. Согласно выводам Л. А. Гиндина и В. Л. Цымбургского, причиной этих событий стало наступление балканских народов - иллирийцев, фригийцев и фракийцев на Микенскую Грецию с гегемонией ахейцев [З. С. 136 и далее]. **Пытаясь консолидировать слабеющее государство ахейцы развернули экспансию в области Западной Анатолии, вступив на территории, входившие в сферу влияния Хеттского царства, и предприняв грандиозный поход против Трои.** Достижение победы не остановило дезинтеграции Микенской Греции. С исчезновением объединяющей цели миграции греков только усилились. Это объясняет появление ахейцев в Египте. В свою очередь распад Троянского государства привёл к миграциям тевкров, пеласгов и тирсенов (этрусков) из опустошённых войной областей. Движение «народов моря» в направлении Египта происходило по побережью Малой Азии и Леванта (Ханаана). На своём пути эти племена сокрушили Хеттское и Угаритское царства.

Решение вопроса об этимологии этнонимов племён *сикелов* и *сардов* необходимо должно быть подкреплено проверочными лексическими и ономастическими данными. Для этого мы привлекаем свидетельства гидронимики, топонимики и лексикона.

Himera. В античной истории хорошо известны сицилийские реки под названием *Гимера* (Ἰμέρα), одна из которых носила прилагательное «южная», а другая «северная». Греки ошибочно полагали, что они текут из одного истока. Центральные районы Сицилии были малоизвестны грекам. Близ устья «северной» реки в 649 г. до н.э. дорийцы основали колонию с одноимённым названием, разрушенную в 409 г. до н.э. карфагенянами. Западнее Гимеры карфагеняне основали свою колонию *Фермы* (совр. город **Termini-Imerese**), в который были переселены и оставшиеся греческие колонисты. Долгое время историки полагали, что река Гимера – это река *San-Leonardo*, на которой находится современный город. Однако впоследствии это

точка зрения была пересмотрена, и Гимерой стали считать реку *Fiume Grande*, впадающую в море восточнее города. Однако между этими двумя реками в море впадает ещё одна река – *Torto*. Есть основания полагать, что Гимерой являлась именно эта третья река.

*До греческой колонизации других индоевропейцев, кроме сикелов на острове не было. Для греков название реки никак не связывалось с их родным языком, и нередко ассоциировалось с мифологическим ликийским чудовищем Химерой (Χίμαιρα) [10. С. 132]. Гидроним Гимера можно этимологизировать из индоевропейского корня *k^ot – «гнуть»: др.-греч. ῥαίφως – «изогнутый», алб. *kthim* [*kθim*] – «поворачивать», перс. *xat* – «гнуть», гилан. *čəməstan* – «кривиться», гаэльское *sat* – «изогнутый», хинди *gūmānā* – «вертеть». Формант *-er* представляет соответственно иллирийский суффикс. Сочетания типа *ks*, являются признаками начавшейся ассибиляции, иногда препятствуя ей. Можно предполагать образование гидронима Гимера из иллирийской основы **Kim* (= алб. *kthim*) + суффикс *-er* (= алб. *-er*) + флексия *-a*. Следовательно, это название принадлежит сикельскому языку, одному из племенных диалектов древнего иллирийского языка.*

Рекой Гимера следует признать реку с современным названием Торто поскольку по-итальянски её название означает «изогнутая»: итал. *torto* < лат. *torqueo*, *tortum* – «сгибать, вертеть». Здесь проявляется преемственность, отражающая семантические принципы прототипа, который предполагается в античный период. Если сам город Гимера был расположен ближе к устью *Fiume Grande*, это не исключает, что рекой Гимерой являлась всё же река *Torto*, поскольку расстояние между ними составляет всего несколько километров. По археологическим данным районы прилегающие к устью *Torto* были освоены колонистами уже в начальные этапы существования города [20. Р. 281]. Кроме того, **Torto имеет исток, более приближенный к центру острова, чем исток Fiume Grande**, а это немаловажно, поскольку греки считали обе Гимеры проистекающими из одного истока.

Siculi. Сикелы, согласно Л. А. Гиндину и В. Л. Цымбурскому, это – этноним балканского происхождения, отмечаемый по обоим берегам Адриатического моря. Область с таким названием есть и во Фракии, а «малая Сицилия» – остров Наксос на Кикладских островах. Диодор писал, что Наксос был издревле заселён фракийцами, среди которых отмечается герой по имени Сикел [3. С. 142-143].

Представляется возможным дать этимологическое объяснение самого этнонима – сикелы. Египетскую надпись Š;-k;-gw-š, греч. Σαγαλαστος можно объяснить как имя индоевропейского происхождения = бенгальскому *шикар* – «охотник», персидскому *šekar* – «охота, ловля», литовскому *sugaiti* – «ловить», албанскому *zë* [zoe] – «ловить». Его первоначальное значение было «охотники, рыболовы». Несомненно, что алб. *zë* – это фонетически упрощённая форма более архаичного глагола.

Протоалбанский язык принадлежал к иллирийскому лингвистическому комплексу, являясь одним из южно-иллирийских диалектов. Необходимо учитывать, что в древнеалбанском языке (I тыс. н.э.) происходили фонетические изменения, которые в наибольшей степени отразились в упрощении и разрушении системы и.-е. именных основ [4. С. 7]. Особые генетические связи албанский язык имеет с языками северно-индоевропейской группы – славянскими, балтийскими, германскими [4. С. 9]. Следует полагать алб. *zë* < из иллирийского **sik-*, родственного литовскому *sugaiti* – «ловить». Аллофонная форма лексемы **sikel* – *sikar* (курд. *šikar* < авест. **skar*) характерная для иранских и индоарийских языков, имеет исключения, в некоторых центрально-персидских говорах: в говоре кафрони – *sekal* – «охота, лов», в сиванди – *eškol* [17. С. 315].

Локализация исходной точки движения сикелов на западе Балканского полуострова и берегах Адриатического моря с возможной инфильтрацией на некоторые острова Эгейского моря не вызывает сомнений. Опираясь на факт совместного выступления сикелов и сардов против фараона Меренптаха, Г. Леманн провёл параллели между этнонимом шардана и рядом топонимов на Балканах – город Σαρδος в Иллирии (совр. Shurda в Албании), область Sardus, Serdica на северо-западе Фракии, вблизи иллирийских территорий (совр. София – столица Болгарии). Сопоставления Г. Леманна явно нацелены на гипотезу о сикелах и сардах в качестве этносов, генетически связанных в северо-балканском регионе [3. С. 143].

Однако шардана были известны в Египте задолго до вторжений «народов моря». О них говорится в письмах из архива в Телль-эль-Амарне (~1400 год до н. э.). В начале XIII столетия шардана служат в качестве телохранителей фараона Рамсеса II, во время его сирийской экспедиции 1287 года до н. э. [18]. Это обстоятельство даёт основания полагать, что шардана проживали не на севере Балкан, а значительно ближе к Египту.

Сопоставление омонимов, без детального понимания их этимологии, без привлечения других свидетельств, приносит мало пользы как метод сравнительно-исторического исследования и может рассматриваться только как дополнительный материал. Северо-балканские топонимические параллели могут иметь значение совершенно отличное от этнонима сардов.

Sardis. То же самое относится и к приводимым часто параллелям с малоазийскими топонимами, с названием столицы Лидии – г. Сарды и г. Сардессос в анатолийской Мисии [9. С. 38]. Гипотеза о связи сардов с городом Сарды должна быть отклонена, так как основывается на греческой передаче лидийского топонима, который в оригинале читается *Sfarda* (др.-перс. *sparda* – «житель Сарды») [3. С. 142]. Этимология названия города Сарды была непонятна уже самим лидийцам. Ксанф Лидийский в VI в. до н.э. утверждал, что это название перенесли в Лидию переселенцы из Фракии, где на полуострове Лонгос есть город Сарта. Это утверждение расходится с другими преданиями, в которых говорится, что город основан пеласгами из Пелопоннеса. Ксанф Лидийский полагал, что значение названия Сарды должно означать «солнце» или «год» [7. С. 324].

Согласно греческой мифологии, не где нибудь, а в Сардах произошло состязание в искусстве ткачества между Афиной и Арахной, превращённой затем ревнивой богиней в паучику. Из этого важного довода следует, что Сарды был крупный центр ткачества, и самое прагматичное объяснение названия города должно означать «поселение ткачей» = латинскому *sartor* – «портной», др.-индийск. *kart* – «прясть», хинди *kap'gax* – «ткач», литовскому *kergti* – «вязать», каталонскому *xarxa* – «сеть» < и.-е. $*k^{wo}r-k$ – «плести». Этимологический словарь А. Вальде указывает на родство лат. *sartor* с др.-греч. $\acute{\epsilon}\rho\kappa\omicron\varsigma$ – «сеть, плетёные препятствия (ограда, щит и т. п.)» [21. Р. 678]. Можно полагать, что в и.-е. языке (и в его диалектах) были корни $*k^{wo}r-k$ – «плести» > др.-греч. (F) $\acute{\epsilon}\rho\kappa\omicron\varsigma$, а также $*g^{wh}r-k$ – «плести» и $*g^{wo}r-k$ – «плести, вертеть». Форма с придыхательным $*g^{vh}$ даёт арм. *gorkel* – «плести» и др.-греч. $\phi\omicron\rho\mu\omicron\varsigma$ – «плетёнка». Форма $*g^{wo}r(-n)$ даёт др.-инд. *jūrñī* – «змея» = бенгальскому *джоранё* – «виться». От него изосема к др.-русскому **жръны** – «жёрнов» [см. 16. Т. II. С. 49]. Корень $*k^{wo}r-k$ даёт последовательность ассимиляции лабиовелярной k^w : лит. *voratinklis*, тадж. *торманакхона*, арм. *sardostayn* – «паутина». Отсюда же собственное имя Арахна = др.-греч. $\acute{\alpha}\rho\acute{\alpha}\chi\upsilon\eta$ – «паутина», санскр. *ūrṇa* – «ткущий», лат. *ordire* – «навивать основу, ткать».

В лидийском языке фонема *S* была палатальной по происхождению [19. С. 23]. Характерной особенностью лидийского языка является чередование согласных *b // v // f* [19. С. 25]. Название *Sfarda* вероятно представляло переходную, незавершённую форму ассимиляции: *k^{wo}t-k > *k'wort > *swort > sfar-d (где t = [d], как в хеттском языке). Др.-греч. *F*, отражающая и.-е. *w, исчезла почти во всех диалектах со времён древнейших надписей [11.С. 133]. Это одна из причин, по которой греческое произношение лидийского названия *Sfarda* имело слабую артикуляцию *f*, с последующей гаплогогией.

Топоним *Sfarda* отражает более архаичные слои лидийского языка (конец II тыс. до н.э.), которые были уже непонятны во времена Ксанфа Лидийского. Подтверждение этой этимологии в более древнем названии Сард – Гида (Гуда). Страбон пишет: «к обычно читаемым у Гомера стихам прибавляют ещё четвёртый: «Около снежного Тмола, в цветущем селении Гида» [15. С. 586]. В «Илиаде» Гида упоминается как минимум дважды (Ном. II. VII.220). Сарды были основаны уже после Троянской войны [15. С. 586], поэтому Гида это поселение, существовавшее ранее на месте Сард; по другому мнению так назывался кремль Сард [15. С. 587]. Топоним Гида можно объяснить из и.-е. корня *g^wau-dh – «плетение» > др.-инд. *gudh* – «окутывать», лит. *audejas* – «ткач», среднеперсидское *kwtk* – «виноградная лоза», хинди *gum'na* – «плести», гилан. *kutan* – «тканьё». На ностратическом уровне можно учитывать его возможную связь с семитской лексемой *gwiw* - «вить» (язык хауса). Безусловно, в и.-е. языке имелся близкий корень *wedh > лидийское *vi* – «плести», хеттское *wete*– «строить, сооружать, плести» [19. С. 23]. Вероятно, топоним Гида не принадлежал хетто-лидийскому ареалу. Согласно археологическим данным Сарды были основаны около 1200 г. до н. э. Смена названия Гида на Сарды отражает процессы, вызванные движением «народов моря» и распадом Хеттского царства, в результате чего лидийцы, родственные хеттам, продвинулись на запад.

Такое объяснение топонима Сарды имеет исторические аналогии. Финикийское название города Палермо на Сицилии – Маханат Хошбин, тоже означало «селение ткачей» [12. С. 319]. Интерес вызывает и сообщение Геродота, что эллины называли привозимое из Колхиды полотно – сардонским (Hdt. II. 105). Это означает, что термин с корнем *sard-* означавшем «ткачество» был в употреблении где-то на востоке от Эллады, однако из сообщения Геродота нельзя понять с каким языком он был связан.

Sardi. Ясно, что сарды – воины и мореплаватели, не были связаны с качеством и с городом Сарды. Тем не менее, можно привести доводы именно о малоазийской прародине сардов. На Сардинии протекает сразу три реки с названием *Mannu*. Эта повторяемость позволяет предполагать, что эти названия восходят к одному архетипу, объединяющему определённые характеристики реки. Кроме того, название *Mannu* носит мыс на западном побережье, образующий характерный выступ в виде зубца. Значит, названия рек и мыса восходят к одному словообразовательному гнезду (ср. алб. *thep, thepore* – «выступ, зубец, зубчатый» и осет. *цъыбар-цъыбур кæнын* – «вить-ся»). Названия рек *Mannu* можно понимать как «извилистые» реки.

Предположим, что сардинские реки с названием *Mannu* восходят к языку племени сардов, которое до переселения на Сардинию проживало в западной части Малой Азии в области реки Меандр (Μαλαῦδρος). В др.-греческом языке название этой реки стало нарицательным для обозначения геометрического узора с изгибами – *меандра*. Тем более вероятно, что характеристики этой реки, весьма извилистой, богатой плёсами, были прежде отражены в её названии.

Гидроним Μαλαῦδρος вероятно происходит из сложения основ **meiəp + *drowo-s* и означает «извилисто-текущая (река)». Корень **meiəp* (с чередованием *m // n*) можно выделить из бенгальского *нбән, нуйэ* – «изгибать, клонить» (др.-инд. *patana* – «склонение, сгибание»), итал. *mainare* – «спускать паруса» и курдской идиомы *ṣunda maîn* – «плестись в хвосте». От него изосемы к определениям «кривды»: др.-инд. *māyā* – «обман», *māyin* – «обманчивый», слав. *манит*, осет. *мæнг* – «ложь», дако-рум. *ade-meni, adă-măni, adă-mne* – «со-вращать», арм. *neng* – «коварство».

Корень **meiəp*, который употреблялся жителями бассейна реки Меандр во II тыс. до н.э. представляет собой наиболее архаичную и.-е. форму, характеризуемую наличием трифтонга. Необходимо учитывать следующие факторы. И.-е. **e > a* в арийском языке. Фонема **э* имеет тенденцию исчезать в различных условиях (в др.-инд., др.-иранском и др. языках). Перед гласной фонема **э* не сохранилась ни в одном языке [11. С. 126], фонема **э*, если ей предшествует сонант, сливается с ним [11. С. 305]. Тем сложнее определение фонемы **э* в положении трифтонга. Совершенно очевидно, что в содержащем сонанты корне **meiəp*, произошло фонетическое изменение в более простые корни **map, *men, *ma(n)-* с расширениями *-k, -d* в различных языках (индоарийских, иранских, др.-славянском, латинском, фракийском).

В определении генезиса гидронима *Mannu* следует обратить внимание на персидскую лексему *monhani* – «изогнутый» и курдское *yê mixenet* – «змеиный» (переносно – «коварный»). Вероятно, извилистость рек стала причиной распространенной в мифологии связи между источниками вод и змеей. Вьющиеся ленты реки ассоциировались с ползущей змеей.

В настоящее время река Меандр носит турецкое название *Büyük Menderes* (Большой Мендерес). Вблизи от неё в Эгейское море впадает река *Küçük Menderes* (Малый Мендерес). Античное название этой реки - *Κάβστρος*. Сближение современных названий говорит о том, что оба античных названия имели близкое значение. Гидроним *Κάβστρος* можно объяснить из сложения и.-е. корней **gewdh* + **drowo-s* («дугой текущая река»), с ассимиляцией форманта *d > s* в корне **gewdh*: перс. *γaws* – «дуга», осет. *xædz* – «кривой», лит. *givatė* – «змея». В лидийском языке фонема *g* употреблялась сравнительно редко, характерно её чередование с *k* [19. С. 25-26], чем объясняется первый коренной звук *k*. Русло Малого Мендереса имеет характерную дугообразную форму в среднем течении реки.

Отсюда можно заключить, что корень **mǝiǝp* в значении «изгибаться» принадлежал тем группам арийцев, которые осуществили наиболее ранние миграции, сохраняя архаичные пласты и.-е. лексики, которая до настоящего времени сохранилась на восточной периферии и.-е. ареала, в бенгальском языке, а не в хинди или сингальском. В отличие от проблемы локализации арийской прародины сам факт миграции арийцев не требует пояснений.

Исходя из этих доводов, можно полагать что, название реки Меандр было дано племенем говорящем на арийском языке. Сарды, прибывшие на остров Сардиния и перенёсшие на него топоним и гидронимы *Mennu*, следовательно, также были носителями арийского языка. Присутствие арийцев, начиная с первой половины – середины II тыс. на Ближнем Востоке является историческим фактом. Арийская военная гегемония в государстве Миттани в верховьях Евфрата (XVI-XIII в.в. до н.э.), наличие в этом государстве культов арийских божеств Сурья, Индра, Митра засвидетельствовано в вавилонских и хеттских документах [1. С. 244]. Арийские воины *marianu* составляют часть войска Угаритского царства в Ханаане на побережье Средиземного моря. Индоевропейское влияние на Угаритское царство в период до XIII в. до н.э. подтверждается свидетельствами словаря, собственных имён, литературы и мифологии.

Отсюда нельзя полностью исключить вероятность проникновения групп ариев в западную часть Анатолии и их знакомство с морским делом. Ксанф Лидийский предполагая, что название города Сарды может означать «солнце», мог сопоставлять название города только с др.-инд. *svar* «солнце» (*Sfarda* = *svag* по мысли Ксанфа Лидийского), и ни с каким другим языком. Из вавилонских документов известно имя миттанийского божества солнца *Šurīaš* = др.-инд. *Sūrya* – «Солнце». Следовательно, лексика близкая к индоарийской была известна и на западе Анатолии, возможно как редко употребительный синоним, субстрат бытовавшего ранее в этой области арийского наречия.

Можно предполагать, что одним из таких арийских племён были сарды, проживавшие где-то в долине реки Меандр. Этноним сарды можно этимологизировать из арийского корня **kirt* – «слава»: др.-инд. *kīrtī*, хинди *kīrtī* – «слава», осет. *хорз* – «славный». Арийское **kir-t* вероятно восходит к и.-е. **k^wэг-* – «слава»: др.-греч. *γαύρωμα* – «слава», др.-инд. *kiri* – «возносящий хвалу», лит. *gyrimas* – «хвала», алб. *mburrem* – «хвалить». Вопрос о гуттуральной в первом коренном звуке следует решить исходя из арм. *park* – «слава». Лексема *park* может быть образована только в результате перехода лабиовелярной *k^w* > *p*, что характерно для большинства др.-греческих говоров и лидийского языка [1. С. 16, 163]. Из них произошло заимствование в армянский язык, где ожидалось бы *k^w* > *kh*. На корень **k^wэг-t*, указывает также литовское *varda* – «слава». И.-е. **э* отражается в арийском языке как *i* (в других и.-е. языках ей соответствуют фонемы *a*, *o*); и.-е. **э* находится в регулярном чередовании с **ā*, **ē*, **ō*, [11. С. 125].

В арийском языке выделяются два процесса палатализации, первый изменяет первоначальные велярные, а второй затрагивает велярные, которые появились вследствие делабиализации первоначальных лабиовелярных. По расчётам В. Георгиева делабиализация произошла в середине III тыс. до н. э., а первая палатализация и ассибиляция происходят до перехода *e* > *a* и до изменения **k^we* > *ke* > *ce*, которые завершаются к началу II тыс. до н. э. [1. С. 37-38]. Арийское **kirt* происходит из лабиовелярной **k^w* > *k* (др.-иранск. *vargā*: **k^w* > *v*). При первоначальной велярной в др.-индийском ожидался бы переход *k* > *s*. Далее арийский глухой смычный **k* (др.-инд. *k*) отражается в др.-иранском как соответствующий щелевой *x*, в др.-индийском сохраняется *k* [13. С. 55]. Необходимо учитывать

существование как индоарийских, так и древнеиранских диалектов, отличных от «общеиранского», выводимого из сопоставления авестийского и др.-персидского языков [13. С. 59].

Язык сардов мог иметь свои фонетические особенности, схожие с индоарийским языком Митанни. Вторая палатализация в диалекте Митанни, представляющем уже обособленный индоарийский язык, демонстрирует переход $*k^w e > za$, спирант, а не аффрикату как в др.-индийском $*k^w e > ce$ [1. С. 244-245]. Процесс развития диалекта сардов вероятнее всего происходил по модели близкой к митаннийской, и в нём произошла ассимиляция: $*k^w > k > z$ (спирант): $*k\acute{a}rt > *z\acute{a}rt$, в языке сардов $z > s$; $t > d$ ($*s\acute{a}rd$).

Хорошо изучены изображения шардана на древнеегипетских памятниках. Характерной особенностью шлема шардана является венчающая его верхушка в форме диска [6. С. 35]. Возможно, что, таким образом, сарды украшали шлем своеобразной кокардой племенного названия с символикой сияния, славы, победности. Эта символика сардов близка к авестийскому термину $*hwarnah > *x^v arnah$ - «блеск, сияние» → «слава». Его этимология возможна из и.-е. $*swuel-nos$ (?) – «солнечный» [14. С. 440]. В мидийском языке $*hw > *x^v - > f$, откуда классическое перс. *farr*. В авестийской символике Хварно изображался в виде огненного диска. Однако $*hwarnah$ не единственная исконная иранская форма, к числу таковых, принадлежит и парфянское *farrah* {*frh*, *prh*} – «слава, блеск» [14. С. 440]. Парфянское *farrah* можно сблизить с лит. *varda* и с арм. *park* восходящим к и.-е. $*k^w \acute{e}r-k$.

Принимая за исходную гипотезу о прародине сардов в долине Меандра, сопоставим её с географическими реалиями середины II тыс. до н.э. В хеттских текстах содержатся сведения о длительном противостоянии Хеттского царства с государством называемым хеттами *Arzawa*, *Arzavija*. После длительных дискуссий, расположение страны Арцава признаётся большинством исследователей тождественным с областью бассейна реки Меандр, т. е. она локализуется на территории юга Лидии и севера Карии [3. С. 64]. Арцава была разгромлена в результате хеттского похода во второй половине XIV в. до н. э., её население было выведено в пределы Хеттского царства. Для хеттского языка и родственного ему ликийского языка нередко явление элизии антевокальной фонемы *s*. Название реки *Indus* в Ликии и Карии восходит к и.-е. $*sindhus$ = др.-инд. *sindhu-h*, фракийскому *sind(u)* – «река» [1. С. 171]. В хеттском языке происходит ассимиляция $*ti > zi$, аффриката $z = ts$ (в некоторых позициях

комбинация фонем $t+s$) [5. С. 84]. Следовательно, согласно фонетике хеттского языка в хеттском написании страны *Arzawa*, *Arzavija* может скрываться местное название *Sart-aja, *Sart-awa < *Zart-awa, *Zart-avija. Это не созвучие, а закономерность, которая позволяет отождествить страну Арцава с прародиной сардов, опираясь при этом на лингвистические свидетельства Ксанфа Лидийского.

Из Малой Азии, через Ливию, сарды прибыли на остров, получивший название Сардиния, вероятно от греков, установивших торговые отношения с сардами. Анализ этнического развития Сардинии в период до финикийской колонизации предпринятый Н. А. Красновской показал, что этноним сарды первоначально относился только к жителям южной части острова, которые прибыли с юга и покорили остров. Это согласуется с результатами исследований сардинского лингвиста М. Питтау, который выявил на острове только три топонима с корнем *sard-*, все на южном побережье [9. С. 41]. Из трех гидронимов с корнем *menp-* два локализируются в южной, юго-западной части острова, их истоки близки между собой. В относительной близости к ним мыс *Menpu*. Это соответствует схеме расселения сардов на карте Н. А. Красновской [9. С. 42]. В период карфагенской экспансии на остров - сарды, оказавшие сопротивление захватчикам бежали в горы, где постепенно смешались с местным населением.

Nuraxi. Сарды не были первыми строителями *нурагов* – циклопических конусообразных сооружений с отверстием в потолке. Нураги начали строиться раньше, в середине II тыс. до н.э. Однако это не исключает возможности, что сарды дали им своё название. Сардинская лексема *nuraxi* (м. р., ед. число; итал. *nuraghi*) по версии Дж. Спано произошла из сложения финикийских слов *nur* – «огонь» + *hag* – «крыша»; по версии Дж. Лиллиу из финикийского *nourra* – «свет» + *hag* [8. С. 141]. Другие исследователи отстаивают происхождение термина из доиндоевропейского языка с условным названием прото-сарда. По версии Дж. Пеше термин происходит из прото-сардского *nur-* со значением: 1) углубление, пустота; 2) куча, груда [8. С. 141]. Исходя из нашей версии представляется возможным сопоставить термин *nuraxi* с древне-индийским *nirvūha* – «башенка, зубец крепостной стены, вершина, выступ, украшение на шлеме» = лат. *ornatus* – «выдающийся», *ornamentum* – «титул, украшение» (с метатезой) < и.-е. корня **n^orw*. Этот корень означает предмет или действие выделяющееся, выдающееся, выросшее → особенное: др.-инд. *niri* - «выступать», *niruttara* – «самый высокий», дако-рум.

mare – «великий», галльск. *māros* – «великий». И.-е. **r* отражается в др.-инд. как *ir, ur* [11. С. 141], что может объяснить корень *nur-* (а не *nir-*) в языке сардов. В авестийском, латинском, дако-фракийском и галльском **r* отражается как *ar* > *mare, māros*. В латинском *ornatus* метатеза оказала влияние на инициальную гласную; но возможно происхождение из того же корня латинского *argentum* – «крупный скот», с правильным чередованием.

Возможно и другое объяснение из и.-е. языков без привлечения основ на *nur-*. Морфологический состав лексемы может складываться из префикса **nu* + арийская основа **rauka-h* – «свет» (др.-инд. *roka-h*, др.-иранск. *raučah*) > деноминативы: др.-иранск. *rauča-* – «световое отверстие в крыше, окно в крыше» [13. С. 126], то же ново-согдийское *riča*, белудж. *roč*, осет. *рудзынг*, перс. *rowzan*, тадж. *rawzan*, урду *рошандāн* (ср. хинди *рошан* – «освещённый»). Сюда же гилянск. *orosī* – «окно с подъёмной рамой», урду *розан* – «дымовое отверстие» (ср. перс. *rowzan*). Префикс в индоевропейских языках представляет, как правило, самостоятельное слово, которое впоследствии преобразовалось в приставку или наречие. Предполагаемый сардский префикс **nu* может являться результатом контаминации двух совпадающих по смыслу и фонетически близких индоарийских идиом: *ni* – «проникать, входить» (из и.-е. **ni* означавшего движение сверху вниз [11. С. 356]) и *ānu* – направление действия к чему либо (*ānu-praveça* – «проникновение в, вход»). Санскритское *ānu* = авестийскому *ana* – «через», курд. *nav* – «через», др.-греч. *ἀνά* – «наверху, через, сквозь». По М. Фасмеру авест. *ana* восходит к одной общей основе с литовским префиксом *niū* – «от, с», латыш. *niū* – «от, из, с», что позволяет отметить чередование *a // u* [16. Т. III. С. 33]. Более того, это чередование нельзя игнорировать ввиду латинского *ja-nu-a, ae* – «вход, дверь». В этом случае лексема *nuraxi* могла быть образована из сардской идиомы **nu-rauka* с начавшейся ассибиляцией в форманте *ka* > *xi* – «дом, освещённый сверху; залитый светом; с входом для света». Принцип образования аналогичен латинскому *com-pluvium* – «отверстие в крыше атрия», под которым находился *im-pluvium* – бассейн для дождевой воды, посвящённый Пенатам.

Список литературы

1. Георгиев, В. И. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М. : Изд. иностр. литературы, 1958. 317 с.

List of literature

1. Georgiev, V. I. Issledovanija po sravnitel'no-istoricheskomu jazykoznaniju. M. : Izd. inostr. literatury, 1958. 317 s.

2. Геродот. История. Перевод и прим. Г. А. Стратановского. М. : Ладомир, 2002. 752 с.
3. Гиндин, Л. А. Гомер и история Восточного Средиземноморья / Л. А. Гиндин, В. Л. Цымбурский. М. : Восточная литература РАН, 1996. 328 с.
4. Десницкая, А. В. О происхождении албанского языка (сравнительно-исторический и социально-исторический аспекты) // Вопросы языкознания. 1990. № 2. С. 5–12.
5. Иванов, В. В. Хеттский язык. М. : Изд. восточной литературы, 1963. 222 с.
6. Кац, Т. П. Нурагическая Сардиния и «морские народы» // Античный мир и археология. Вып. 6. Саратов, 1986. С. 31–42. URL : [www.ancientrome.ru >public/catz-tp/catz-tp02.htm](http://www.ancientrome.ru/public/catz-tp/catz-tp02.htm).
7. Книга оракулов. Пророчества пифий и сивилл. Перевод, научн. ред., коммент. А. Шапошникова. М. : Эксмо, 2002. 448 с.
8. Красновская, Н. А. Загадочные башни Сардинии // Советская этнография. 1978. № 4. С. 137–147.
9. Красновская, Н. А. Некоторые проблемы дофиникийской колонизации Сардинии // Советская этнография. 1980. № 5. С. 34–43.
10. Любкер, Ф. Реальный словарь классических древностей. Т. 2. М. : Олмо, 2001. 511 с.
11. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропей-
2. Gerodot. Istorija. Perevod i prim. G. A. Stratanovskogo. M. : Ladomir, 2002. 752 s.
3. Gindin, L. A. Gomer i istorija Vostochnogo Sredizemnomor'ja / L. A. Gindin, V. L. Cymburskij. M. : Vostochnaja literatura RAN, 1996. 328 s.
4. Desnickaja, A. V. O proishozhdenii albanskogo jazyka (sravnitel'no-istoricheskij i social'no-istoricheskij aspekty) // Voprosy jazykoznanija. 1990. № 2. S. 5–12.
5. Ivanov, V. V. Hettskij jazyk. M. : Izd. vostochnoj literatury, 1963. 222 s.
6. Kac, T. P. Nuragicheskaja Sardinija i «morskie narody» // Antichnyj mir i arheologija. Vyp. 6. Saratov, 1986. S. 31–42. URL : [www.ancientrome.ru >public/catz-tp/catz-tp02.htm](http://www.ancientrome.ru/public/catz-tp/catz-tp02.htm).
7. Kniga orakulov. Prorochestva pifij i sivill. Perevod, nauchn. red., komment. A. Shaposhnikova. M. : Jeksmo, 2002. 448 s.
8. Krasnovskaja, N. A. Zagadochnye bashni Sardinii // Sovetskaja jetnografija. 1978. № 4. S. 137–147.
9. Krasnovskaja, N. A. Nekotorye problemy dofinikijskoj kolonizacii Sardinii // Sovetskaja jetnografija. 1980. № 5. S. 34–43.
10. Ljubker, F. Real'nyj slovar' klassicheskikh drevnostej. T. 2. M. : Olmo, 2001. 511 s.
11. Meje, A. Vvedenie v sravnitel'noe izuchenie indoevropejskih jazykov.

- ских языков. М.-Л. : Гос. соц.-эконом. изд., 1938. 510 с.
12. Никонов, В. А. Краткий топонимический словарь. М.: Мысль, 1966. 509 с.
13. Оранский, И. М. Иранские языки в историческом освещении. М. : Глав. ред. вост. лит. изд. «Наука», 1979. 238 с.
14. Расторгуева, В. С. Этимологический словарь иранских языков / В. С. Расторгуева, Д. И. Эдельман. Т. 3. М. : Восточная литература РАН, 2007. 493 с.
15. Страбон. География. В 17 книгах. Перевод и коммент. Г. А. Стратановского. Л., 1964. 934 с.
16. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. В 4-х т., Перевод и ред. О. Н. Трубачёва. М. : Прогресс. Т. 2. 1986. 671 с; Т. 3. 1987. 830 [1] с.
17. Цаболов Р. Л. Этимологический словарь курдского языка. Т. 2. М. : Восточная литература РАН. 2010. 536 с.
18. Чайлд, Г. Арийцы. М.: 2008. 270 с. URL: <http://www.istorya.ru/book/arii/index.php>.
19. Шеворошкин, В. В., Лидийский язык. М. : Глав. ред. вост. лит. изд. «Наука», 1967. 71 с.
20. Allegro, N. Imera // La citta greca antica: istituzione, società e forme urbane. – Roma: Donzelli editore, 1999. P. 269–302.
21. Walde, A. Lateinishes etimologices Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter's universitätsbuchhandlung, 1910. 1044 p.
- М.-Л. : Gos. soc.-jekonom. izd., 1938. 510 s.
12. Nikonov, V. A. Kratkij toponimicheskij slovar'. M.: Mysl', 1966. 509 s.
13. Oranskij, I. M. Iranske jazyki v istoricheskom osvevnenii. M. : Glav. red. vost. lit. izd. «Nauka», 1979. 238 s.
14. Rastorgueva, V. S. Jetimologicheskij slovar' iranskih jazykov / V. S. Rastorgueva, D. I. Jedel'man. T. 3. M. : Vostochnaja literatura RAN, 2007. 493 s.
15. Strabon. Geografija. V 17 knjigah. Perevod i komment. G. A. Strat-anovskogo. L. : Nauka, 1964. 934 s.
16. Fasmer, M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka. V 4-h t., Perevod i red. O. N. Trubachjova. M. : Progress. T. 2. 1986. 671 s; T. 3. 1987. 830 [1] s.
17. Cabolov R. L. Jetimologicheskij slovar' kurdsckogo jazyka. T. 2. M. : Vostochnaja literatura RAN. 2010. 536 s.
18. Chajld, G. Arijcy. M.: 2008. 270 s. URL: <http://www.istorya.ru/book/arii/index.php>.
19. Shevoroshkin, V. V., Lidijckij jazyk. M. : Glav. red. vost. lit. izd. «Nauka», 1967. 71 s.
20. Allegro, N. Imera // La citta greca antica: istituzione, società e forme urbane. – Roma: Donzelli editore, 1999. P. 269–302.
21. Walde, A. Lateinishes etimologices Wörterbuch. Heidelberg: Carl Winter's universitätsbuchhandlung, 1910. 1044 p.

МОДЕЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ КОММУНИКАЦИИ

А. Е. Гулина

Статья посвящена анализу коммуникативной модели туристской организации применительно к сфере делового общения.

Ключевые слова: организационная коммуникация, деловое общение.

Коммуникация и язык являются неотъемлемыми компонентами всех областей профессиональной деятельности. Последние двадцать лет характеризуются повышенным интересом лингвистов к вопросам языковой коммуникации в деловой сфере, где можно говорить о профессиональном или непрофессиональном общении. Это в первую очередь относится к областям повышенной речевой ответственности, в которых умение общаться предполагается как основное и необходимое условие успеха профессиональной деятельности. Здесь должны работать профессиональные коммуникаторы, к которым относятся специалисты, имеющие многообразные варианты речевого поведения и осознанно отбирающие их в зависимости от ситуации для достижения поставленных целей.

Организационная коммуникация в туристской фирме играет одну из главнейших ролей, поскольку при предоставлении какой-либо услуги в турфирме особое внимание клиента обращено именно на речь, а также на сервис в целом. Сервис - это прежде всего то впечатление, которое остаётся у клиентов после встречи с сервисодателем [3:253]. Сферу обслуживания мы понимаем, в широком смысле, как область деятельности, где специалист при выполнении работы непосредственно контактирует с клиентом [3:253].

Сознательное управление общением, прогнозирование результатов контакта, создание условий для оптимального взаимодействия с собеседником становится в турфирме не просто насущной необходимостью, а качеством, по которому оценивают уровень не только конкретного специалиста, но и всей организации в целом. Именно эффективное межличностное общение зачастую становится конкурентным преимуществом.

Коммуникативная модель любой туристской организации выглядит следующим образом:

1) участники коммуникации (руководители-подчиненные, сотрудники-клиенты);

2) наличие особых ситуаций коммуникации (общение с клиентами, совещания, конференция);

3) наличие специфичных способов коммуникации (управленческие);

4) пересечение вертикальных и горизонтальных направлений коммуникации, обусловленное характером производственного процесса.

Данная коммуникативная модель учитывает психологические особенности участников коммуникации (клиентов), особые ситуации общения, а также специфические способы и языковые средства коммуникации.

Важнейшую роль в формулировании положительной модели организационной коммуникации играет деловое общение сотрудников туристской фирмы с клиентами.

Деловое общение – это обмен мнениями или деловой информацией, который не предполагает выработку обязательных для исполнения решений и может иметь как самостоятельный характер, так и быть предварением переговоров [1:594]. Эффективность делового общения во многом определяется умением задавать вопросы и давать на них исчерпывающие ответы. Вопросы помогают выяснить мнение оппонента и позволяют добиться принятия нужного решения.

Существует несколько видов вопросов, которые активно используются в деловой беседе: вводные, ознакомительные, информационные, направляющие, провокационные, однополюсные, альтернативные, подтверждающие, ориентационные, встречные, заключающие [1:598].

Выделим общие стандартные модели деловой коммуникации в туристской компании:

– модель приветствия (Добрый день / Здравствуйте);

– модель начала разговора (Что бы Вы хотели узнать?/Чем я Вам могу помочь?/Вас что-то заинтересовало?);

– выяснение потребности, выслушивание, вопросы (Какой отдых Вы предпочитаете?/Какой отель Вы бы хотели забронировать?);

– аргументация (Я сама отдохала в этом отеле, поэтому знаю, что питание в нем осуществляется по высшему разряду / Это хорошая компания, мы работаем только с проверенными и надежными партнерами);

– ответы на возражения (Но если Вы забронируете отель заранее, то сможете получить десятипроцентную скидку на перелет);

– дополнительные предложения (Если Вы приобретете путевки на несколько человек, то стоимость Вашей поездки будет меньше на 15%);

– модель завершения разговора (До встречи! Возьмите, пожалуйста, нашу визитную карточку!// До свидания).

Грамотное деловое общение является основой формирования положительной модели организационной коммуникации в туристской фирме.

Для эффективной работы туристской организации важным становится также осознание того факта, что клиентоориентированное поведение является одним из главнейших преимуществ организационного поведения. Знаменательным событием, отражающим тенденции нашего времени, стало и деление клиентов на внешних и внутренних, что предполагает отнесение к клиентам не только традиционных потребителей товаров и услуг, но и сотрудников как внутренних клиентов, взаимодействие с которыми также нужно сознательно выстраивать.

Таким образом, положительная модель организационной коммуникации многокомпонентна, и, несмотря на разную прагматику составляющих ее речевых формул общения, данная модель работает на создание комплексной картины фирмы как корпорации. Систему коммуникативных форм общения внутри компании также несет набор базовых понятий, констант, обеспечивающих целостность организационного мышления и его языковое выражение.

Список литературы

1. Организационная культура: учебник / Под. Ред. Н.И. Шаталовой. М. : Экзамен, 2006. 652 с.
2. Харченко, Е. В. Организационная лингвистика: миф или реальность? / Е. В. Харченко, Л. А. Шкатова. Челябинск, 2009. 20 с.
3. Гуляев, В. Г. Организация туристической деятельности: учеб. пособие. М. : Колледж, 1996. 310 с.

List of literature

1. Organizacionnaja kul'tura: uchebnik / Pod. Red. N.I. Shatalovoj. M. : Jezzamen, 2006. 652 s.
2. Harchenko, E. V. Organizacionnaja lingvistika: mif ili real'nost'? / E. V. Harchenko, L. A. Shkatova. Cheljabinsk, 2009. 20 s.
3. Guljaev, V. G. Organizacija turisticeskoj dejatel'nosti: ucheb. posobie. M. : Kolledzh, 1996. 310 s.

ПРОБЛЕМА КЛАССИФИКАЦИИ СЛЕНГОВЫХ ЕДИНИЦ С УЧЕТОМ РЕГИОНАЛЬНОГО АСПЕКТА

М. В. Милованова, Д. А. Малеева

Статья посвящена описанию студенческого сленга в региональном аспекте.

Ключевые слова: студенческий сленг, язык региона, тематические группы сленга.

В последние десятилетия большой интерес у исследователей вызывает проблема взаимодействия языка и общества, в рамках которой также рассматриваются особенности молодежного сленга. Но, следует отметить, что немногие лингвистические работы последних лет, посвященные проблемам молодежного сленга, исследуют сленговые единицы в региональном аспекте. Различные характеристики сленговых единиц описаны в работах Е. Н. Гуц (г. Омск), А. И. Марочкина (г. Воронеж), Т. Г. Никитиной (г. Москва), С. В. Хвостылева (г. Якутск), А. И. Головановой (г. Челябинск), Е. В. Любичкой (Ставропольский край) и др.

В рамках статьи остановимся на проблеме классификации сленговых единиц. Сопоставим тематические группы сленга, выделенные Е. В. Любичкой, А. И. Головановой и предложим свою классификацию.

Е. В. Любичкая¹ выделяет в составе сленговых единиц следующие тематические группы:

- наименование лиц мужского и женского пола (*типок, подружка*);
- основные действия и состояния человека (*шибануться «сойти с ума», задраться «устать от чего-либо»*);
- части тела человека (*жбан, чердак, тыква «голова»*);
- алкоголь (*бухало «спиртной напиток», квасить, жахнуть*);
- драка (*мочилово, махна, замес «драка»*);
- речь (*втирать, бакланить, вякать*);
- интимные отношения (*телефонить, мутить «заниматься сексом»*);
- эмоциональная оценка предметов, действий, ситуаций. В рамках данной группы выделены слова, имеющие негативную оценку

(занюханый, чухня), позитивную оценку (рулез, зыканско), оценку какого-либо объекта, знак которой определяется из контекста и выражается с помощью интонации, невербальных средств (чума – восхищение/негативное отношение).

А. И. Голованова² дает более широкий спектр тематических групп:

- обозначение вузов, отдельных факультетов, специальностей: *универ, пед; матфак, иняз; психи (психологи), юрики (юристы)*;
- названия учебных предметов и дисциплин: *матан (математический анализ), основы (основы журналистики)*;
- обозначения преподавателей и некоторых категорий обучаемых: *препод (преподаватель), физручка, абитура (абитуриенты)*;
- предметные составляющие студенческой жизни: *зачетка (зачетная книжка)*;
- значение временных отрезков и элементов расписания: *пара, окно, мигалка (по мигалке)*;
- пространственные обозначения: *общага (общежитие), стекляшка (застекленная аудитория)*;
- названия, связанные с контрольными мероприятиями: *хвост (несданный экзамен или зачет), неуд, банан (двойка)*;
- названия различных студенческих «мероприятий»: *тусовка/тусняк, денюха*.

В особую группу исследователь выделяет экспрессивные обозначения (*стопудово, реально «наверняка»*); *прикид, бодяга, фигня; вмазать, хавать*.

Мы предлагаем расширенную и дополненную классификацию тематических групп на основании принадлежности сленговых единиц к той или иной части речи (существительное, прилагательное, глагол) для того, чтобы систематизировать по группам весь широкий спектр сленговых единиц, функционирующих в речи студентов. Такая классификация отражает также региональные особенности, в частности, специфику сленговых единиц студентов, обучающихся в различных вузах г. Волгограда:

- наименование субъекта-объекта учебного процесса:
 1. вузы, отдельные факультеты, специальности (*Горхоз «Волгоградский государственный архитектурно-строительный университет», мехфак «механизаторы»*);
 2. учебные предметы и дисциплины (*почка «почвоведение», эка «экономика»*);

3. контрольные мероприятия (*пекеш* «неудачная сдача проекта», *висячка* «задолженность»);

4. временные отрезки и элементы расписания (*числитель/знаменатель*, *мигалка* «обозначение учебных недель, сменяющих друг друга»);

5. пространственные обозначения (*клетка* «кабинет», *лига справедливости* «кафедра правоведения»);

6. преподаватели и некоторые категории обучаемых (*мать подруга*, *главред* «главный редактор»);

7. предметные составляющие студенческой жизни (*птаха* «тахеометр», *джинса* «заказная статья»);

8. учебные и внеучебные мероприятия (*бухч* «праздничное мероприятие», *день живописи* «день, когда архитекторы собираются и употребляют алкогольные напитки»).

• качественные характеристики субъекта и деятельности в учебном/ неучебном процессе:

1. положительное экспрессивное обозначение (*ништячный* «отличный, превосходный», *фигасе* «выражение восторга, удивления»);

2. отрицательное экспрессивное обозначение (*не айс* «плохо, неприятно», *неварик* «невозможность выполнения чего-либо, «нет»»);

3. нейтральное экспрессивное обозначение (*исяр* «немного», *фиолетово* «всё равно»).

• обозначение деятельности в учебной/неучебной сфере:

1. действие, направленное на субъект (*зарядить* «сильно ударить кого-либо», *мутить* «встречаться с молодым человеком (девушкой) с каким-либо умыслом»);

2. действие, направленное на объект (*схватить* «съесть что-либо», *нарулить* «организовать, создать что-либо»);

3. действие, направленное на самого себя (*раздуплить* «понять», *ХЗ* «не знаю»).

При сопоставлении тематических групп сленга, выделенных исследователями, мы приходим к выводу о том, что у А. И. Головановой ядро студенческого сленга составляют номинации, связанные с обучением, представленные дифференцированно и системно. В тематической классификации, разработанной Е. В. Любичкой, достаточно широко показана внеучебная сфера, ограниченная лексическими единицами, отражающими область интересов молодежи.

В отдельную тематическую группу исследователями не выделяются сленговые единицы, связанные с действием, они либо распро-

странены по всем номинативным группам (как у Е. В. Любичкой), либо относятся к экспрессивным обозначениям (как у А. А. Головановой).

Как отмечала Е. В. Любичкая, «сленг молодежи Ставропольского края полностью сосредоточен на человеке – сферах его бытия, отношениях с другими людьми. При этом мир человека в сленге лишен сферы духа, – это прежде всего материальный мир, но и он довольно ограничен» [1. С. 5]. В центре внимания молодежи г. Челябинска находится персона обучаемого в системе внутри- и вневузовских отношений. Предложенные нами тематические группы систематизируют материал и дают широкое представление о сленговых единицах студентов г. Волгограда. С учетом предложенных тематических групп мы приходим к выводу о том, что в речи студентов преобладают существительные группы «субъект-объект». Преобладающая категория отражает специфические черты высших учебных заведений, за счет которых можно определить место обучения студента. При этом особое внимание студенты волгоградских вузов уделяют именно учебному процессу и связанному с ним предметным миром.

Примечания

¹ Любичкая, Е. В. Сленг: региональные черты и процессы англизации : автореф. дис ... д-ра филол. наук. Ставрополь, 2005. 24 с.

² Голованова, А. И. Студенческий сленг как функциональная разновидность русского языка // Материалы межвузовской студенческой интернет-конференции. 2003.

Notes

1 Ljubickaja, E. V. Sleng: regional'nye cherty i processy anglizacii : avtoref. dis ... d-ra filol. nauk. Stavropol', 2005. 24 s.

2 Golovanova, A. I. Studencheskij sleng kak funkcional'naja raznovidnost' russkogo jazyka // Materialy mezhvuzovskoj studencheskoj internet-konferencii. 2003.

**ТИПЫ СЦЕНАРИЕВ
В РАМКАХ ЮМОРИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

А. М. Морозова

В статье рассматриваются основные сценарии, которые могут иметь место в рамках юмористического дискурса. Юмористический дискурс имеет ряд вполне определенных черт и характеризуется особым типом взаимоотношений коммуникантов, *что и предопределяет его специфику. В статье рассматриваются возможные линии поведения адресанта, а также шаги адресата, которые, в конечном счете, складываясь воедино, составляют специфические коммуникативные модели в рамках юмористического дискурса.*

Ключевые слова: юмористический дискурс, юмористическая тональность, сценарий, модель поведения, коммуниканты.

Юмористический дискурс представляет собой текст, погруженный в ситуацию смехового общения. Характерными признаками такой ситуации выступают: выступают: 1) коммуникативное намерение участников общения уйти от серьезного разговора, 2) юмористическая тональность общения - стремление сократить дистанцию и критически переосмыслить в мягкой форме актуальные концепты, 3) наличие определенных моделей смехового поведения, принятого в данной лингвокультуре.

Юмористический дискурс характеризуется особым смеховым отношением к действительности в целом. Юмор позволяет сократить социальную дистанцию и выступает средством групповой идентификации. Именно парольная функция юмора позволяет устанавливать границу между «своими» и «чужими». Юмор отражает культурные ценности и сам представляет собой культурную ценность. Понимание юмора зависит от трех факторов: ситуации общения, индивидуальных характеристик отправителя и получателя сообщения. Так, Ю. И. Левин отмечает, что непонимание может произойти как «по вине читателя» (когда реципиент недостаточно подготовлен, невнимателен и т.д.), так и «по вине автора (самого исходного текста)» (когда сама структура текста недостаточно отчетлива, когда предмет речи чужд говорящему, если текст предьявляет к читателю почти

невыполнимые требования [2. С. 84]. Таким образом, задачей отправителя юмористического сообщения является адекватное кодирование текста.

Любой текст и тексты юмористической направленности не являются исключением, строятся по определенным сценариям. Сценарии, по которым строится любой жанровый образец юмористического дискурса, представляют собой цепочку стратегий, как было показано в предыдущем параграфе нашей работы. Однако, любой сценарий в конечном счете опирается на принятые и существующие в лингвистической и культурной практике человеческого социума модели поведения. Модель поведения представляет собой набор действий в определенной последовательности, заложенный на подсознательном уровне, употребляемый автоматически для достижения определенных целей.

Для каждой жизненной ситуации в нашем подсознании существует определенная подходящая модель поведения, которая устанавливается как внешними регуляторами – нормами и правилами общежития, так и регуляторами внутренними – ощущениями человека, его моральными установками и принципами. Традиционно выделяют конструктивную, деструктивную и конформистскую модели поведения. *Конструктивная модель* поведения характеризуется тем, что коммуникант доброжелателен к партнеру, открыт и искренен в общении. При *деструктивной модели* индивид не стремится сгладить имеющий место конфликт, а, напротив, стремится к его обострению, проявляет недоверие и т.п. И, наконец, *конформистская модель* характеризуется тем, что личность ведет себя пассивно, склонна к уступкам, непоследовательна в оценках, суждениях, поведении, легко соглашается с точкой зрения соперника, уходит от острых вопросов. Желательной моделью поведения в любой ситуации и в любом типе дискурса является конструктивная, модель деструктивная представляется нежелательной и вредной и может привести любой процесс общения в тупик. **Под моделью поведения в целом мы понимаем** целостный комплекс знаков лингвистических (языковых, речевых) и экстралингвистических (неречевых, поведенческих), направленный на создание образа коммуниканта. Модель поведения может выбираться как осознанно, так и формироваться самопроизвольно.

В жизни каждая модель поведения у разных людей воплощается по-разному. Большая часть моделей повседневного поведения не

выступает объектом специального изучения, поскольку в силу своей привычной природы они не представляют особого интереса для изучения. Но есть и такие модели, которые требуют особого осмысления. Как правило, это установленные и закреплённые практикой *этикетные модели (предписания) и стратегические модели*. **Этикетные модели** – правила поведения, предписываемые людям в разных ситуациях общения. В отличие от них **стратегические модели поведения** представляют собой рекомендации о том, как себя вести для того, чтобы достичь определенной (желаемой) цели. Мы вырабатываем определенные стратегии поведения, обдумываем, какие слова сказать собеседнику для того, чтобы воздействовать на него определенным образом, заинтересовать, убедить, показать готовность к сотрудничеству, завоевать его симпатию и т.д. Необходимость выработки речевых стратегий и поведенческих моделей обусловлена желанием достичь поставленных целей общения и справиться с проблемами, затруднениями, возникающими в процессе общения.

Не менее важной идеей и задачей, которая стоит перед автором речевого фрагмента является правильная *самоподача, самопрезентация*. Отправитель сообщения всегда действует в соответствии со своими планами и исходя из своего определения ситуации. Но он не может опираться только на свои желания, устремления, цели. Чрезвычайно важно учесть фактор адресата, партнера по коммуникации. Однако, безусловно, для того чтобы общение протекало по желаемому плану, каждый из его участников должен подавать себя в соответствии со своим замыслом. Коммуникант может осуществлять самопрезентацию сознательно или бессознательно, прямо или косвенно. Стоит указать также, что при выборе модели поведения человек зависит от своих целеустановок, реакции собеседника и от многих внешних обстоятельств.

При выборе модели поведения коммуникант, как правило, руководствуется следующими принципами: 1) *основные нравственные принципы поведения*, 2) *учет конкретной ситуации общения*, 3) цель, которую ставит перед собой коммуникативная личность, 4) оценка коммуникантом своих возможностей использования конкретной модели поведения, 5) оценка личности партнера по коммуникации – учет его личностных характеристик и особенностей поведения в ситуации общения.

В целом, выбор модель поведения представляет собой воспроизводство вариантов поведения, которые при повседневном общении помогают личности стать коммуникабельной, а потому интересной

для окружающих - реальных и потенциальных партнеров по коммуникации.

Говоря о юмористическом дискурсе нам представляется возможным построить (предложить) ряд возможных сценариев развития, каждый из которых опирается и строится с учетом основных моделей смехового поведения адресанта (отправителя сообщения) и адресата (получателя). Именно их позиция (как поведенческая, так и речевая) во многом определяет и выступает каркасом развития любого фрагмента юмористического дискурса.

Нам представляется необходимым вначале рассмотреть отдельно основные\возможные линии поведения адресанта (отправителя) с учетом интенций порождения юмористического дискурса и конечных (глобальных) целей коммуникации в целом:

1. Адресант может преднамеренно использовать юмор, поскольку юмористической выступает вся ситуация и тональность общения. Это может быть неформальное общение друзей, вечеринка и т.п. - ситуация в которой коммуниканты имеют равный статус и переход к смеховой ситуации, выход на юмористическую тональность проходит плавно и непринужденно (адресант может пошутить, рассказать анекдот и т.п.). В данном случае сама обстановка такова, что адресат до определенной степени ожидает от адресанта такого речевого поведения и переход к юмористической тональности происходит естественно, плавно и непринужденно. И адресант, и адресат во многом ждут перехода на такую тональность и ситуация представляется вполне предсказуемой;

2. Адресант может неожиданно для адресата выйти на юмористическую тональность (когда сама ситуация общения далека от юмористической). Причем, такой выход может быть осуществлен им самим как осознанно (преднамеренно), так неосознанно (спонтанно). Ситуации, при которых адресант «неожиданно», но осознанно выходит на юмористическую тональность в общении могут быть следующими: а) адресант желает разрядить сложившуюся обстановку и потому решает круто изменить тему и перейти на юмористическую тональность, когда адресат этого совершенно не ожидает (однако, со стороны адресанта такой переход осуществлен преднамеренно; б) адресант понимает, что последующее общение непременно затронет темы, от которых он хотел бы уйти, именно поэтому он круто меняет направление разговора, вставляя в него шутку или анекдот (последние, кстати, могут оказаться как к месту, так и не к месту – в

последнем случае можно говорить о коммуникативной неудаче). С другой стороны, ситуации, при которых адресант вполне «ожидает» и естественно, осознанно выходит на юмористическую тональность в общении могут быть следующими: а) сама коммуникация разворачивается таким образом, что подводит адресанта переходу на юмористическую тональность; при этом, такая тональность (равно как и такой переход) оказываются вполне естественными в предлагаемых условиях;

3. Адресант или адресат касаются в общении определенной тематики, которая переводит коммуникацию в определенное русло, при этом коммуниканты интуитивно ощущают и предвосхищают такой переход и понимают с какого момента разговор приобретает другое направление и другую тональность;

4. Адресант чувствует, что не может продолжать разговор с адресатом в выбранном ключе (тональность, тематика и т.п.), поскольку данная беседа может быть а) неприятна адресату, б) болезненна для него, в) затрагивает темы, которые последний старается избегать. Причем, такое «неудобство» может испытывать как адресант, так и адресат. И адресант осознанно (как для себя, так и для собеседника) переводит общение в иную (юмористическую, шутливую) тональность.

Со стороны адресата также возможен ряд вариантов поведения, которые могут быть как осознанными (преднамеренными, планируемыми заранее), так и неосознанными (вполне спонтанными).

1. Адресат адекватно понял, адекватно оценил шутку адресанта и адекватно на нее прореагировал;

2. Несмотря на все старания адресанта и его четкий (прямой) настрой на юмористическую тональность, адресат не реагирует на шутливую интенцию адресата; при этом он может ее просто не понять и пропустить (не прореагировать должным образом), либо не просто не понять, а проинтерпретировать совершенно неверно;

3. Адресат понял шутку (юмористическую тональность) адресанта и проинтерпретировал ее должным образом, но по определенным (иногда только ему известным и понятным) причинам предпочитает либо вообще не реагировать на нее (как бы «пропуская мимо ушей»), либо вести себя так, как будто понял сказанное совершенно по-иному (несерьезное в серьезном ключе), либо показывает (может быть даже эксплицитно), что не понял в чем суть шутки (нередко такая ситуация сопровождается сентенцией типа «Ну и где же здесь смеяться?....»).

Если совместить возможные (выделенные) «шаги» адресанта и адресата, потенциальные акции и реакции, то можем получить ряд моделей смехового поведения:

1. Адресант осознанно и преднамеренно использует юмор в соответствующей этому ситуации коммуникации :: Адресат правильно понимает юмористическую интенцию адресанта и адекватно (правильно, в той же юмористической тональности) реагирует;

2. Адресант осознанно и преднамеренно использует юмор в соответствующей этому ситуации коммуникации :: Адресат по каким-то причинам (часто личным психологическим) не понимает шутки адресата – в таком случае можно говорить о коммуникативной неудаче;

3. Адресант осознанно и преднамеренно использует юмор в соответствующей этому ситуации коммуникации :: Адресат (по определенным, только ему известным причинам) делает вид, что не понимает шутки, юмористической тональности адресанта и «пропускает ее мимо ушей» (не реагирует должным образом);

4. Адресант осознанно и преднамеренно использует юмор в соответствующей этому ситуации коммуникации :: Адресат (по определенным, только ему известным причинам) делает вид, что не понимает шутки, юмористической тональности адресанта и реагирует на нее в ином ключе (например, так, как если бы это была ни шутка, а вполне серьезная сентенция), уводя общение в иное русло;

5. Адресант неожиданно для самого себя выходит на юмористическую тональность (те случаи, о которых часто говорим – «самому смешно стало») :: Адресат поддерживает юмористическую тональность, заданную адресантом;

6. Адресант неожиданно для самого себя выходит на юмористическую тональность (те случаи, о которых часто говорим – «самому смешно стало») :: Адресат не поддерживает юмористической тональности, которую хотел (непреднамеренно) задать адресант;

7. Адресант неожиданно для адресата выходит на юмористическую тональность; он желает разрядить сложившуюся обстановку и потому решает круто изменить тему разговора – именно это и подталкивает его к переходу на юмористическую тональность. Такой переход совершается, как правило, когда адресат этого совершенно не ожидает :: Адресат быстро и верно оценивает смену речевой ситуации и полностью понимает интенции адресанта и подхватывает такой переход к юмористической тональности – в результате чего дальнейшее общение характеризуется унисонностью;

8. Адресант неожиданно для адресата выходит на юмористическую тональность; он желает разрядить сложившуюся обстановку и потому решает круто изменить тему разговора – именно это и подталкивает его к переходу на юмористическую тональность; такой переход совершается, как правило, когда адресат этого совершенно не ожидает :: Адресату не удается быстро и верно оценить смену речевой ситуации и речевого поведения партнера; он не может понять интенции адресанта; непонимание шуток и вообще самого желанья пошутить ведут к дальнейшему непониманию, рассогласованию действий, обиде, полному прекращению коммуникативных (а иногда и не только коммуникативных отношений);

9. Адресант неожиданно для адресата выходит на юмористическую тональность, желая по каким-то причинам изменить тему разговора :: Адресат совершенно верно интерпретирует речевое поведение адресанта, но по каким-то причинам не поддерживает шуток, не реагирует на нее, делая вид, что не понял;

10. Адресант не имеет интенций выхода на юмористическую тональность, говоря о чем-то совершенно серьезно :: Адресат же подмечает какую-либо комическую сторону в сказанном, ощущает (в силу определенного опыта, объективных или субъективных причин) определенную юмористическую тональность и потому реагирует на вполне серьезную сентенцию адресанта в юмористическом ключе.

Мы считаем, что в тех случаях, когда сама шутка (анекдот) оказывается вписана в ситуацию юмористического общения – можно и нужно говорить о юмористическом дискурсе в чистом виде. В тех же случаях, когда коммуниканты «выходят» на использование шуток, юмора и т.п. в ситуациях, довольно далеких от юмористического дискурса (непреднамеренно выходят на юмористическую тональность), мы можем говорить именно о юмористической тональности, которая может быть вплетена в дискурсивные образцы иного рода.

Список литературы

1. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград, 2002. 331 с.
2. Левин, Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М. : Языки русской культуры, 1998. 823 с.

List of literature

1. Karasik, V. I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. Volgograd, 2002. 331 s.
2. Levin, Ju. I. Izbrannye trudy. Pojetika. Semiotika. M. : Jazyki russkoj kul'tury, 1998. 823 s.

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИНОМИЯ
В ЯЗЫКЕ РУССКОГО ПРАВА 17–19 ВЕКОВ
КАК ОТРАЖЕНИЕ ЭВОЛЮЦИИ ПРАВОВОГО МЫШЛЕНИЯ**

Л. В. Попова

В статье отражены результаты лингвистического анализа терминологической полиномии в языке русского права 17–19 веков. Вариативность юридической терминологии обусловлена противоречивостью развития правового мышления. Семантическая и функциональная эквивалентность (синонимия) трех типов правовых терминов (специальных, предтерминов, паратерминов) отражает взаимодействие трех типов правосознания (профессионального, научного, обыденного).

Ключевые слова: Язык русского права 17–19 веков, юридический термин, терминологическая полиномия, специальный термин, предтермин, паратермин.

Состояние терминологии той или иной сферы профессиональной коммуникации определяется уровнем развития данного вида деятельности. Если начальный этап развития отечественного терминоведения характеризовался направленностью на разработку принципов и методов стандартизации терминологии, то в дальнейшем сформировалось понимание терминологии как языкового феномена, развивающегося в процессе специализации и эволюции специальных сфер человеческой деятельности. Принято выделять два периода в генезисе специальной лексики: стихийный (или естественный) период и сознательный (или организованно-целенаправленный) период [2. С. 70; 4. С. 106, 120, 129]. О. В. Борхвальдт отмечает, что для исторического терминоведения важно исследование движения терминологии к терминосистеме [1. С. 15].

В истории языка русского права выделяется несколько периодов с учетом экстралингвистических и собственно лингвистических факторов. Обобщая работы Н. Н. Лыковой [5] и С. П. Хижняка [8], считаем возможным период 10–18 веков считать донаучным, т.к. «терминология юриспруденции начинает формироваться с XVIII в.» [8. С. 21], а 19–20 века – «эпоха систематизации и развития терми-

носистемы русского права» [5. С. 75]. По нашему мнению, период 18–19 веков может быть назван переходным, когда наряду с профессиональным правовым мышлением начало формироваться научное. Данная позиция основана на принятой в теоретическом правоведении типологии правосознания: обыденное, профессиональное и научное правосознание. Профессиональное правосознание складывается в ходе специальной подготовки и в процессе практической юридической деятельности (правотворчества, правоприменения) [7. С. 305–306]. Как правило, в научной и учебно-методической литературе по истории русского права генезис юридического языка освещается недостаточно. Лингвокогнитивная природа юридического термина позволяет проследить закономерности формирования профессионального и научного правосознания.

В ходе нашего исследования установлено, что в период 17–19 веков одной из доминирующих тенденций в языке права [6] была полиномия – терминологическая избыточность в связи с недостаточной урегулированностью номинации правовых понятий. Основным проявлением полиномии стала синонимия: более 70 % юридических терминов связаны синонимическими отношениями, более 200 правовых понятий имели вариативные номинации. Лингвистический фактор активизации синонимии – языковые процессы: взаимодействие различных по происхождению лексем (русизмов, славянизмов, западноевропеизмов), деривационная вариативность (использование разных формантов при одинаковых производящих основах, использование морфологических, семантического и синтаксического способов деривации для номинации одного и того же правового понятия). Экстралингвистическим фактором терминологической полиномии в языке русского права была эволюция правового мышления. Анализ синонимических парадигм показывает, что в их составе взаимодействовали номинативные единицы трех типов: специальные юридические термины, юридические предтермины и юридические паратермины. Наличие предтерминов и паратерминов связано с тенденцией стихийности терминотворчества, специальных терминов – с тенденцией сознательности. В языке русского права специальные юридические термины представляют профессиональное правосознание и базу для развития научного правосознания, предтермины отражают взаимодействие профессионального и обыденного правосознания, паратермины представляют обыденное правосознание.

Среди специальных терминов имелись как исконные, так и заимствованные. Иноязычные термины выполняли две функции. Во-первых, они устраняли терминологическую недостаточность, когда национальный язык не располагал ресурсами для обозначения новых правовых реалий. Синонимия возникала при переводе данных терминов на русский язык (подборе русскоязычных аналогов): *Сенат* – *Государственное управление*, *гофгерихт* – *Суд Надворный*, *кригсрехт* – *воинский суд / военный суд*. Во-вторых, иноязычные термины использовались в качестве дополнения исконных терминов. С одной стороны, дополнительность заимствований связана с общей культурно-языковой тенденцией европеизации: *регламент* – *устав*, *Юстиция* – *правосудие*, *ассессор* – *заседатель*, *претензия* – *иск*, *сентенция* – *приговор*, *процесс* – *тяжба*, *криминальный* – *преступный*. Нередко подобные пары семантически эквивалентных терминов (дублетов) употреблялись в одном контексте, где русскоязычные термины выполняли функцию пояснения: «*Регламент* или *Устав Главнаго магистрата*» (1721 г.), «...вторая часть продолжается до *сентенции* или *приговору*» («*Устав Воинский. Краткое изображение процессов или судебных тяжбеб*», 1716 г.). С другой стороны, заимствованные специальные термины замещали исконные предтермины (русизмы и славянизмы). Предтерминами мы, опираясь на определение С. В. Гринева [3. С. 49], считаем терминологизированные языковые единицы, не отвечающие требованиям однозначности, нейтральности, краткости (многозначные лексемы, стилистически окрашенные лексемы, словосочетания).

Предтермины регулярно функционировали в языке русского права в донаучный период (10–18 века), некоторые сохранились и в переходный период (18–19 века). Рассмотрим несколько примеров синонимичных отношений описанного типа: *фальшивый* – *лживый*, *воровской*; *конфисковать* – *лишить пожитков*, *отнять / забрать / взять пожитки*; *конфискация* – *разорение*, *лишение / отнятие имения*. В правовых документах отмечена синонимия между предтерминами и исконными специальными терминами: *противник* – *ответчик*, *жалоба* / *просьба* – *иск*, *отнять* – *ограбить*, *отобрать / учинить допрос* – *допросить*. Обычно предтермин хронологически предшествует специальному термину. Многие терминологизированные лексемы, проникшие в язык русского права из смежных сфер (религия, мораль), сохранили коннотативное значение (положительное или отрицательное): *согрешишь / погрешишь* – *престу-*

пить / своровать, лихо – зло / злое (субстантив) / злое дело (действие) / злодейство – погрешение / прегрешение – преступка – преступление – воровство, погрешающий (субстантив) – злой человек / злодей – преступник / преступитель / преступный человек – вор.

Особую позицию по отношению к специальным терминам и предтерминам в языке русского права занимают паратермины (от греч. *para* «возле, мимо, вне») – одно- и многокомпонентные номинативные единицы, которые не имеют сем, связанных с юридической сферой, но при включении в юридический контекст сближаются по значению и функции со специальными терминами и предтерминами, заменяя их. В отличие от предтерминов паратермины используются нерегулярно. Подобно предтерминам некоторые паратермины обладают коннотацией. Рассмотрим синонимические ряды, включающие специальные термины, предтермины и паратермины (последние выделены): *неправомерный приговор – приговор против прав – непристойный приговор, преступить – согрешить – своровать – противиться – противное учинить – нарушить, преступление – дело криминальное / криминальное (субстантив) – преступка – лихо – зло – злое (субстантив) – злое дело (действие) / злодейство – погрешение / прегрешение – воровство – противное действие – нарушение, преступник / преступитель / преступный человек – злой человек / злодей – погрешающий (субстантив) – вор – непотребный человек – противник – нарушитель – ослушник (ослушный) – преслушник (преслушный) / преслушатель.*

Таким образом, лингвистический анализ терминологической полиномии в языке русского права позволяет уточнить представление о генезисе юридического языка в связи с эволюцией правового мышления. Вариативность юридической терминологии 17–19 веков обусловлена противоречивостью развития правового мышления. Функциональная взаимозаменяемость (синонимия) трех типов терминов отражает взаимодействие трех типов правосознания. Специальные термины, эксплицирующие профессиональное правосознание (на основе которого формируется и научное), составляют примерно 1/3 часть юридической терминологии; предтермины, возникшие при взаимодействии обыденного и профессионального правосознания, – 1/2; паратермины, отражающие обыденное правосознание, – 1/4. Следовательно, доминирующим типом правосознания был профессиональный, взаимодействующий с обыденным. Научное правосознание в 18–19 веках находилось в стадии зарождения.

Список литературы

1. Борхвальдт, О. В. Историческое терминоведение русского языка. Красноярск : РИО КГПУ, 2000.
2. Голованова, Е. И. Категория профессионального деятеля: Формирование. Развитие. Статус в языке. Челябинск : Челяб. гос. ун-т, 2004.
3. Гринев, С. В. Введение в терминоведение. М. : Моск. лицей, 1993.
4. Лейчик, В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М. : ЛКИ, 2007.
5. Лыкова, Н. Н. Генезис языка права (на материале французских и русских документов X–XV веков). Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2005.
6. Полное собрание законов Российской Империи, повелением Государя Императора Николая Павловича составленное. Собрание Первое. Съ 1649 по 12 Декабря 1825 года. Санктпетербургъ. Печатано въ Типографіи П Отдѣленія Собственной Его Императорского Величества Канцеляріи. 1830. Т. 1–45.
7. Теория государства и права: учебник / под ред. В. К. Бабаева. М. : Юристъ, 2001.
8. Хижняк, С. П. Вариантность языковой картины мира в терминологии // Взаимодействие экстра- и интралингвистических факторов при формировании терминосистем языков разного типа: межвуз. сб. науч. тр. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000.

List of literature

1. Borhval'dt, O. V. Istoricheskoe terminovedenie russkogo jazyka. Krasnojarsk : RIO KGPU, 2000.
2. Golovanova, E. I. Kategorija professional'nogo dejatelja: Formirovanie. Razvitie. Status v jazyke. Cheljabinsk : Cheljab. gos. un-t, 2004.
3. Grinev, S. V. Vvedenie v terminovedenie. M. : Mosk. licej, 1993.
4. Lejchik, V. M. Terminovedenie: predmet, metody, struktura. 3-e izd. M. : LKI, 2007.
5. Lykova, N. N. Genezis jazyka prava (na materiale francuzskih i russkih dokumentov X–XV vekov). Tjumen' : Izd-vo Tjumen. gos. un-ta, 2005.
6. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj Imperii, povelieniem Gosudarja Imperatora Nikolaja Pavlovicha sostavlennoe. Sbranie Pervoe. S# 1649 po 12 Dekabrja 1825 goda. Sanktpeterburg#. Pечатано v# Tipografii П Otdѣlenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii. 1830. T. 1–45.
7. Teorija gosudarstva i prava: uchebnik / pod red. V. K. Babaeva. M. : Jurist#, 2001.
8. Hizhnjak, S. P. Variantnost' jazykovej kartiny mira v terminologii // Vzaimodejstvie jekstra- i intralingvisticheskih faktorov pri formirovanii terminosistem jazykov raznogo tipa: mezhvuz. sb. nauch. tr. Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2000.

ПРОБЛЕМА КАТЕГОРИЗАЦИИ РЕПРЕЗЕНТАНТОВ ПРИЗНАКОВ В СРАВНЕНИЯХ¹

М. Е. Прохорова

В статье рассматривается разная степень значимости признаков объектов в воспринимающем сознании. Исследуются отношения между признаками и объектами, репрезентирующими данные признаки в сравнениях. Обосновывается приемлемость использования понятия «эталон» для описания репрезентанта признака только для отдельных сравнений. На примере цветовых сравнений иллюстрируются различные основания выбора объектов для репрезентации цветового признака: их цвет может отражать сущность объекта, являться результатом воздействия на объект, указывать на непрототипичную разновидность объекта, приписываться объекту по метонимическому принципу. Степень присущности цвета объекту определяет степень его прототипичности как репрезентанта данного цвета и, следовательно, его позицию в категории цветовых репрезентантов.

Ключевые слова: признак, эталон, цветовое сравнение, репрезентант цвета, категоризация, прототипические и периферийные члены категории.

Человек воспринимает и концептуализирует окружающий мир в виде вещей и признаков. Категории вещей и признаков взаимообусловлены, поскольку вещь имеет признаки, а признаки характеризуют вещь. *Признак* – это показатель, сторона предмета или явления, по которой данный предмет или явление можно узнать, определить или описать. Наблюдение над признаками вещей позволяют человеку понять, в чем предметы, явления сходны друг с другом или в чем они отличаются друг от друга. Отделение признаков от вещей осуществляется только в сознании посредством мыслительной способности абстрагирования. Разграничение вещей и признаков является относительным, поскольку сущность, выступающая как при-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Оценочная категоризация мира в русском и западноевропейских языках», проект № 10-04-00196а

знак чего-либо, в другом отношении может выступать как имеющая признаки, то есть как вещь. Например, белизна является признаком снега, но ей самой могут быть приписаны признаки – *ослепительная белизна*, и в этом случае она выступает как вещь [13. С. 32–35].

Признаки классифицируются по различным критериям. В психологии признаки делятся на *ведущие*, которые проявляются при многократном восприятии объекта и фиксируются сознанием и *случайные*, которые проявляются в единичных ситуациях и отсеиваются сознанием [11. С. 43–48; 23. С. 9–15; 10. С. 167]. С точки зрения категоризации объектов признаки делятся на *сущностные*, позволяющие отличить объекты одного класса от другого, и *характерные*, которые несущественны при категоризации, но позволяют выделить разные подклассы в рамках одного понятия [21. С. 89–97; 6. С. 109].

Значимость одних признаков и второстепенность других меняется в зависимости от того, формируется ли общее знание о предмете или субъективное представление о нем в конкретной ситуации. Признаки, отражающие общее знание о предмете, составляют содержательное ядро лексического значения называющей его языковой единицы [Попова, Стернин 2004: 124]. Несущественные признаки объекта, которые называют также *ассоциативными*, являются периферийными в совокупном содержании лексического значения и не входят непосредственно в семантику языковых единиц. В определенных целях внимание говорящего может концентрироваться именно на ассоциативных признаках. Например, они нередко лежат в основе метафорических переносов, сравнений, производных слов [1. С. 160–164; 13. С. 111]. Именно ассоциативные признаки объектов отражены устойчивыми сравнениями *звонкий как серебро*, *холодный как лягушка*, *висеть как тряпка*, *трясти как грушу*, *ругаться как извозчик*, *идти на дно как камень* и т.п.

Предметом нашего исследования является изучение связи между объектами, служащими в качестве опоры для иллюстрации определенного признака в сравнениях, и репрезентируемыми ими признаками. *Сравнения* – это сложные языковые единицы, которые используются для описания объекта сравнения (А) с целью выявить в нем новые, значимые для субъекта речи свойства, путем уподобления его другому объекту (В) по общему для них признаку (С): *кожа (А) нежная (С) как персик (В)*. Традиционно исследователи в области сравнений говорят о компоненте (С) как имени эталона выраженного в сравнении признака: например, *игла*, *нож*, *зуб*, *ко-*

лючка, заноза, пила – «эталонные» носители признака «острый» [22; 5; 14]. Без сомнения, используемый лингвистами термин «эталон» относительно объекта, с которым что-то сравнивается, не реализует своего прямого значения как точно рассчитанной меры, служащей в качестве образца для воспроизведения, хранения и передачи единиц какой-либо величины [20. С. 1581]. Под эталоном понимается некое идеальное существующее в сознании людей представление о каком-либо качестве [7. С. 23]. Употребление термина «эталон», однако, представляется оправданным по отношению только к части объектов, репрезентирующих тот или иной признак в языке. Говоря об объекте как эталоне некоторого признака, исследователи подразумевают устойчивость и максимальную полноту проявления данного признака у объекта [9. С. 57; 4. С. 157]. Однако анализ сравнительных конструкций показывает, что не все объекты обладают репрезентируемыми ими признаками в максимальной степени, а в ряде случаев не обладают ими вообще. Например, пробка в составе русского сравнения репрезентирует глупость (*глупый как пробка*), сивый мерин представляет способ сообщения ложной информации (*врать как сивый мерин*), хотя эти признаки онтологически не могут быть присущи пробке и мерину [24. С. 6; 9. С. 31]. Для репрезентации конкретных признаков могут привлекаться абстрактные понятия, онтологически их не имеющие, как например, чувство любви для репрезентации красного цвета: *The sun went black / The moon turned red as love* (С. Morgan, End Of The World). Для обозначения таких репрезентантов В.Б. Гольдберг предложила использовать термин «псевдоэталон» [3. С. 74].

Не в пользу идеи об «эталонности» репрезентантов признака в сравнениях свидетельствует их значительное варьирование при одном основании, например: *худой как спичка, вобла, скелет, Дон Кихот; сильный как бык, медведь, Геркулес; страшный как смерть, грех, обезьяна*. Более того, в качестве репрезентанта описываемого признака может выступать не общепринятый объект, а конкретный, находящийся в поле зрения или памяти говорящего денотат (ситуативный репрезентант признака): «*Лаборант, белый, как халат, непрерывно затягиваясь, курил сигарету* (А. Стругацкий, Понедельник начинается в субботу); *She was lying on the bed and her face was as white as the pillow under her head* (Н. Robbins, The Carpetbaggers); *...dit Madeleine qui ne put se retenir de devenir blanche comme sa corsette* (G. Sand, François le Champi). К тому же, один объект может

привлекаться с целью репрезентации разных признаков: *как пороенок визжать, как поросенок грязный, розовый, толстый*. Сказанное свидетельствует об условности использования понятия эталона в отношении объектов, репрезентирующих те или иные признаки в сравнениях, поскольку эти признаки могут быть свойственны им в разной степени или не свойственны вообще.

Наблюдения за признаками, описываемыми сравнениями, и объектами-репрезентантами данных признаков выявили разную степень мотивированности связи между ними. Степень мотивированности легла в основу классификации как признаков, так и самих сравнений. По данному принципу они были распределены на две основные группы: мотивированные и немотивированные. *Мотивированными* являются те признаки, которые присущи объекту в реальной действительности. Внутри группы мотивированных признаков выделяют сущностные и характерные (характерные типичные и характерные вероятные). *Сущностные признаки* отражают сущность объекта и присущи ему всегда. Они зафиксированы в соответствующей словарной дефиниции. Например, сущностным является горький вкус полыни, отраженный в сравнении *горький как полынь: полынь – «эфироносное растение... с сильным запахом и горьким вкусом»* [15. С. 452]. Представляется, что именно объекты, репрезентирующие в сравнениях свои сущностные признаки, можно назвать эталонами данных признаков. *Характерные признаки* обладают преувеличенной значимостью для носителей языка, хотя в словарной дефиниции они могут быть не отражены (например, признак *круглый* в значении слова *мяч*). *Характерные типичные признаки* обычно присущи объекту (*холодный как айсберг – айсберг всегда холодный*) или входят в общепринятое представление человека о данном объекте (*толстый как свинья, as patient as a saint «терпеливый как праведник»*). *Характерные вероятные признаки* могут быть присущи объекту лишь в некоторой ситуации (*довольный как сто китайцев*) [24; 5].

Немотивированными являются те признаки, которые приписываются их репрезентанту тем или иным языковым сообществом и которыми соответствующий объект не может обладать ни при каких условиях. Например, *глухой как пробка, as deaf as a stone (глухой как камень)* и др. [5].

Исследование, проведенное Н.В. Дмитриевой на материале русских и английских адъективных сравнений, показало, что при выборе объекта в качестве репрезентанта некоторого признака носители

языка отдают предпочтение его случайным, возникающим в отдельных ситуациях признакам, но не постоянно присущим им признакам [5]. Кроме того, выделяется ряд сравнений, построенных на антиномии признака и его репрезентанта. Такие сравнения, как правило, имеют целью создание иронического эффекта: *везти как утопленнику, дела как сажа бела, чист как трубочист, être bronzé comme un cachet d'aspirine* [12. С. 10; 8. С. 170; 9. С. 31].

Таким образом в основе деления мотивированных признаков на существенные, характерные типичные и характерные вероятные лежит учет избирательности восприятия. То, какие признаки объектов окажутся выделенными человеком, ведущими, зависит от решаемых им задач.

В ходе анализа связи между объектом и репрезентируемым им в сравнении признаком были выявлены факторы, обуславливающие выбор объектов из числа возможных в качестве репрезентантов отдельных признаков. Было показано, что эти факторы носят как внеязыковой, так и языковой характер. Среди *внеязыковых факторов* называют объективную действительность (*белый как снег*), культурный опыт того или иного языкового сообщества (*хитрый как Мавроди, drunk as lord, bavard comme une concierge*), индивидуальное восприятие (*хрупкий как стрекоза*) и другие [24; 16]. К числу *языковых факторов* относятся явления рифмы, аллитерации (*тощ как хвоц, bald as a billiard ball, plat comme une planche*), контаминация (*черный как агат, агатовые глаза* (вместо *черный как gagat*); *noir comme geai* (вместо *noir comme jais*) [12. С. 10; 9. С. 58, 63].

Разная степень присущности объектам признаков, репрезентируемых ими в сравнениях, позволяет говорить о совокупности репрезентантов определенного признака как о категории, организованной по прототипическому принципу. *Прототипический принцип* построения категории подразумевает психологическую выделенность в категории наиболее типичного образца – прототипа. Данный прототип выступает в роли эталона сравнения при отнесении других объектов к данной категории. Приближенность или удаленность других элементов категории от прототипа зависит от количества сходных с ним характеристик. Наименее типичные элементы могут располагаться в переходной зоне между двумя ближайшими категориями. Так, прототипом естественной категории птиц, согласно экспериментальным исследованиям, являются воробей или малиновка для представителей русской и англоязычной культур соответствен-

но. Не умеющий летать пингвин и летающее млекопитающее летучая мышь приближены к границе естественной категории птиц как ее наименее типичные представители [2. С. 6–7, 11]. Исходя из вышесказанного, место репрезентанта признака в категории определяется степенью присущности объекту представляемого им признака в сравнении.

Рассмотрим организацию категории репрезентантов признаков на примере категории репрезентантов цвета в сравнениях русского, английского и французского языков: *белый как мел*, *red as raspberry*, *bleus comme le ciel* и других. В ядро категории репрезентантов цвета входят наиболее типичные репрезентанты цвета, для которых репрезентируемый цвет является сущностным признаком, т.е. отражающим сущность объекта и присущим ему всегда: мел (*белый как мел*), кровь (*red as blood*), изумруд (*vert comme une émeraude*). К центру относятся объекты, репрезентируемый цветовой признак которых является характерным типичным, т.е. несущественным с точки зрения категоризации объекта, но присущим большинству его разновидностей или характеризующим наиболее важную для человека стадию существования объекта. Таковыми являются наиболее распространенная красная разновидность свеклы (*красный как свекла*): ср. *Столовая свекла* (с красным корнем). *Сахарная свекла* (с белым корнем, содержащим много сахара)» [15. С. 571]; малина в стадии спелости (*red as raspberry*): см. *red when ripe...*» [25. Р. 963]; омар в стадии готовности (*rouge comme un homard*): см. *être rouge comme un homard* – «comme l'est un homard après la cuisson» [26. Р. 933].

Остальные репрезентанты цвета находятся на периферии категории. Ближняя периферия представлена объектами, для которых репрезентируемый цветовой признак является характерным вероятным – присущим только небольшой части его представителей или характеризующим непрототипическую стадию существования, например, снег как элемент категории репрезентантов серого или голубого цвета: *глаза серые как снег*, *голубые как снег в лесной тени*. На дальней периферии расположены объекты, реальный цветовой признак которых значительно отличается от репрезентируемого ими цвета или которые онтологически не обладают цветовыми признаками, например, смерть (*белый как смерть*, *white as death*, *blanc comme mort*). Данному абстрактному явлению цветовая характеристика приписывается на основании метонимического переноса с конкретного объекта – облика умершего человека [18; 19].

Проведенные исследования показали разную степень присущности объектам признаков, которые они репрезентируют в сравнениях. Это свидетельствует о градации репрезентантов того или иного признака в сознании человека: одни объекты являются типичными носителями данного признака и способны репрезентировать его наглядно, другие могут представлять его только в некоторых ситуациях, а третьи не обладают им вообще. В зависимости от степени присущности признака объекту определяется степень его прототипичности как репрезентанта данного признака. Объекты, признак которых является сущностным, являются наиболее типичными членами категории репрезентантов признака и располагаются в ядре категории. Объекты, признак которых является характерным типичным, относятся к центру категории. Объекты, признак которых является вероятным, расположены на ближней периферии категории, а объекты, признак которых приписан им на основании метонимического переноса – на дальней периферии категории.

Список литературы

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Том 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., Школа «Языки русской культуры», 1995.
2. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 2. С. 5–22.
3. Гольдберг, В. Б. Компаративные словосочетания и компаративная категоризация как отражение познания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2007. № 4. С. 71–80.
4. Гудков, Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
5. Дмитриева, Н. В. Роль признака в выборе эталона сравнения (на материале адъективных срав-

List of literature

1. Apresjan, Ju. D. Izbrannye trudy. Tom 2. Integral'noe opisanie jazyka i sistemnaja leksikografija. M., Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1995.
2. Boldyrev, N. N. Jazykovye kategorii kak format znanija // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2006. № 2. S. 5–22.
3. Gol'dberg, V. B. Komparativnye slovosocetanija i komparativnaja kategorizacija kak otrazhenie poznanija // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. 2007. № 4. S. 71–80.
4. Gudkov, D.B. Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii. M.: ITDGGK «Gnozis», 2003. 288 s.
5. Dmitrieva, N. V. Rol' priznaka v vybore jetalona sravnenija (na materiale ad#ektivnyh sravnenij

- нений английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2000. 15 с.
6. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику. М. : Российский гос. гуманитар. ун-т, 2000. 382 с.
7. Канон, эталон, стереотип в языковом сознании и дискурсе: Дискуссия в ИЯ РАН 07.02.1999 // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М. : Диалог–МГУ, 1999. Вып. 8. С. 4–38.
8. Кожин, А. Н. О фразеологизации сравнительных оборотов // Русский язык: Сб. трудов. М., 1975. С. 167–172.
9. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии: монография. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 1999.
10. Ломов, Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М. : Изд-во «Наука», 1984.
11. Лурия, А. Р. Ощущение и восприятие. М. : Изд-во Московского ун-та, 1975.
12. Назарян, А. Г. Образные сравнения французского языка. М. : Наука, 1965.
13. Никитин, М. В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие. СПб. : Научный центр проблем диалога, 1996.
14. Новикова, Е. В. Эталоны сравнения в немецкой языковой картине мира: автореф. дис. ...
- anglijskogo i ruskogo jazykov) : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Tver', 2000. 15 s.
6. Zalevskaja, A. A. Vvedenie v psiholingvistiku. M. : Rossijskij gos. gumanit. un-t, 2000. 382 s.
7. Kanon, jetalon, stereotip v jazykovom soznanii i diskurse: Diskussija v IJa RAN 07.02.1999 // Jazyk, soznanie, komunikacija: sb. statej / отв. red. V. V. Krasnyh, A. I. Izotov. M. : Dialog–MGU, 1999. Vyp. 8. S. 4–38.
8. Kozhin, A. N. O frazeologizacii sravnitel'nyh oborotov // Russkij jazyk: Sb. trudov. M., 1975. S. 167–172.
9. Lebedeva, L. A. Ustojchivye sravnenija ruskogo jazyka vo frazeologii i frazeografii: monografija. Krasnodar : Kubanskij gos. un-t, 1999.
10. Lomov, B. F. Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psihologii. M. : Izd-vo «Nauka», 1984.
11. Lurija, A. R. Ovuwenie i vosprijatie. M. : Izd-vo Moskovskogo un-ta, 1975.
12. Nazarjan, A. G. Obraznye sravnenija francuzskogo jazyka. M. : Nauka, 1965.
13. Nikitin, M. V. Kurs lingvisticheskoj semantiki: uceb. posobie. SPb. : Nauchnyj centr problem dialoga, 1996.
14. Novikova, E. V. Jetalony sravnenija v nemeckoj jazykovoj kartine mira: avtoref. dis. ... kand.

- канд. филол. наук. Омск, 2006.
15. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. М. : Рус. яз., 1987.
16. Пашковская, Н. В. Национально-культурная специфика адъективных сравнений английского и русского языков // Психолингвистические исследования слова и текста: сб. науч. тр. Тверь : Тверской гос. ун-т, 1997. С. 99–103.
17. Попова, З. Д. Общее языкознание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж : Центрально-Черноземное книжное издательство, 2004.
18. Прохорова, М. Е. Категория репрезентантов цвета, характеризующих человека в сравнениях // Наукові праці Кам'янець-Подільського національного університету імені Івана Огієнка: Філологічні науки. Випуск 28. Кам'янець-Подільський: Аксиома, 2011. С. 375–378.
19. Прохорова, М. Е. Выделение как механизм отражения действительности в компаративных словосочетаниях // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. Тамбов, 2006. Вып. 2 (42). С. 218–221.
20. СЭС 1989 – Советский энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1989.
21. Хофман, И. Активная память: Экспериментальные исследования и теории человеческой памяти. М. : Прогресс, 1986.
22. Шенделева, Е.А. Полевая ор-
- filol. nauk. Omsk, 2006.
15. Ozhegov, S. I. Slovar' russkogo jazyka. M. : Rus. jaz., 1987.
16. Pashkovskaja, N. V. Nacional'no-kul'turnaja specifika ad#ektivnyh sravnenij anglijskogo i russkogo jazykov // Psiholingvisticheskie issledovanija slova i teksta: sb. nauch. tr. Tver' : Tverskoj gos. un-t, 1997. S. 99–103.
17. Popova, Z. D. Obwee jazykoznanie / Z. D. Popova, I. A. Sternin. Voronezh : Central'no-Chernozemnoe knizhnoe izdatel'stvo, 2004.
18. Prohorova, M. E. Kategorija reprezentantov cveta, harakterizujuvih cheloveka v sravnenijah // Naukovi praci Kam'janec'-Podil'skogo nacional'nogo universitetu imeni Ivana Ogienka: Filologichni nauki. Vipusk 28. Kam'janec'-Podil's'kij: Aksioma, 2011. S. 375–378.
19. Prohorova, M. E. Vydelenie kak mehanizm otrazhenija dejstvitel'nosti v komparativnyh slovosocetanijah // Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki. Tambov, 2006. Vyp. 2 (42). S. 218–221.
20. SJeS 1989 – Sovetskij jenciklopedicheskij slovar' / gl. red. A. M. Prohorov. – M.: Izd-vo «Sovetskaja jenciklopedija», 1989.
21. Hofman, I. Aktivnaja pamjat': Jeksperimental'nye issledovanija i teorii chelovecheskoj pamjati. M. : Progress, 1986.
22. Shendeleva, E.A. Polevaja or-

- ганизация образной лексики и фразеологии // Фразеология в контексте культуры. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 74–79.
23. Шехтер, М. С. Зрительное опознание: Закономерности и механизмы. М. : Педагогика, 1981.
24. Шмелева, Т. В. Специфика опорного слова устойчивого адъ-ективного сравнения в английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калинин, 1988.
25. OALD 1995 – Oxford Advances Learner’s Dictionary / J. Crowther. Oxford University Press, 1995.
26. PR 1985 – Petit Robert. Dictionnaire de la langue français / Paul Robert. Paris: le Robert – 107, avenue Permentier, 1985.
- organizacija obraznoj leksiki i frazeologii // Frazeologija v kontekste kul'tury. M. : Jazyki ruskoj kul'tury, 1999. S. 74–79.
23. Shehter, M. S. Zritel'noe opoznanie: Zakonomernosti i mehanizmy. M. : Pedagogika, 1981.
24. Shmeleva, T. V. Specifika opornogo slova ustojchivogo ad#ektivnogo sravnenija v anglijskom jazyke : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Kalinin, 1988.
25. OALD 1995 – Oxford Advances Learner’s Dictionary / J. Crowther. Oxford University Press, 1995.
26. PR 1985 – Petit Robert. Dictionnaire de la langue français / Paul Robert. Paris: le Robert – 107, avenue Permentier, 1985.

ЯЗЫК ПОЛИТИКИ

К ВОПРОСУ ОБ АКУСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ИНТОНАЦИОННОГО ПОРТРЕТА СОВРЕМЕННОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЛИДЕРА

Ю. С. Альшева

Рассмотрена акустическая специфика звучащей политической речи, а именно значения диапазонов частоты основного тона в пределах синтагмы. Определена роль контрастных изменений диапазонных значений ЧОТ в выявлении специфических черт интонационного портрета современного политического лидера.

Ключевые слова: интонационный портрет политика, индивидуальное и общее в звучании, акустические параметры звучащей речи, диапазон частоты основного тона

В современных научных трудах наблюдается значительный интерес к феномену политической коммуникации. В частности, существует несколько подходов к изучению речевого портрета политика (психологический, риторический, собственно лингвистический и т.д.), которые базируются на лингвистическом понятии языковой личности и речевого портрета говорящего.

Создание речевого портрета может преследовать различные цели и вовлекать в описание материал разных уровней (лексического, синтаксического, интонационно-звукового и др.) и аспектов (семантического, коммуникативного, прагматического и др.) в структуре и содержании языковой личности (см. работы М. В. Панова, Т. Г. Винокур, М. В. Китайгородской, Н. Н. Розановой, Л. П. Крысина, В. Я. Труфановой и др.).

Анализ специальной литературы показал, что фонетические (сегментные и суперсегментные) средства были одними из первых языковых единиц, на которые обратили внимание исследователи индивидуального в звучащей речи. Установлено, например, что на фонетическом уровне маркеры речевого портрета говорящего проявляются чаще всего в предпочтении того или иного орфоэпического

варианта, в характере фонетического эллипсиса, в выборе приемов акцентного выделения [2. С. 5].

Проблема взаимодействия индивидуального и общезыкового в интонации отражается в первых опытах описания речевых портретов в работах школы Е. А. Брызгуновой. Так, В. Я. Труфанова на примере звучащей речи актеров определяет «комбинации средств, обуславливающих общность и своеобразие интонации». Автор рассматривает «влияние индивидуальных особенностей интонации на смысловую структуру речи» [6. С. 198] и делает вывод о том, что соотношение индивидуального и общего в интонации представляется как отношение индивидуального выбора к общим средствам, которыми располагает интонационная система языка. «Впечатление оригинальности в интонации создается за счет особенностей отбора, употребления и сочетания, общих для всех средств» [6. С. 201].

Актуальность данного исследования заключается в том, что в нем впервые предпринята попытка описания интонационного портрета современного политического лидера (на материале выступлений В. В. Путина), при этом особое внимание уделено анализу его акустической составляющей, в частности характеристике частоты основного тона (ЧОТ).

В рамках статьи будет рассмотрен такой акустический параметр ЧОТ, как диапазон (интервал между самым высоким и самым низким показателями ЧОТ в пределах определенной единицы), который, как известно, влияет на специфику звучания речи говорящего [3; 4].

При анализе языкового использовалась компьютерная программа Speech Analyzer, которая позволила визуализировать речевой сигнал, провести фонетическую сегментацию потока речи, измерить показатели частоты основного тона в герцах (Гц) и сохранить их в виде графических файлов для дальнейшего анализа и сопоставления.

Как известно, отрезок речи может быть произнесен в разных полосах диапазона. По мнению Л. К. Цеплитиса, «по использованию той или иной полосы диапазона можно судить о некоторых семантических особенностях высказывания» [7. С. 122]. Кроме того, диапазон ЧОТ указывает и на индивидуальные характеристики речи. Так, например, понижение диапазона на участках многочисленных пояснений, по мнению В. Я. Труфановой, может говорить о стремлении говорящего в открытости, достоверности; повышение значений

диапазона, а также резкие скачки, напротив, по мнению автора, указывают на эмоциональное состояние говорящего [6]. Диапазон ЧОТ в нейтральной речи варьируется в пределах от 100 до 200 Гц [5. С. 96–122].

По нашим наблюдениям, средний показатель диапазона в речи В. В. Путина составляет 49 Гц, что в 2 раза меньше общезыковой нормы. В качестве примера рассмотрим фрагмент из речи В. В. Путина: «*при этом / сокращается смертность / и⁶ / немножко / подросла⁶ / рождаемость //*». На рис. 1 представлены осциллограмма и интонограмма синтагмы «*сокращается смертность*».

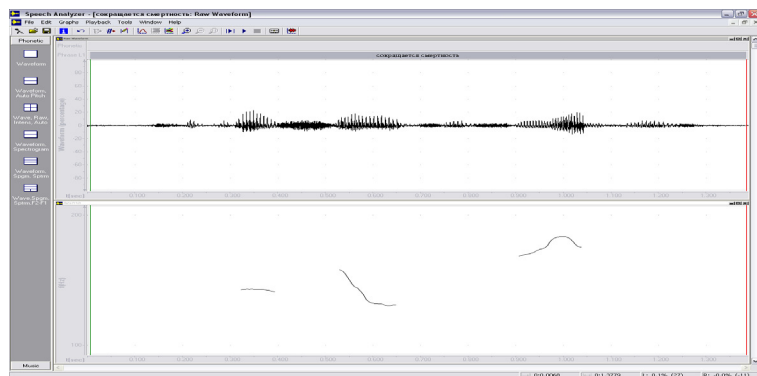

Рис. 1. Осциллограмма и интонограмма синтагмы «сокращается смертность».

Приведенная интонограмма демонстрирует, что диапазон движения тона в синтагме составляет от 123 Гц до 178 Гц. Разница значений частоты диапазона равна 45 Гц, что свидетельствует о спокойствии и малой степени эмоциональности говорящего [7. С. 125].

Инструментальный анализ выступлений В. В. Путина показал, что среднее значение диапазона ЧОТ в его речи может варьироваться в зависимости от характера направления движения тона, а также в зависимости от выражения эмоционально-смысловых значений.

Так, в синтагмах с нисходящим движением тона, оформленных по типу ИК-1, наблюдаются небольшие по сравнению с нормой диапазоны ЧОТ. Например рассмотрим осциллограмму и интонограмму одной из синтагм следующего фрагмента речи В. В. Путина: «*добрый день / уважаемые дамы и господа⁶ / дороги⁶е / друзья¹ //*».

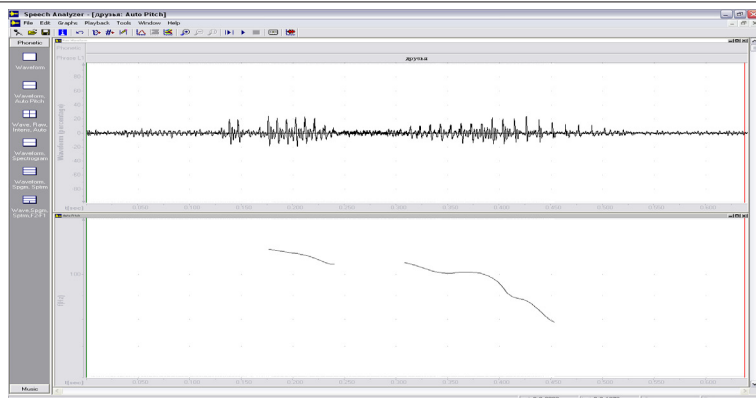

Рис. 2. Осциллограмма и интонограмма синтагмы «друзья¹».

Из приведенной интонограммы видно, что показатель диапазона ЧОТ заметно снижен по сравнению со средними значениями речи В. В. Путина и составляет от 79 Гц до 106 Гц (разница значений – 27 Гц).

Приведенные и подобные примеры позволяют выявить определенную закономерность уменьшения диапазона в речи политического лидера. Поскольку данное явление мы наблюдаем по преимуществу в поздравительных речах в конечных синтагмах, оформленных по типу ИК-1, то небольшие диапазоны, на наш взгляд, могут служить дополнительным средством нивелирования общей эмоциональности звучания и создавать оттенок сдержанной речи.

Обратимся к случаям увеличения диапазона ЧОТ, которое в речи В. В. Путина, как правило, происходит в неконечных синтагмах, оформленных по типу ИК-2, интонационному типу, который характеризуется усилением словесного ударения на гласном центра [1].

Приведем осциллограмму и интонограмму одной из синтагм следующего фрагмента выступления В.В. Путина: *«мы думаем пре⁶жде всего / о своих бли³²зких / о семье³² / о том как са²ми прожили этот год /»*.

Из приведенной ниже интонограммы речи В.В. Путина видно, что диапазон движения тона в синтагме составляет от 110 Гц до 208 Гц. Таким образом, разница значений частоты диапазона превышает средний показатель данного политика почти в 2 раза и равна 98 Гц.

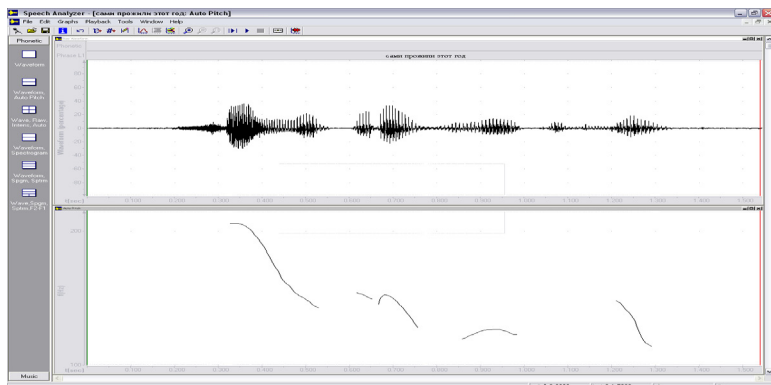

Рис. 3. Осциллограмма и интонограмма синтагмы «са²ми прожи-ли этот год».

Наш материал показывает, что увеличение значений диапазона ЧОТ выполняет в звучащей речи В.В. Путина смысловую и эмоционально-экспрессивную функции. Смысловая функция проявляется в информативной значимости синтагм, реализованных в широком тональном диапазоне (политик выделяет главное в высказывании). А эмоционально-экспрессивная функция связана с отмеченной в специальной литературе способностью повышать эмоциональную нагруженность текста за счет увеличения отклонения общезвуковых, «базовых» для данного говорящего значений.

Таким образом, в результате анализа акустических характеристик установлено, что значения диапазона ЧОТ оказываются релевантными при выявлении специфики интонационного портрета В. В. Путина. Так, индивидуальность звучания речи политика проявляется с одной стороны в его сдержанности, спокойствии, а с другой – в стремлении максимально представить наиболее важные фрагменты своего выступления и выразить свое эмоциональное отношение к ним.

Список литературы

1. Брызгунова, Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984.
2. Китайгородская, М. В. Современная политическая коммуникация / М. В. Китайгородская, Н.

List of literature

1. Bryzgunova, E. A. Jemocional'nostilisticheskie razlichija russkoj zvučawej reči. M., 1984.
2. Kitajgorodskaja, M. V. Sovremennaja političeskaja kommunikacija / M. V. Kitajgorodskaja, Н.

- Н. Розанова // Современный русский язык. Социальная и функциональная дифференциации. М., 1995. С. 151–239.
3. Матусевич, М. И. Современный русский язык. Фонетика: учеб. пособие. М., 1976. 288 с.
4. Рослова, Е. Ю. Просодическая организация ораторской речи (на материале литургической проповеди): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009. 24 с.
5. Русская грамматика. Том 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980. 784 с.
6. Труфанова, В. Я. Речевой портрет говорящего на фоне интонационной системы языка // Вопросы русского языкознания: Сб Вып. XI. Аспекты изучения звучащей речи: Сборник научных статей к юбилею Елены Андреевны Брызгуновой. М., 2004. С. 197–213.
7. Цеплитис, Л. К. Анализ речевой интонации. Рига, 1974.
- N. N. Rozanova // *Sovremennyj russkij jazyk. Social'naja i funkcional'naja differenciacii*. M., 1995. S. 151–239.
3. *Matusevich, M. I. Sovremennyj russkij jazyk. Fonetika: ucheb. posobie*. M., 1976. 288 s.
4. *Roslova, E. Ju. Prosodicheskaia organizacija oratorskoj rechi (na materiale liturgicheskoj propovedi): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. M., 2009. 24 s.
5. *Russkaja grammatika. Tom 1: Fonetika. Fonologija. Udarenie. Intonacija. Slovoobrazovanie. Morfologija / gl. red. N. Ju. Shvedova*. M., 1980. 784 s.
6. *Trufanova, V. Ja. Rechevoj portret govorjawego na fone intonacionnoj sistemy jazyka // Voprosy russkogo jazykoznanija: Sb Vyp. XI. Aspekty izuchenija zvuchawej rechi: Sbornik nauchnyh statej k jubileju Eleny Andreevny Bryzgunovoj*. M., 2004. S. 197–213.
7. *Ceplitis, L. K. Analiz rechevoj intonacii*. Riga, 1974.

**О НЕКОТОРЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ МИФАХ
В АМЕРИКАНСКОМ ПРЕЗИДЕНТСКОМ ДИСКУРСЕ**

Н. Д. Овчинникова

Данная статья затрагивает проблему мифологизации политического дискурса в целом и, в частности, американского президентского дискурса. На примере выступлений Дж. Буша рассматриваются языковые особенности мифов «они и мы» и героических мифов.

Ключевые слова: мифологизация, политические мифы, мифы «они и мы», героические мифы, аллюзия.

Воздействие на аудиторию и формирование у нее определенной оценки тех или иных событий и явлений действительности осуществляется посредством набора методов подсознательного стимулирования с помощью стандартизированных упрощенных представлений (стереотипов, имиджей, мифов, слухов), которые внедряются в речевой поток, вызывая в массовом сознании либо отрицательную, либо положительную реакцию на конкретное событие.

Традиционно под мифами понимают символический способ объяснения мироустройства, свойственный первобытному мистическому сознанию. Однако элементы мифологического мышления сохраняются и в современном массовом сознании [1].

Мифологический тип мышления как неотъемлемая часть сознания сохраняется во всех исторических периодах как на уровне коллективного, так и индивидуального сознания: «Мифологема отражает специфику общественного сознания, формируемого идеологией правящих слоев общества, и легко идеологизируется, превращаясь в идеологему» [3. С. 156]. В свою очередь идеологемы соотносятся с базовыми концептами, релевантными для конкретного общества в определенный период исторического развития. Политическое сознание также мифологично. Как правило, политические мифы, аккумулируя поверья, идеологию, ожидания, требования и ценности данного сообщества, основаны на эмоциях, а не на конкретных фактах. Они долговечны, поскольку не поддаются верификации и ревизии, и пользуются массовой поддержкой.

Идея национального мифа находит отражение в идеологиях, которые управляют сознанием людей и формируют национальное самосознание. Идеология выражает политику государства, поэтому политический миф должен отобразить тенденции, усилия и ожидания народа. Для американского сообщества характерно несколько групп политических мифов, наиболее важными из которых нам представляются мифы «они и мы» и героические мифы [2. С. 21].

Мифы «они и мы» (myths of “us and them”) могут расцениваться как вариант интерпретации окружающего мира в рамках категории «свой – чужой». Мифы этой группы уходят своими корнями в архаические пласты человеческой культуры и отражают биполярность восприятия реальности. Такие мифы присутствуют в сознании индивида в латентном состоянии и успешно используются в политической сфере. В качестве примера называется миф о таинственном враге. В исследуемом нами случае таким врагом является терроризм и все, кто каким-либо образом способствуют распространению террористических групп в мире. В анализируемом материале таким врагом является тоталитарный режим, терроризм и все, кто/что препятствует распространению демократии в мире.

Героические мифы (**heroic myths**) связаны с выдающимися личностями истории. С помощью средств массовой информации происходит мифологизация личности, ее превращение в архетип, мифологему. Мифы этого вида восходят к архаической вере, что все благоприятные явления связаны с высшим существом, богом или его воплощением в Герое.

Так, например, в истории США в зависимости от периода исторического развития выделяется несколько типов героев: человек религиозный, демократический, экономический и гуманный [3. С. 134–150].

Основная цель существования религиозного человека заключалась в спасении души. Архетип религиозного человека сменился новым символом – человеком демократическим, для которого основную ценность составляет политическая свобода. На смену религиозному и демократическому человеку приходит новое понимание и идеализация человека экономического, который борется с внешним врагом за сохранение своего благосостояния. Продуктом следующего периода становится человек гуманный, который требует гуманизации всего, что его окружает. Человек гуманный жаждет полного освобождения тела и духа от зла и проблем негуманного общества.

Миф о Герое, борющемся с силами Зла, наиболее ярко представлен в выступлениях Дж. Буша, для которого он является собирательным образом, аккумулирующим основные черты героев американского общества за всю его историю. Посланник Бога, президент считает себя (свой народ и в меньшей степени союзников) его орудием и следит за соблюдением мира и порядка на земле:

– *Freedom is the gift of God and the gift of all mankind...all who live in tyranny and all who yearn for freedom place their hopes in the United States of America...* (G.B. - 04.07.03).

Проявлением мифологичности политического дискурса считается также обращение к символам [4]. Символы являются частью освещаемых событий. Они выражают отношение говорящего к явлениям действительности и объектам оценки и, следовательно, несут на себе положительную или отрицательную смысловую нагрузку. В случае отрицательной оценки ораторами создаются политические ярлыки, которые частично или полностью отражают политическую идею своего времени и используются в речах с целью оказания давления на аудиторию и формирования общественно-политического мнения.

Наряду с мифами, символами и стереотипами, президентская риторическая традиция в США характеризуется, в частности, использованием реминисценций, ссылок на Библию, использованием прямых или косвенных цитат. Выражаемая в публичном выступлении уверенность президента в том, что судьба страны находится во власти Всевышнего, делает политический дискурс более эффективным средством воздействия на сознание американской нации.

В анализируемых выступлениях президента США представляется возможным выделить несколько групп ссылок:

- 1) прямое упоминание или обращение к Богу;
- 2) цитирование Библии;
- 3) проведение аналогий.

Обращение к Богу за поддержкой является характерным для периода проведения военной операции в Ираке. Первая группа охватывает все выступления, в которых есть прямое упоминание Бога. Так, президент Д.Буш заканчивает все выступления обозначенного периода обращением к Богу за благословением и поддержкой:

– *I pray for God's comfort and God's healing powers to anybody, coalition force, American, Brit, anybody who loses a life in this-in our efforts to make the world more peaceful and more free* (G.B. – 23.03.03);

– *May God continue to bless the United States of America, and long live a free Iraq* (G.B. – 28.04.03).

Подобные ссылки политика имеют, скорее, стратегическое значение и являются важным элементом публичного общения, завоевания новых сторонников и удержания старых, т.к. «поддержка свыше» - это весомый аргумент в американском обществе.

Вторую группу ссылок составляют цитаты из Библии. Они, в свою очередь, делятся на прямые/дословные и не прямые/претерпевшие некоторую интерпретацию. Ярким примером прямой цитации является следующий отрывок, обращенный к военным США:

– *Wherever you go, carry a message of hope – a message that is ancient and ever new. In the words of the prophet Isaiah, “To the captives, ‘come out,’ – and to those in darkness, ‘be free’”* (G.B. – 01.05.03).

Однако гораздо чаще встречаются ссылки на Библию, претерпевшие небольшую авторскую интерпретацию:

– *The greatest strength of America is the hearts and souls of our fellow citizens, those of you who are willing to mentor a child, those of you who are willing to feed the hungry, or find shelter for the homeless, those of you who are willing to love your neighbour just like you’d like to be loved yourselves* (G.B. – 18.06.04).

Выступающий проводит параллель с основными христианскими добродетелями: помощь всем нуждающимся и любовь к ближнему.

И последнюю, третью, группу составляют ссылки – аналогии. С их помощью Буш заявляет об избранности свыше своего народа как носителя идей справедливости и свободы. Следовательно, все действия коалиции должны быть выше всякой критики и восприниматься как должное:

– *We are committed to the God-given worth of every life, we carry out this mission... work for human dignity. We protect our friends* (G.B. – 03.04.03).

Таким образом, мифологизированность/мифологизация дискурса проявляется в концептуальной и логико-семантической организации текста: в способе развертывания микро- и макротем, в характере семантических отношений между элементами текста, в специфике референции, что ярко и наглядно представляет позицию выступающего. Формирование определенных стереотипных представлений у адресата способствует однозначной интерпретации ситуации и одновременно оказывается одним из эффективных способов оценки событий и их участников.

Список литературы

1. «Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия» восьмое издание, электронная версия, 2004.
2. Крячков, Д. А. Языковой афоризм как средство репрезентации говорящего в американском политическом дискурсе : дис. ... к.ф.н. М., 2002. 287 с.
3. Питина, С. А. Концепты мифологического мышления как составляющая концептосферы национальной картины мира. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2002. 191 с.
4. Lasswell, H. D. **The comparative study of symbols.** Stanford: Stanford Univ.press, 1952. V. 87 p.

Список источников

1. President Says Saddam Hussein Must Leave Iraq Within 48 Hours (17/03/03)
2. President Discusses Military Operation (23/03/03)
3. President Discusses Operation Iraqi Freedom at Camp Lejeune (03/04/03)
4. President Discusses the Future of Iraq (28/04/03)
5. President Bush Announces Major Combat Operations in Iraq Have Ended(01/05/03)
6. President's Radio Address (18/06/03)
7. President Bush Honors Military in Fourth of July Speech (04/07/03)

List of literature

1. «Bol'shaja jenciklopedija Kirilla i Mefodija» vos'moe izdanie, jelektronnaja versija, 2004.
2. Krjachkov, D. A. Jazykovoј aforizm kak sredstvo reprezentacii govorjawego v amerikanskom politicheskom diskurse : dis. ... k.f.n. M., 2002. 287 s.
3. Pitina, S. A. Koncepty mifologicheskogo myshlenija kak sostavljajuwaja konceptosfery nacional'noj kartiny mira. Cheljabinsk: Cheljab. gos. un-t, 2002. 191 s.
4. Lasswell, H. D. **The comparative study of symbols.** Stanford: Stanford Univ.press, 1952. V. 87 p.

Cited references

1. President Says Saddam Hussein Must Leave Iraq Within 48 Hours (17/03/03)
2. President Discusses Military Operation (23/03/03)
3. President Discusses Operation Iraqi Freedom at Camp Lejeune (03/04/03)
4. President Discusses the Future of Iraq (28/04/03)
5. President Bush Announces Major Combat Operations in Iraq Have Ended(01/05/03)
6. President's Radio Address (18/06/03)
7. President Bush Honors Military in Fourth of July Speech (04/07/03)

ЯЗЫК СМИ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ НАИМЕНОВАНИЙ ЛИЦ ПО ПРОФЕССИИ В СМИ

А. Ю. Епимахова

Настоящая статья посвящена анализу функционирования наименований лиц по профессии в языке СМИ. Язык СМИ, как социальное явление, оказывает воздействие на человека, мотивирует его к различного рода поведению, манипулируя его сознанием. Средства массовой информации – транслятор взглядов и идей, которые являются средством самореализации человека.

Ключевые слова: СМИ, наименование лиц по профессии, манипулирование.

Средства массовой коммуникации «являются одним из важнейших общественных институтов, оказывающих решающее влияние на формирование не только взглядов, представлений общества, но и норм поведения его членов, в том числе и речевого поведения. Это мощный инструмент воздействия на аудиторию и средство манипуляции общественным сознанием» [4. С. 13].

Язык СМИ оказывает воздействие на социальные, экономические, культурные стороны жизни, манипулирует общественным сознанием людей посредством языка.

Е. С. Кубряковой в своей работе отметила специфику дискурсивной деятельности в условиях массовой коммуникации, которая предполагает и заранее планирует реакцию адресата, сознательно искажая информацию, свидетельствуя о становлении новой функции самого языка – функции управления поведением огромных массивов людей и манипулирования их сознанием [5. С. 61–62].

Язык СМИ, как социальное явление, оказывает воздействие на человека, мотивирует его к различного рода поведению, заставляет «играть» по общепринятым правилам, манипулируя его сознанием. Человеку необходимо, чтобы обществу было известно о его взглядах, мнениях, позиции по тому или иному вопросу. Средства мас-

совой информации – транслятор взглядов, идей и мнений, которые являются средством самореализации человека.

В формировании статуса человека участвуют многие факторы: его профессия, положение в обществе, социальный статус, уровень образования, интеллект, его компетентность в узкопрофессиональной области и общая эрудиция. В наименованиях лиц по профессии в обобщенном виде содержится информация о профессиональном уровне человека, его профессиональной деятельности, социальном статусе. Специальное наименование как когнитивно-коммуникативная единица знаковой природы не только «задает программу деятельности и поведения» [4. С. 35] участникам профессиональной коммуникации, но и в результате оценочной категоризации данного наименования со стороны общества является средством самопрезентации человека. Общество уважает мнение людей престижных профессий, прислушивается к их советам, принимает во внимание аргументы, считая их авторитетными источниками информации: «... по словам экспертов в области рекрутинга, компьютерщики входят в число самых дефицитных профессионалов..., по словам эксперта в области строительной акустики Юргена Райнгольда, первое впечатление от Большого театра у него было – восхищение и шок одновременно...» [www.inopressa.ru].

Все наименования лиц по профессии образуют единую категорию и отражают совокупность представлений о профессиональных областях деятельности. Наименования лиц по роду деятельности имеют прямое отношение к терминологической системе русского языка. Специфика этих наименований, куда входят наименования лиц по профессии и примыкающие к ним наименования лиц по специальности, должности, званию (чину) и занятию, состоит в том, что они включены в профессиональную деятельность, используются в специальных сферах общения. При этом немалая часть этого корпуса лексических единиц активно функционирует в общелитературном языке, в языке СМИ.

Принадлежность наименований лиц по профессии к терминологическим системам языка определяет особенности их межъязыкового перехода, особенности появления данных единиц в языке СМИ. Остановимся на специфике терминологических единиц.

Термин является важнейшим элементом мыслительной деятельности человека. К наиболее важным когнитивным свойствам термина относятся: его способность выражать специальное понятие,

наличие в большинстве случаев дефиниции, системность, семантическая целостность, относительная контекстуальная независимость и конвенциональная природа.

Подобные признаки и свойства термина можно встретить в определениях многих лингвистов-терминоведов. В. Д. Табанакова рассматривает термин как знак, служащий для выражения специального понятия и отражения места этого понятия в соответствующей системе понятий [7. С. 30–31].

Условия коллективной договоренности отличают термины от нетерминов. На такое свойство обращает внимание А. В. Лемов: «термин – это языковая единица (слово или словосочетание), <...> конвенционально соотносящаяся с понятием и предметом профессиональной сферы» [6. С. 77].

Специфика терминов как номинативных знаков заключается в том, что они создаются для обозначения предметов, явлений, отношений, коммуникативно и когнитивно значимых лишь в особом семиотическом пространстве – пространстве той или иной профессиональной деятельности. В таком понимании термина мы опираемся на определение Б. Н. Головина: «термин имеет профессиональное значение, выражает и формирует профессиональное понятие, которое применяется в процессе (и для) познания и освоения некоторого круга объектов и отношений между ними – под углом зрения определенной профессии» [1. С. 264]. Только в рамках профессиональной сферы термины обладают системностью, проявляют свои конститутивные ориентирующие свойства и выполняют множество возложенных на них функций.

Свойство системности не позволяет стихийному появлению и функционированию наименований лиц по профессии в языке, будь то профессиональная его сторона, литературная или язык средств массовой коммуникации. Любая терминосистема, как известно, обладает высоким уровнем структурированности, терминообразования в целом носят регулярный характер. Заимствование элементов, как способ терминообразования, происходит строго организовано, и последующее функционирование языковых единиц подчиняется строгой организации (более подробно см. [3. С. 9]).

Наименования лиц по профессии наделены терминологическим статусом, в силу выражения специальных понятий. Выражая специальное понятие, термин становится носителем и хранителем фрагмента информации, носителем специального знания, которое фикс-

сируется в концептуальном (понятийном) представлении носителей языка и вводится в языковое сознание [8. С. 134].

Прагматическая ценность терминологической информации заключается в ее способности определенным образом влиять на поведение человека и его способ мышления [там же]. Таким образом, статус человека и его профессия оказывает влияние на поведение людей и их отношение.

В СМИ привлекаются мнения и комментарии людей наиболее востребованных профессий в современном обществе. С переходом на торгово-рыночные отношения прислушиваются к мнению экспертов, логистов, бренд-менеджеров, **PR-специалистов** и т.п. Подобные наименования интеллектуализированы, содержат положительную характеристику, что способствует лучшему восприятию информации, которая транслируется их обладателями.

Список литературы

1. Головин, Б. Н. Терминология // Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание. М., 1979. С. 264–268.
2. Дридзе, Т. М. Прогнозное социальное проектирование как этап управленческого цикла: от жизненных ресурсов человека к социальным ресурсам общества // Прогнозное социальное проектирование: теоретико-методологические и методические проблемы. М. : Наука, 1994.
3. Епимахова, А. Ю. Межязыковое заимствование наименований лиц по профессии в когнитивно-коммуникативном аспекте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2010. 23 с.
4. Кормилицына, М. А. некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы

List of literature

1. Golovin, B. N. Terminologija // Berezin F. M., Golovin B. N. Obwee jazykoznanie. M., 1979. S. 264–268.
2. Dridze, T. M. Prognoznoe social'noe proektirovanie kak jetap upravlencheskogo cikla: ot zhiznennyh resursov cheloveka k social'nym resursam obwestva // Prognoznoe social'noe proektirovanie: teoretiko-metodologicheskie i metodicheskie problemy. M. : Nauka, 1994.
3. Epimahova, A. Ju. Mezh#jazykovoe zaimstvovanie naimenovanij lic po professii v kognitivno-kommunikativnom aspekte : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Cheljabinsk, 2010. 23 s.
4. Kormilicyna, M. A. nekotorye itogi issledovanija processov, proishodjawih v jazyke sovremennyh gazet // Problemy

- речевой коммуникации. Вып. 8. Саратов, 2008.
5. Кубрякова Е.С. О разных подходах к изучению СМИ // Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования: тезисы докладов Международной научной конференции, Москва, филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. М. : 2001. С. 61–62.
6. Лемов, А. В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2000. 192с.
7. Табанакова, В. Д. Идеографическое описание научной терминологии. Тюмень : Тюменский гос. ун-т, 1999. 189с.
8. Язык средств массовой информации : учеб. пособие для вузов / Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Филолог. фак. ; под ред. М. Н. Володиной. М. : Академический Проект : Альма Матер, 2008. 758 с.
- rechevoj komunikaciji. Vyp. 8. Saratov, 2008.
5. Kubrjakova E.S. O raznyh podhodah k izucheniju SMI // Jazyk massovoj informacii kak ob#ekt mezhdisciplinarnogo issledovanija: tezisy dokladov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Moskva, filologicheskij fakul'tet MGU im. M.V. Lomonosova. M. : 2001. S. 61–62.
6. Lemov, A. V. Sistema, struktura i funkcionirovanie nauchnogo termina (na materiale russkoj lingvisticheskoj terminologii). Saransk : Izd-vo Mordov. un-ta, 2000. 192s.
7. Tabanakova, V. D. Ideograficheskoe opisanie nauchnoj terminologii. Tjumen' : Tjumenskij gos. un-t, 1999. 189s.
8. Jazyk sredstv massovoj informacii : ucheb. posobie dlja vuzov / Mosk. gos. un-t im. M. V. Lomonosova, Filolog. fak. ; pod red. M. N. Volodinoj. M. : Akademicheskij Proekt : Al'ma Mater, 2008. 758 s.

**ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПЕРИФРАЗЫ
В РЕЧЕВОМ ЖАНРЕ
ГАЗЕТНОГО СПОРТИВНОГО РЕПОРТАЖА**

Н. А. Пром

В статье рассматривается функциональный спектр перифразы в стилистике спортивного репортажа в газете. Автор акцентирует внимание на прагматическом потенциале данной стилистической фигуры, сопровождая положения статьи примерами из российских и немецких газет и комментариями к ним.

Ключевые слова: стилистическая фигура, перифраза, стилистическая функция, спортивный репортаж.

Репортаж является популярным жанром в газетной рубрике «Спорт» и спортивно-ориентированной прессе. Эмоционально окрашенный стиль повествования, который достигается использованием различных стилистических приемов, придает репортажу дополнительную убедительность и привлекает внимание читателей. Одним из таких средств является перифраза, под которой мы понимаем описательный оборот, употребляемый вместо какого-либо слова или словосочетания [1. С. 144]. Как известно, большинство стилистических фигур тесно связаны друг с другом разными типами отношений, поэтому целесообразно проследить источники перифраз.

По характеру номинации перифразы принято разделять на образные и логические. Первую группу составляют перифразы, в основе которых лежит переносное значение. Метафорический перенос можно пояснить через сравнение: *питерская звезда* [Аршавин как звезда], дуэль [→ серия послематчевых буллитных бросков как дуэль], Niederlage (поражение) [→ проигрыш как поражение], Mutterland des Beachvolleyballs (родина пляжного волейбола) [→ Бразилия как родина пляжного волейбола].

Метонимический перенос объясняется путем развертывания: выиграть воздух [→ принять летящий в воздухе мяч на голову]; ... российская биатлонистка вновь на верхней ступени пьедестала [→ на ступени победителя → победитель]. По сути, все случаи ме-

талепсиса расцениваются как перифразы. Например, металепсис по результату действия: Philipp Lahm schießt Deutschland ins EM-Finale (футбол) [20]. – Филипп Лам забивает Германию в финал Чемпионата Европы [→ забивает гол в пользу сборной команды Германии → сборная выигрывает матч → сборная Германии выходит в финал ЧЕ] [Здесь и далее перевод наш – Н.П.] .

Логические перифразы развертке не поддаются: Матерому специалисту по стрельбе [→ тренеру] понятно: «Молли» не промахнется (биатлон) [5]. Waske lieferte dem ehemaligen Weltranglistenersten aus Rußland bei dessen 7:5, 4:6, 6:3-Erfolg aber einen harten Kampf (теннис) [22]. – Васке отдал бывшему первому в мировом списке русскому [→ Николаю Давыденко] победу при счете 7:5, 4:6, 6:3, но в напряженной борьбе.

Объектами перифразирования в текстах спортивного репортажа чаще всего становятся компоненты соревновательного процесса [11. С. 132], к которым, в первую очередь, относятся непосредственные участники соревнований:

а) спортсмены: die beiden charismatischen Hünen aus Kiew – оба харизматичных богатыря из Киева [→ братья Кличко] (бокс) [19]. Der Sammler von Elvis-Presley-Platten, der nicht zu den Lautsprechern seiner Truppe zählt, sagt nur... (хоккей) [16]. – Коллекционер пластинок Элвиса Пресли, которого не причислишь к громкоговорителям своего войска [→ вратарь Гордон], говорит ... ;

б) команда: клуб с берега Невы [→ «Зенит»]. Das Team von Trainer-Opa Luis Aragones (69) ist ballsicher (футбол) [23]. – Команда дедушки-тренера Луиса Арагонеса (69) [→ сборная команда Испании] уверенно владеет мячом;

в) тренеры: наставник красно-синих [→ Валерий Газзаев]. Der holländische Trainer der Russen schickt seine Holländer nach Hause (футбол) [18]. – Голландский тренер русских [→ Гус Хиддинг] посылает своих голландцев домой.

Процессы, происходящие во время состязаний, также не всегда передаются через прямую номинацию. Таковыми являются:

– забивание голов в командных видах спорта: В заключительной трети матча шансов у хозяев увеличить преимущество [→ забить гол] больше, чем у гостей сократить разрыв в счете [→ забить гол] (хоккей) [10]. Erst in der 86. Minute schaffte van Nistelrooy den Ausgleich (футбол) [18]. – Только на 86-й минуте ван Нистелрой выровнял счет [→ забил гол]. ... sorgte Pawljutschenko ... für die überfällige Führung

der Russen (футбол) [18]. – ... Павлюченко позаботился ... о давно назревшем преимуществе русских [→ забил гол];

– удар по воротам: In der 95. Minute prüfte Antonio Di Natale den spanischen Keeper Iker Casillas (футбол) [24]. – На 95-й минуте Антонио Ди Наталь проверил испанского вратаря Касилласа на прочность [→ ударил по воротам];

– выигрыш: Особого желания решить судьбу полуфинальной серии [→ выиграть] уже в первом периоде хозяева не проявляют (хоккей) [14]. В гонке преследования у женщин три лучшие спортсменки – Хенкель, Юрьева и Ахатова – вновь преодолели путь от старта до медали чисто [→ ни разу не промахнулись] (биатлон) [5]. Der Gerolsteiner-Profi wiederholte seinen Triumph aus dem Vorjahr (велоспорт) [26]. – Профи герольштайнец повторил свой триумф прошлого года [→ выиграл];

– проигрыш: бразильцы с пьедестала уже смещены [→ проиграли], «Локомотив» вновь не смог прервать безвыигрышную серию [→ проиграл] (хоккей) [6];

– вид спорта: Самая молодая из биатлонных дисциплин [→ смешанная эстафета в биатлоне] по-прежнему находится в процессе поиска своего места в программе чемпионатов мира (биатлон) [3].

Топонимы – классический объект перефразирования: столица Сибири [→ Новосибирск], Северная столица [→ Санкт-Петербург], город-мечта великого комбинатора [→ Рио-де-Жанейро], die Ferrari-Heimat – родина Феррари [→ Италия], Europas Osten – Восток Европы [→ Россия]. Ein verdienter Sieg der Stars aus unserem Lieblings-Urlaubsland (футбол) [23]. – Заслуженная победа звезд из нашей любимой страны для отдыха [→ Турции].

В русском блоке выявлены единицы, которые нельзя отнести ни к одной другой группе: холодное время года [→ зима]. Четвероногий друг [→ собака] ... побродил вокруг зенитовцев ... (футбол) [9]. ... автор этих строк ... почти не сомневался ... (футбол) [12]. «Люди в галстуках» [→ чиновники] по-настоящему болеть не умели (хоккей) [10] и традиционный пример эвфемистической перифразы: Данни отдает пас Аршавину, Андрей возвращает португальцу, который усаживает на пятую точку Видича (футбол) [13].

В стилистике подробно обсуждены вопросы структуры перифразы (простые и сложные, двухсловные и трехсловные, субстантивные и глагольные), степени номинативной адекватности перифрастических единиц (точные, неточные), степени их освоенности (речевые,

языковые) [7. С. 195]. Для нашей работы, выполненной в прагматическом направлении, наибольший интерес представляет функциональный аспект, которому в исследованиях ученых также уделяется немалое внимание. Рассмотрим функции перифразы с учетом специфики нашей работы.

Метафорические и метонимические перифразы выполняют, в первую очередь, декоративную функцию: Но забивает Вагнер. Бразильская «грядка» [→ ряд бразильских болельщиков → бразильские болельщики] тут же вскакивает со своих мест (футбол) [9]. Функционирование единиц с переносными значениями подробно обсуждено нами во втором параграфе данной главы. В спортивном репортаже, где приводится описание повторяющихся действий, журналисту приходится проявлять особую изобретательность, чтобы избежать тавтологии. В этом ему помогает перифраза, выступающая в синонимической функции: Бразилец мог еще дважды распечатать ворота Жевнова, но проиграл и эти две дуэли голкиперу «горожан» [→ Жевнову]. Вратарь сборной Белоруссии [→ Жевнов] вообще вчера был в ударе (футбол) [8]. При освещении баскетбольного матча репортер использует следующие синонимы для выражения «забросить мяч в корзину»: Счет открыли французы на первой минуте, разыграв численное большинство. Спартакowцы уже в следующей атаке после броска Рекечинского отыгрались, и равный счет держался следующие 3 минуты. Затем Янович вновь выводит хозяев вперед, но почти тут же Халтурин счет опять сравнивает – 2:2 [4].

Эвфемистические перифразы употребляются с целью завуалирования смысла, сглаживания недостатков игроков, низкой результативности и др.: In Augusta benutzen noch zwei weitere Major-Sieger dieses ungewöhnliche Gerät (гольф) [21]. – В Аугусте это необычное приспособление [→ клюшка для гольфа со слишком длинной, по мнению репортера, ручкой] использовали еще два основных победителя.

Реализацию игровой функции проследим в следующем примере: «Химкам» удается забить еще. ... Спартакowцы протестуют: убеждают Егорова [судья] в том, что был фол в нападении. Особенно усердствует Моцарт [итальянский футболист, играющий в составе «Спартакa»]. Интервью на русском языке он давать пока отказывается, зато Егорова неприятно удивляет богатым словарным запасом (футбол) [9]. Намек в данном случае на то, что иностранцы в России в первую очередь овладевают нецензурной лексикой. Языковая игра, эксплицированная антифразисом богатый словарный запас (двус-

мысленной перифразой, суть которой – в употреблении противоположного тому, что думается), в этом примере для читателя значительно важнее, чем сущность довольно ординарного в современном спорте происшествия.

Перифразы, содержащие намек, в газете способствуют созданию непринужденно-разговорной тональности и иронического эффекта: «Ich weiß genau, daß einige hoffen, wir würden in Malaysia nicht so gut sein wie in Australien, ... aber ich fürchte, ich werde sie enttäuschen müssen» (Формула 1) [17]. – «Я знаю точно, некоторые надеются, что мы в Малайзии будем не так хороши, как в Австралии, ... но боюсь, мне придется их разочаровать». Реализация указанного потенциала перифраз способствует актуализации эмфатической функции текста.

Необразные перифразы выполняют смысловую или пояснительную функцию. Внося дополнительный смысл, автор имеет возможность точнее выразить мысль: Im selben Interview hatte der elegante Italiener bedauert, dass Abramowitsch, Chelseas milliardenschwerer Besitzer aus Russland, «überhaupt keine Ahnung von Fußball» habe (футбол) [25]. – В том интервью эlegantный итальянец [→ тренер Раньери] сожалел, что Абрамович, миллиардер, владелец «Челси» из России «вообще не имеет представления о футболе».

Оценочная функция, как показывает исследование, свойственна большинству стилистических фигур, выявленных в газетном спортивном репортаже, и в перифразе в частности: Легендарный армеец [→ Вячеслав Фетисов] набрал 49 очков в чемпионате (хоккей) [10]. 32-летний уроженец 90-тысячного наукограда Канаты [→ вратарь команды «Магнитка» канадец Трэвис Скотт], что в канадской провинции Онтарио, в 14 милях западнее Оттавы, против 19-летнего парня из города-миллионника Самары [→ вратарь команды «Локомотив» Семен Варламов] (хоккей) [10]. Самый титулованный в смешанных эстафетах биатлонист (двукратный чемпион мира) [→ Николай Круглов] так вдруг проваливается (биатлон) [3]. Удлиненная конструкция перифразы в этом примере используется как средство создания большего не столько положительного, сколько отрицательного оценочного эффекта, поскольку за ней следует информация о крайне неудачном выступлении спортсмена. In Wimbledon bezwang er ... im Finale auch Federer, den «Unbesiegbaren» (теннис) [15]. – На Уимблдоне он [Рафаэль Надаль] победил Федерера, «Непобедимого».

Иногда перифразы выполняют усилительную функцию с целью подчеркнуть те или иные особенности человека, предмета, явления:

Нашу пару очень многие хотели подвинуть [→ победить]. Столкнуть Хохлову с Новицким с пьедестала [→ победить] помешало падение американцев в обязательной программе (фигурное катание) [2].

Таким образом, перифраза выступает важным стилистическим средством журналиста при создании экспрессивности текста спортивного репортажа, реализации которой способствуют эстетическая, пояснительная, оценочная, эмфатическая и усилительная функции.

Список литературы

1. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка. М. : Айрис-пресс, 2007.
2. Блестящая «ночь» Хохловой и Новицкого // Советский спорт. 24.03.2008.
3. Все смешалось! // Советский спорт. 13.02.2008.
4. До четвертьфинала полшага // Советский спорт. 13.02.2008.
5. Королева! // Советский спорт. 15.02.2008.
6. Летом «Локо» не катит? // Советский спорт. 24.07.2008.
7. Москвин В.П. Стилистика русского языка.– Ростов н/Д: Феникс, 2006.
8. Не день Вагнера // Спорт-экспресс. 21.07.2008.
9. О, деревянный парень Жо! // Советский спорт. 31.03.2008.
10. Охота на чемпиона // Советский спорт. 24.03.2008.
11. Пром Н. А. Современный газетный спортивный репортаж: жанрово-стилистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Волгогр. гос. пед. ун-т, 2011.
12. Семь россиян на «Петровском» // Спорт-экспресс. 15.02.2008.

List of literature

1. Golub, I. B. Stilistika russkogo jazyka. M. : Ajris-press, 2007.
2. Blestjajawa «noch» Hohlovoj i Novickogo // Sovetskij sport. 24.03.2008.
3. Vse smeshalos! // Sovetskij sport. 13.02.2008.
4. Do четvert'finala polshaga // Sovetskij sport. 13.02.2008.
5. Koroleva! // Sovetskij sport. 15.02.2008.
6. Letom «Loko» ne katit? // Sovetskij sport. 24.07.2008.
7. Moskvin V.P. Stilistika russkogo jazyka.– Rostov n/D: Feniks, 2006.
8. Ne den' Vagnera // Sport-jekspress. 21.07.2008.
9. O, derevjannyj paren' Zho! // Sovetskij sport. 31.03.2008.
10. Ohota na chempiona // Sovetskij sport. 24.03.2008.
11. Prom N. A. Sovremennyj gazetnyj sportivnyj reportazh: zhanrovo-stilisticheskij aspekt: dis. ... kand. filol. nauk. – Volgogr. gos. ped. un-t, 2011.
12. Sem' rossijan na «Petrovskom» // Sport-jekspress. 15.02.2008.

13. Теперь сам черт не страшен! // Советский спорт. 30.08.2008.
14. Хоккейный Бог все видел! // Советский спорт. 28.03.2008.
15. Der König ist tot // Zeit. 7.07.2008.
16. Der Torwart mit den tausend Händen // FAZ. 19.03.2004.
17. Eine Hoffnung bleibt: Ferrari verschwitzt das Rennen // Frankfurter Allgemeine Zeitung (далее – FAZ). 18.03.2004.
18. Holland-Russland 1:3 n.v. Hiddink wirft seine Holländer raus // Bild. 22.06.2008.
19. Klitschko zwingt Weltmeister Peter zur Aufgabe // Welt. 12.10.2008.
20. Philipp Lahm schießt Deutschland ins EM-Finale // Welt. 26.06.2008.
21. Psychogriff und Besenstiel bringen nicht nur Spott // FAZ. 7.04.2001.
22. Rainer Schüttler kämpft sich ins Viertelfinale // FAZ. 2.05.2003.
23. Russland – Spanien 0:3 Traumtore, olé! // Bild. 27.06.2008.
24. Spanien schaltet Weltmeister Italien aus // Welt. 23.06.2008.
25. Wechselei ins Chaos // Süddeutsche Zeitung. 22.04.2004.
26. Wegmann wird Meister und fährt nach Peking // Welt. 30.06.2008.
13. Teper' sam chert ne strashen! // Sovetskij sport. 30.08.2008.
14. Hokkejnij Bog vse videl! // Sovetskij sport. 28.03.2008.
15. Der König ist tot // Zeit. 7.07.2008.
16. Der Torwart mit den tausend Händen // FAZ. 19.03.2004.
17. Eine Hoffnung bleibt: Ferrari verschwitzt das Rennen // Frankfurter Allgemeine Zeitung (dalee – FAZ). 18.03.2004.
18. Holland-Russland 1:3 n.v. Hiddink wirft seine Holländer raus // Bild. 22.06.2008.
19. Klitschko zwingt Weltmeister Peter zur Aufgabe // Welt. 12.10.2008.
20. Philipp Lahm schießt Deutschland ins EM-Finale // Welt. 26.06.2008.
21. Psychogriff und Besenstiel bringen nicht nur Spott // FAZ. 7.04.2001.
22. Rainer Schüttler kämpft sich ins Viertelfinale // FAZ. 2.05.2003.
23. Russland – Spanien 0:3 Traumtore, olé! // Bild. 27.06.2008.
24. Spanien schaltet Weltmeister Italien aus // Welt. 23.06.2008.
25. Wechselei ins Chaos // Süddeutsche Zeitung. 22.04.2004.
26. Wegmann wird Meister und fährt nach Peking // Welt. 30.06.2008.

ЛИНГВИСТИКА И ПЕРЕВОД

A MODEL FOR TRANSLATION QUALITY ASSESSMENT

The case of Whitman's Translation into Albanian

Alketa Pema

Despite increased interest within translation studies to provide orientation for translation quality assessment (TQA), academic efforts in this area are still largely ignored. The purpose of this paper is to investigate why scientific models for evaluating poetic translations are difficult to apply and to outline a number of ways in which the gap between theoretical approaches and practical needs may be negotiated. Following a critical analysis of some TQA models, the paper suggests that a reductionist view of poetic translations as products and a neglect of the conditions under which translations are produced ultimately result in evaluation criteria which cannot account for the individuality of target poems. An examination of an actual instance of Whitman's poetry translated into Albanian demonstrates that the translation process is guided by case-specific values. These values, as well as the strategies employed to realize them, are set and agreed by the interested parties during the translation process. In order to judge the quality of a poetic translation, the values should be made accessible to the evaluator and operationalized as evaluation parameters. Because the application of evaluation parameters depends on situational and individual factors, translation quality is ultimately a matter of agreement and consensus, and especially the judgment of poetical translations is a matter of communication, co-operation and consent.

Keywords: TQA, poetic translation, evaluation parameters.

The growing importance of translating and translations in a globalized world has turned translation quality and translation quality assessment into topics of public interest, but they are also certainly topics which are addressed in translation research. In his outline of translation studies as an independent discipline, James Holmes (1988: 78) defined translation quality assessment as part of translation criticism, a branch of applied translation studies. Like many translation scholars before and after him, Holmes saw the main task of translation criticism as improv-

ing what he perceived to be a generally arbitrary and subjective evaluation practice.

However despite the increased interest in evaluation among translation scholars, especially since the mid 1990's, academic approaches to translation quality assessment are still widely criticized by both translation theorists and practitioners for avoiding the subject of quality and for neglecting the requirements of various evaluation scenarios.

Models of Translation Quality Assessment (TQA)

Translation scholars have tried to improve practical translation quality assessment by developing models which allow for inter subjective judgment. They hoped to achieve this by building their models on scientific theories of translation, which can provide a yardstick, and by introducing a systematic procedure for evaluation. I will discuss the practical applicability of some models in terms of evaluation parameters and procedures.

a) Equivalence-based approaches

Equivalence has been a central concept in translation studies, especially in early translation theory. Equivalence-based approaches view translation as the attempt to reduce the source text as closely as possible. Because the target text can never be equivalent to the source text on all levels, researchers have distinguished different types of equivalence, for example formal and dynamic or formal equivalence (Nida 1964); and denotative, connotative, pragmatic, textual and formal-aesthetic equivalence (Koller 1997).

The German translation scholar Katherina Reiss (1971) introduced one of the first systematic approaches to translation quality assessment. Reiss defines translating as “a bipolar procedure aiming at producing a target text while constantly referring back to the source text.” Translating means finding equivalents for source text items in the target language at the level of text and individual text units. A translation is deemed good if it achieves optimum equivalence, that is if “considering the linguistic and situational context, the linguistic and stylistic level and the intention of the author, target text units have the same ‘value’ as the unit in the source language”. She analyses both texts by using the categories of a) text type (the main function of language in a text, b) linguistic instructions (semantics, grammatical and linguistic properties of the source text, and c) extra-linguistic determinants (the impact of contextual factors or verbalization strategies. She studies both the evaluation and translation processes and by merging them together, the evaluator assumes the translator's role and accounts for the complex linguistic and situational factors that condition translation solutions. Reiss proposes an evaluation proce-

ture that involves two steps: (1) analysis of the TT in order to evaluate the appropriateness of target language use, and (2) comparison of source and target texts based on the analysis of both texts, so asking to establish the degree of equivalence between them.

However, in terms of practical application, Reiss's approach suffers from vagueness of 'optimum equivalence'. She needs to practice the definitions of 'optimum equivalence'. Optimum equivalence will be achieved if the translator is able to choose the appropriate word or phrase from the dictionary by applying the process-governing rules. In addition, Reiss's model cannot be applied to all texts which, in practice, are considered translations. Reiss herself points out that her approach is not appropriate to translations that her approach is not applicable to translations that serve other functions than providing an equivalent reproduction of the source text, or to translations that address a different audience in the target culture. According to her these TTs no longer constitute translations, but are "transfers".

For Juliane House (1977), translating is a linguistic procedure aiming at the replacement of a text in the source language by a semantically and pragmatically equivalent text in the target language, i.e. at functional equivalence on the text level. She defines function as "the application or use which the text has in the particular context or situation" for the purpose of translation quality assessment, function is further divided into a) primary level, b) secondary level function. In primary level, the text must reproduce the function of the source text, whereas in the secondary level function means to allow the target reader access to the function of the original. Functional equivalence serves as the yardstick for a "good", or "appropriate translation". It is made operational by two parameters, genre and register. The evaluation procedure consists of: 1) establishing a 'source text profile', 2) establishing the function of the source text, 3) comparing source text profile with the target text, 4) providing a statement of quality that lists, in addition to errors, the motives and mistakes along the parameters of genre and register, and comments on the translation strategies.

House, like Reiss, tries to link context, text and word level through the concept of text function. Unlike Reiss, House specifies text function as a semantic pragmatic category which can be identified by such linguistic properties of texts as theme structure. House herself does not consider her approach to be evaluative in the sense of providing prescriptive judgments. She characterizes it as "preparing the ground for the analysis of a large number of evaluation cases", and "a basis for judgment". According to her,

judgment depends on social factors, but these factors are not and should not be accounted for in a model of translation quality assessment.

Van den Broeck's model of quality assessment (1985), focuses on literary translation and aims to establish the degree of 'factual equivalence' between source and target texts, that is the degree to which the two texts can be related to each other along "functionally relevant features". Van den Broeck proposes the concept of "adequate translation", i.e. the "hypothetical reconstruction of the textual relations and functions of the source text" as the yardstick and parameters for the comparison of source and target texts. Textual relations and functions can be related with any aspect of the source text. To evaluate a translation, the critic first establishes the adequate translation and compares it with the target text by describing the mandatory and optional shifts in the target text on the basis of the results of contrastive linguistics and stylistics. The critic then compares his or her translation or the adequate translation (the critic's norm) with the target text (the translator's norm). When evaluating the translator's norm the critic tries to account for the reasons of optional shifts in the target text.

Van den Broeck's model implies that there is no such thing as the "one best translation". Rather, assessing the quality of a translation means comparing different translations, that is, the translator's and the critic's norm. Like Beib, Van den Broeck acknowledges the active role of the translator in the translation process. He draws attention to the fact that the target text deviations from the "adequate translation" can be related to a variety of linguistic and extra-linguistic factors, and cannot be easily attributed to the translator's incompetence or their intention to manipulate the source text. However, Van den Broeck's yardstick of 'factual equivalence' remains unclear because he leaves the concept of function undefined and does not explain how to determine the functional elements of the source text. Although the critic is expected to take into consideration the complexity of translating by considering the reasons for alternations, Van den Broeck does not specify how these reasons might be discovered.

b) Functional approaches

Functional approaches to translation evaluation are based on the assumption that translating is not so much determined by the source text as by factors relating to the target culture. Translation is seen as a process of text production on the basis of a source text, and the target text is considered as a text in its own right. Function is a prospective concept, which is determined for each translation by the translation commissioner and the translator with

regards to the use of the target text in the target culture situation. The concept of function includes the situation of the prospective target readers. Function is the point of reference for the translation strategy developed and applied by the translator. The functions of the target text are basically arbitrary, although they can be socially determined concepts of translating.

Ammann (1990) limits her model to the evaluation of literary translations within a research context. Her approach is based on skopos theory (REISS & Vermeer), which assigns the key positions in the translation process to the target text audience. For Ammann, a good translation is one that allows the target reader to reach a coherent interpretation of the target text. She makes the yardstick of coherent text interpretation operational by using scenes-and-frames semantics. The concept of scene refers to the non-linguistic perception of the phenomenon by an individual, while frame refers to the linguistic expression used to communicate the scene. The individual's perception is co-determined by the society and culture to which they belong. Different cultures use different frames to express the same scenes. Texts consist on scenes made of sub-scenes.

Ammann proposes an evaluation procedure in which the critic first determines the function and coherence of the target text, as well as the function and coherence of the source text, before proceeding to compare between the source text and the target text. By using the concepts of scenes and frames, Ammann tries to dissociate the reproduction of life phenomena from the linguistic means of realizing these phenomena, thus making it possible to integrate target culture and target conventions into TQA. The scenes and frames approach also integrates into the quality assessment the target audience, its world knowledge and its expectations. However, problems of Ammann's approach with respect to practical application lie with her concept of function and vagueness of the scene and frames approach. Ammann equates function with reader interpretation. Yet, especially in the case of translated literature, incoherent interpretation may well be what is intended. Although Ammann tries to specify function in terms of conceptual properties of the TT such as the TT publisher, the position of the ST author in the target culture, etc, we cannot automatically assume that the TT function actually consists of producing a text which allows for coherent interpretation. With respect to the scenes and frames approach, Ammann does not really explain how we can identify scenes and frames and how we can assess whether a scene is rendered by an 'appropriate', i.e. a coherent frame. Her practical examples suggest that coherence is related to 'correct' situational language use on the level

of parole. But language use is constantly subject to change, and in literary texts it is creative and often expresses scenes in unusual frames.

D'Hulst's model (1996) is restricted to evaluating texts for special purposes, which tend to fulfill the same function in source and target cultures. For D'Hulst, a translation is "an independent text functioning, by definition, in the target culture". A text is considered 'good' if it fulfills the function it has been intended for. D'Hulst equates function with the concept of text act, a category similar to speech act. Text act (or function) is further specified by two types of text structure, a topic-centered and a hierarchical text structure. Text structure is further explained in terms of textual connectivity, which relates macro-structural text characteristics to the micro-structural level. Textual connectivity is achieved through coherence relations and referential connectivity. Coherence relations in the macro-textual level are realized by either a paratactic or hypotactic organization of utterances. D'Hulst assumes that certain text structures can be correlated to certain text acts, i.e. the text act of description can be correlated with a topic centered structure, and the directive text act with hierarchical text structure.

In D'Hulst model, the critic first evaluates the structure of the target text and the source text separately by examining the appropriateness of the text structure to the text function. The critic compares the ST and the TT and comments on the differences. The model differs from other models discussed previously in that it allows for the possibility of defective STs. Also by relating text function to structural characteristics of the ST and TT, D'Hulst tries to overcome the problem of linking text functions to specific linguistic means, which proved to be one of the weaknesses in the House's approach. D'Hulst approach is applicable under two conditions: (1) a text's function can be clearly and unambiguously related structures; (2) there is typology of text acts and related text structures for each language. With regards to (1), it is believed that in reality many texts, eg. Advertising texts or product documentation, consist of both topic-centered and hierarchical text structures, which would make the identification of text acts on the basis of text structures difficult. With regards to (2), we have to admit that such a typology does not exist (yet), and therefore we cannot make it operational for practical purposes.

It seems that scholarly approaches to translation evaluation have not yet been able to provide help for practical quality assessment because they do not account for the reality of translating and translations. Many of these approaches are applied to only one type of text, usually literary text, many of them have different yardsticks. Some of these models or ap-

proaches are still vague, or lack something, some of them do not specify or give the right definition of where do they base their foundations. Even though all of them aim at translation quality assessment, they all have different parameters, different bases, different focus, and what is more important they do not account for reality of translating and translation. They can't always put to practice for some reason or others.

Equivalence-based approaches are built on definitions of translating and translations that are too restrictive to account for all texts considered translations in practice. Functional models overcome this problem by defining translation as any target text that fulfills a function in the target culture; but the yardsticks these models proposed are based on general assumptions which are not examined in the light of the actual functions assigned to texts nor the means chosen to realize them. In other words, the models neglect link between the context in which a translation takes place and the impact of this context on the target text.

TRANSLATING WHITMAN INTO ALBANIAN- THE PROCESS

One's-Self I Sing

One's-self I sing, a simple separate person, Yet utter the word Democratic, the word En-Masse.

Of physiology from top to toe I sing, Not physiognomy alone nor brain alone is worthy for the Muse, I say the Form complete is worthier far, The Female equally with the Male I sing.

Of Life immense in passion, pulse, and power, Cheerful, for freest action form'd under the laws divine, The Modern Man I sing

VETEN KENDOJ

Veten këndoj, çdo njeri të veçantë, të thjeshtë; Po them dhe fjalën Demokratike, fjalën En-masse,

Këndoj filozofinë nga koka gjer te thembrat; jo vetëm fytyra dhe jo vetëm truri qenkan të denjë për muzën, them se gjithë Trupi është më i denjë;

Këndoj Femrën në barazi me Mashkullin.

Jetën pa fund, me dëshira, damarë e fuqi,

Gazmoren, e cila, nën ligjet hyjnore, u gatua për veprat më të lira,

Këndoj Njeriun e Kohës së re!

A Functional approach

For Ammann, a good translation is one that allows the target reader to reach a coherent interpretation of the target text. She makes the yardstick

of coherent text interpretation operational by using scenes-and-frames semantics. The concept of scene refers to the non-linguistic perception of the phenomenon by an individual, while frame refers to the linguistic expression used to communicate the scene. The individual's perception is co-determined by the society and culture to which they belong. Different cultures use different frames to express the same scenes. Texts consist on scenes made of sub-scenes.

Ammann proposes an evaluation procedure in which the critic first determines the function and coherence of the target text, as well as the function and coherence of the source text, before proceeding to compare between the source text and the target text. By using the concepts of scenes and frames, Ammann tries to dissociate the reproduction of life phenomena from the linguistic means of realizing these phenomena, thus making it possible to integrate target culture and target conventions into TQA.

Ammann equates function with reader interpretation. Yet, especially in the case of translated literature, incoherent interpretation may well be what is intended. Although Ammann tries to specify function in terms of conceptual properties of the TT such as the TT publisher, the position of the ST author in the target culture, etc, we cannot automatically assume that the TT function actually consists of producing a text which allows for coherent interpretation. Our practical examples suggest that coherence is related to 'correct' situational language use on the level of parole. But language use is constantly subject to change, and in literary texts it is creative and often expresses scenes in unusual frames.

As I Ponder'd in Silence

As I ponder'd in silence, Returning upon my poems, considering, lingering long, A Phantom arose before me with distrustful aspect, Terrible in beauty, age, and power, The genius of poets of old lands, As to me directing like flame its eyes, With finger pointing to many immortal songs, And menacing voice, What singest thou? it said, Know'st thou not there is hut one theme for ever-enduring bards? And that is the theme of War, the fortune of battles, The making of perfect soldiers.

Be it so, then I answer'd, I too haughty Shade also sing war, and a longer and greater one than any, Waged in my book with varying fortune, with flight, advance and retreat, victory deferr'd and wavering, (Yet me-thinks certain, or as good as certain, at the last,) the field the world, For life and death, for the Body and for the eternal Soul, Lo, I too am come, chanting the chant of battles, I above all promote brave soldiers.

Tek mendoja heshtur

Tek mendoja heshtur, duke u kthyer te vjershat e mia, dhe rrinja t'i shihnja, Nje hije me dolli perpara, me ballin te vrenjtur,

E tmerrshme qe nga bukuria, moshja dhe fuqia, Qe shpirti i poeteve te vendeve te lashta, Duke drejtuar mua syt e tij si flake, Duke treguar me gisht shume kenge te pavdekshme, Dhe me ze kercenonjes: "C'po kendon ti?" –tha, "A nuk e di se s'ka vec nje theme per bardet qe kerkojne ameshimin?" Dhe kjo eshte theme e luftes, fat i betejave,

Ema e ushtareve te persosur".

"Ashtu qofte!" iu pergjigja une, Dhe une hije krenare, kendoja luften, nje shume me te gjate e me te madhe, Ne librin tim luftohet, me fat te ckembyer me ikje, sulme, sprapsje, Vitorja ne tronditje, ne luhatje

(Po me ne fund, e sigurt, fare e sigurte), -fusha, bota; Per jete e vdekjeper Trupin e Shpirtin e ameshuar, Ja! Erdha dhe une te kendoj kengen e luftes, Une, mbi te gjitha, nxjerre ushtare trima.

Equivalence-based approach

Van den Broeck's model of quality assessment(1985) , focuses on literary translation and aims to establish the degree of 'factual equivalence' between source and target texts, that is the degree to which the two texts can be related to each other along "functionally relevant features". Van den Broeck proposes the concept of "adequate translation", i.e. the "hypothetical reconstruction of the textual relations and functions of the source text" as the yardstick and parameters for the comparison of source and target texts. Textual relations and functions can be related with any aspect of the source text. To evaluate a translation, the critic first establishes the adequate translation and compares it with the target text by describing the mandatory and optional shifts in the target text on the basis of the results of contrastive linguistics and stylistics. The critic then compares his or her translation or the adequate translation (the critic's norm) with the target text (the translator's norm).When evaluating the translator's norm the critic tries to account for the reasons of optional shifts in the target text.

Van den Broeck's model implies that there is no such thing as the "one best translation". Rather, assessing the quality of a translation means comparing different translations, that is, the translator's and the critic's norm. Van den Broeck acknowledges the active role of the translator in the translation process. He draws attention to the fact that the target text deviations from the "adequate translation" can be related to a variety of linguistic and extra-linguistic factors, and cannot be easily attributed to

the translator's incompetence or their intention to manipulate the source text. However, Van den Broeck's yardstick of 'factual equivalence' remains unclear because he leaves the concept of function undefined and does not explain how to determine the functional elements of the source text. Although the critic is expected to take into consideration the complexity of translating by considering the reasons for alternations, Van den Broeck does not specify how these reasons might be discovered.

Translation quality assessment is a matter of agreement, consensus and judgment.

Many different models for TQA have been proposed but it seems that TQA is a matter of agreement, consensus and prescriptive judgment. Even though House recommends that prescriptive judgments are to be avoided because they require knowledge of the ideals and beliefs of the parties involved concerning translations and translating, because the decisions which shape a target text are too complex to be recommended, prescriptive judgment makes the complexity of the translation process visible.

Some other scholars state that translations can be evaluated from various perspectives, for example by clients, the TT addressees, translators, and outside observers like translation researchers, and this has an impact on how the TT will be judged. It is also pointed out that translation evaluation depends on the evaluating person's experience and knowledge of translation.

Reiss argues that the object of evaluation does not exist as such, but only in the interpretation of evaluating person. However, text interpretation is necessarily individual. Even if we were to mandate a specific interpretation of a text, the individual component cannot be entirely neglected, because, by definition, this interpretation has to be reinterpreted by the evaluating person. The evaluating person's interpretation of the TT constitutes the object of evaluation and therefore decisively influences his or her judgment. Judgment of TT depends on the model TT to which the actual TT is compared. It also depends on how the theory of translating is made operational, so even when the critics adopt similar translation theories they may deem different means appropriate for realizing them.

Finally, several researchers have suggested that the judgment of a target text depends on the context in which evaluation takes place. The judgment itself fulfills a purpose. It may serve to examine a translator's qualification for a particular translation job, to assess whether he or she has satisfied the requirements for a specific translation task, to inform a

translation student about his or her progress, to inform the reader about the quality of translation of a new work of fiction, etc. a judgment is also oriented towards a prospective addressee. It will look different depending on whether it targets professional translators, the audience of the text, clients or translation students.

Given the inherent subjectivity of the evaluation procedure and its dependence on the context in which it takes place, it seems that the translation criticism has the following task with respect to prescriptive judgment. First, it must investigate the evaluation process further in order to determine the levels on which the influence of subjective occurs, and it must emphasize that agreement on these levels is a prerequisite for prescriptive judgment. Second, translation criticism could consider and build into its models general knowledge about prescriptive judgment. The prescriptive character of judgment depends either on consent among the parties concerned or on their power to impose their interpretation of an 'ideal target text'. Translation criticism could move closer to practical needs by developing a comprehensive conceptual tool, which would make it possible to grasp the complex reality of translation process, and by inquiring further into evaluation phenomena and into the possibility of prescriptive judgment. At the same time, those involved in the productions of translations, could become more aware of their respective roles and responsibilities in the translation and evaluation processes. Translation quality assessment and the judgment of translation are a matter of communication, co-operation and consent.

Bibliography

- Allen, Gay Wilson. *The New Walt Whitman Handbook*. 1975. New York: New York UP, 1986.
- _____. *A Reader's Guide to Walt Whitman*. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1970.
- Crawley, Thomas Edward. *The Structure of "Leaves of Grass."* Austin: U of Texas P, 1970.
- Miller, James E., Jr. *A Critical Guide to "Leaves of Grass."* Chicago: U of Chicago P, 1957.
- _____. *"Leaves of Grass": America's Lyric-Epic of Self and Democracy*. New York: Twayne, 1992.
- _____. *Leaves of Grass: Comprehensive Reader's Edition*. Ed. Harold W. Blodgett and Sculley Bradley. New York: New York UP, 1965.
- Abrams MH (1999). *A Glossary of Literary Terms*. US: Heinle & Hein.

Allen G (2000). Intertextuality. London and New York: Routledge. pp: 158-176.

Hatim B (1997a). Intertextual intrusions: towards a framework for harnessing the power of the absent text in translation. In Simms, K. (ed.). *Translating Sensitive Texts: Linguistic Aspects*. Amsterdam: Rodopi.

Hatim B, Mason I (1997). *The Translator as Communicator*. London: Routledge. pp. 128-162.

Hornby SM (1988). *Translation studies: An integrated approach*. Amsterdam: John Benjamin B.V.

Abbasi, J. & S. Manafi. 2004. Strategies of Poetry Translation: Reconstructing Content and Form. *Translation Studies* 1.4.

Catford, C. 1965. *A Linguistic Theory of Translation*. London: Oxford University Press.

Connolly, D. 1991. Poetry Translation, In M. Baker (ed.), *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* 1998. London & New York: Routledge.

Francis, R. 2006. Unlocking the Black Box: Researching Poetry Translation Processes. In M. Perteghella & E. Loffredo (eds.), *Translation and Creativity* 59. London: Continuum.

Frost, W. 1969. *Dryden and the Art of Translation*. New Haven, CON: Yale University Press.

Giblett, R. 1987. Translating the Other: Nobakov and Theories of Translation. *Babel* 3.

Holmes, J. (ed.). 1970. *The Nature of Translation: Essays on the Theories and Practice of Literary Translation*, The Hague & Paris: Mouton.

Lefevere, A. 1992. *Translation, History, Culture: A Source Book*. London & New York: Routledge.

Munday, J. 2002. *Introducing Translation Studies*. London & New York: Routledge.

Nair, K. 1991. Translating Poetry: *Some Basic Problems*. *International Journal of Translation* 3. 1 & 2.

Newmark, P. 1988. *Approaches to Translation*. New York: Prentice Hall.

_____. 1988. *A Textbook of Translation*. New York: Prentice Hall.

Toury, G. 1978. The Nature and Role of Norms in Translation. Cited in James's Cultural Implications for Translation. Available at <URL <http://accurapid.com./journal/22delight.htm>>.

TEACHING TRANSLATION IN ALBANIAN WORKSHOPS AND AUDITORIUMS

Jonida Petro

The process of teaching translation is very important and requires the relevant translation theories to be used. For the students to have a sustainable enhancement and upgrade in their translation practice skills, a thorough study on the approaches of translation teaching can be crucial. This article gives an overview of the actual situation related to the teaching process of translation in Albania from these given points of view: a background of the teaching process of translation, the significant role of this process, teaching resources, teaching approaches, research into translation teaching, as well as the training of the teachers. Finally this article comes to the conclusion that the evolution of the teaching of translation is affected by theories of translation and their guiding role. In order to have useful and fruitful training for translators the theories of teaching translation should be a major part and be involved in their programmes. The teachers of translation workshops and auditoriums should be attentive to the developments occurring in both translation studies as well as teaching theories.

Keywords: enhancement, translation teachers' training, teaching translation theories, undergraduates.

1. Introduction and background

Hermans said: *“Translating is not an innate skill, it has to be learned and negotiated, both cognitively and normatively. Translating always takes place in the context of certain historical conceptions of what constitutes translation”* (Hermans, 2002).

Translation as an activity has existed in Albania but most of the translators were either educated abroad or self taught. The only public translator training institutions in Albania have been and still are the Universities, more specifically, the Departments of English Language with the respective staff specialized in translation theory and practice. This paper will mainly be based on research work undertaken in the Department of English Language of The Faculty of Foreign Languages of Tirana University.

This Department offers courses in Translation and Interpretation at both cycles of studies, BA and Master level. In Albanian Universities, translation practice and theory is a compulsory subject for undergraduates in foreign language departments, starting in the second year of the first cycle of studies. Many students each year prepare their graduation thesis (at both the graduate level as well as postgraduate levels) on translation. The usual practice for the preparation of the theses is that the practical translation part is combined with translation theories which in turn includes theories of linguistics, literature and other branches of learning

With regards to the students' expectations related to translation as skill or future job, they consider it attractive and as an interesting working sector due to the "satisfying" salaries. Now that Albania is heading towards the European Integration and when we consider the situation within Europe where at least 35 languages are used (BBC, 2001), professional training in translation and interpreting are vital. With the European Union policy regarding national languages as being official languages of the union, Albania's accession to the European Union requires high quality of services from Albanian translators and interpreters for all other EU majority languages such as English, French, German, Italian etc.

The formal education in foreign languages in Albania started on 16th September 1957 when The University of Tirana was founded under the name of State University of Tirana. Translation back then was part of the English language teacher education. After the 90's the Department of English Language offered three different programs of study in languages, namely: 1) English Language and education, 2) British and American Studies, 3) Translation and Interpretation studies. Since then in the first two programmes there are also translation courses available with the aim of providing future teachers and language researchers with the necessary translation skills. Whereas, Translation and Interpretation studies programmes consisted both of theoretical and practical courses in translation and interpretation with activities aiming at educating competent future translators.

However, these programs were not good enough to prepare well qualified specialists in translation which in most cases were not highly competent to face the challenges of the translation world.

Albania adopted in 2003 Bologna Process in Higher Education. The

application of Bachelor' studies with the new Bologna Charter started in 2005, and in 2008 it was introduced the second cycle of studies. In 2010 the second cycle it was transformed to be defined as a Master of Science consisting of 2 years of study. In the first cycle there are 914 students studying English. With the new Bologna process new curricula were prepared. Bachelor degree studies last 3 years. The majority of the subjects are taught in foreign languages whereas subjects in Albanian constitute 11 % of the program. There is a strong emphasis in the study programs of the foreign languages aiming at the development of language skills at advanced levels.

After the first three years from the adoption of the Bologna Process the programs and the curricula were reviewed based on the challenges and issues encountered. The students that are enrolled at the Faculty of Foreign languages have different levels of language skills and knowledge as they come from different backgrounds and are characterized by different learning styles and approaches. The first year course of study is based on an integrated skills approach with listening, speaking, reading, writing and grammar components. (Conference proceedings, Seepal, 2011)with regards to linguistic advanced studies there are only two subjects: FL morphology and Introduction to linguistics. During the first two years of studies all students are offered the same program, including compulsory and optional subjects. The students choose the direction of their studies in the third year. The faculty of foreign languages of Tirana University offers three study programs: Foreign Languages, Communication & Culture and Translations & Interpretation. The study programme has a balance of both practical and simply academic subjects. The vision of this Faculty is to transform all students into proficient FL user and specialists. In order to do that, in the first year of studies, a lot of focus is given to the development of the students' language and communication skills as well as to strengthen the weaknesses that some students may present. New student-centered approaches have been adopted in classrooms, but that still needs to be widespread.

Second Cycle of studies at Tirana Faculty of Foreign languages comprises 210 students, out of whom 100 study English. Technical – Literary Translation and Interpretation is one of the major courses with 119 students enrolled. 94 students specialize in English Translation and Interpretation Studies. The goal of this course is to prepare and qualify professional translators and interpreters in fields such as pragmatics, techni-

cal, scientific and literary translations. Another aim of this course is the improvement and development of practical competencies in translation and interpretation by using the appropriate logical capacity of language communication and interpretation. Students are provided with skills in the professional area of translation and interpretation. the purpose of developing and improving the practice of research in the field of translation and interpretation. It promotes critical thinking in the students as well as research skills. The programme of studies includes the following subjects. Active language A (Albanian), B (First FL), C

(Second FL), Passive language: D (Third FL), Methodology and Didactics of Translation and Interpretation, Interpretation from B to A and from A to B, Interpretation from C to A, Translation from B to A and from A to B, Translation from C to A, Terminology translation from B to A, Terminology translation from C to A, Foreign language. Comparative linguistics, Literature and Culture C, Automatic Translation, Editorial Translation from B/C to A, Deontology of Translation, Comparative studies of translated texts from B/C to A, History and Geography of the Balkans, International organizations and interinstitutional communication, Public Speech, Audiovisual Translation Information and Communication systems, Internship, Thesis.

2. The importance of translation teaching

Translation as a science, craft or art, comprises all innovations occurring in all areas of life, languages, technology, science and so on. The role of the translators has come to grow because of the growing international commerce, globalization etc. and the translators being more and more often mediators of culture and realities as they convey meaning as precisely and faithfully, possible. The importance of teaching translation should be reflected in the purposes of each translation activity, however, one other the main goal of such activities is to help and provide a better cross-cultural communication among the students.

Translation is related to Teaching foreign languages, too, with the latter being a very useful means of testing reading and comprehension ability in the source language as well as the target language. Students of foreign languages attend studies where subjects as translation theory practice, literature and linguistic theories are combined in order to enhance comprehensive linguistic skills. Translation develops three qualities essential to all language learners: flexibility, accuracy and clarity. It trains the learner to search flexibility for the most appropriate words and

accuracy to convey what is meant precisely (Duff, 1989). Thus, in terms of cultural as well as linguistic abilities the students improve their competencies in the source as well as target languages and cultures, specifically with regards to morphological, syntactical, lexical and stylistic units and structures. The aim of teaching translation is not simply and only related to upgrade bilingual skills of the students, but to help them understand that translating is not at all about replacing words from one language to another, but that of expressing ideas for another, target, readership. The students should recognize through their practical translation classes that not being the author of the source texts they should be loyal as much as possible to the meaning according to the target audience. Only then will they be able to do the best possible translation work after graduation.

The translation competences of the foreign languages' students do influence both the quality of their work and studies. In order for the translation practice workshops to be productive and effective in terms of learning outcomes of the students, obviously it is indispensable that there is a combination of translation theory through translation practice teaching. In the new context of Albania's European Union Accession high level translators and interpreters are needed. The teaching of translation as a subject is crucial to the training of these translators and interpreters, as it will set the foundations for the lifelong learning path for them as professionals.

3. Teaching Translation in Albania

In the framework of this research regarding translation teaching in Albania with a focus on the Department of English Language, a survey was carried out. The sample to whom the questionnaires were disseminated to, were teachers and lecturers of Translation from the Department of English Language in the Faculty of Foreign Languages in Tirana (part of Tirana University) or to teachers of translation. The purpose of the questionnaires was to investigate and describe the actual practices of translation teaching in the faculty of foreign languages in Tirana. 2. to Investigate and describe the actual practices of translation teachers in the Department of English language 3. To provide recommendations for further improvement in translation courses. After the questionnaires were turned in and processed the data, it was concluded that Department of English language specifically offers E-A (English-Albanian) translation and interpretation, and A-E translation courses. In addition, all departments of foreign languages of Tirana University deliver interpretation classes and make use of

a common interpretation lab providing thus the students with a very important and demanded skill. It is common practice that the department of English Language makes a combination of E-A and A-E translation into one course. As a rule, E-A and A-E translation starts as a course taught in the second and the third years, three hours per week. E-A Translation theory and practice classes are also delivered to students in the second level of studies. The staff of the Department of English Language also provides for E-A translation classes in the second level of studies to the students who will graduate in Communication Master Studies alongside those having chosen Translation Interpretation Master studies. The former receive 4 classes of translation practice per week whereas the latter as mentioned above, have a full course in translation and interpretation subjects. All the departments of English and other languages (French, German, Italian, Greek, Spanish, Russian etc.) organize the translation practice courses either to follow translation theory lectures or in parallel with them in order for the students to practice and understand in practical terms what they learn in theory. With the launching of the Bologna Process in Albanian Universities in 2005 many round tables were organized among translation classes lecturers to discuss about the new curricula and issues such as, the new modules of translation classes, number of credits and classes per each year, exams and grading approaches, etc. Lecturers from all over the country participated in the round tables to look at Bologna process and how it affected the translation teaching process and consequently the performance of students in this subject. Most lecturers highlighted the importance of A-E teaching and elaborated the main directions on how to teach effectively during these classes as separate classes from E-A translation classes. However, it was concluded and even up-to-date teaching E-A and A-E translation is taught in parallel believing that students use different linguistic, cultural, psychological and thinking methods when they are doing E-A and A-E translation. In this way students would be able to acquire better the new skills in both E-A and A-E translation—the various differences between two different language as well as cultural systems—and not waste time. In spite of the fact that teaching A-E is a much more difficult to the students, the lecturers recognized the fact that they are there to find ways to keep the motivation of the students up and encourage them to express themselves in English. Thus, the students would realize in concrete terms that the task of any translator is that of bridging gaps between two different languages and two cultural systems. As a conclusion of the round tables many of the participants agreed

that the main objective of teaching translation is to assist the students and provide them with know-how regarding accurate translation criteria. The “success story” (Bassnett and Lefevere, 1990) of institutional training of translators and interpreters is indisputable, however the process of translation teaching should be an integration of both theory and practice rather than simply practical translation skills. Teaching translation theory to undergraduate students should focus on the main translation studies’ schools of thought, because they aim at exploring “the ways in which translation is both practiced and theorized in individual cultures” (Hermans, 2002) due to the fact that neither practice nor theory exist on their own. They are interdependent on one another. Lecturers should improve the knowledge of the two languages and cultures at hand for the students the text types and their nature, translation ethics and criteria, comparisons of English and Albania, translation criticism and translation history.

4. Teaching Resources

The adequacy of the training content heavily depends on the clarity of the relevant teaching objectives (Delisle, 1981). There is close interaction between learning outcomes and teaching materials and methodology. The different departments of English in Albania use their different textbooks. Many of the books on translation courses have been published after the 1990s in the form of theoretical lectures by the lecturers of each University. These are widely used in most departments of English Language. Individual professors, also follow the general guidelines on teaching materials for English-Albanian Translation courses which rely mainly on three pillars, each of them based on the framework curriculum: the students needs, alternating the approaches of translation practice in combination with theoretical aspects and finally develop translation skills and critical competence to assess translated texts. The content of these individually designed courses should ideally aim at the clarification of the relationship between the contents and patterns of translation on the one hand and the wider field of linguistic behavior and practical translation experience on the other (Wilss, 10, 2004). Teachers use selected texts suiting the language level of the students, to illustrate word and sentence translation, paragraph translation and even translation of an entire text which is assigned as a course task at the end of the term. Teachers try to design comparative translation exercises, assessment and translation of different styles. Students are introduced to a variety of related or unrelated texts to help the students feel specialized but not overspecialized.

As far as textbooks are concerned, the lecturers state that they use textbooks written by Albanian students which reflect the experience of Albanian schools alongside additional textbooks on translation courses such as R. Bell's *Translation and Translating*, Mona Baker's *A Course book in Translation*, Andre Lefevere's *Translating Literature*, Geoffery Leech's *Style in Fiction* as well as *Routledge Encyclopedia of Translation studies* etc. This corpus of textbooks is relevant for the different levels of students, at both BA and MA levels.

5. Teaching methods

The translation process is a highly complex example of language manipulation (Snell-Hornby 1988, and Bernstein 1983). But, when aspects of complexity have to be identified and held steady for discussion in classroom settings (Malmkjæn, 1998), translation problems often prove to be interesting, and sometimes illusive. The lecturers have to overcome personal bias (interpretations), yet, they have to set fair criteria for assessing translation problems. Pedagogical settings exert obvious pressure, limiting the teacher's scope of textual manipulations since what is done in class is directly scrutinized by course participants. It must make sense to them (Al-Shabab, 1997).

Generally what the teacher does is to concentrate mainly on the semantic transformation aspects that occur to a text being translated neglecting thus the cultural exchange aspect of translation teaching. Nevertheless they are aware that translators must be very cautious to cultural differences and it is the teachers who have a crucial role in promoting the cultural consciousness. In order for the selection of teaching materials to be successful the teacher should carefully consider that the most interesting cases in translation practice classes, are those which motivate students to produce different and/or wide answers against which they can measure and appreciate the comments and solution(s) provided by the teacher. Hence, in the discussion of the following selection taken from actual material used in teaching, the emphasis is on the parts of the text which instigate students questions should be practical and instructive, and teaching methods should not be monotonous. Training and qualification of teachers is very important and also the teachers should have a broad knowledge of translation studies and theories, linguistics, literature, stylistics and other relevant areas of learning. What is more important, translation teaching staff should be competent to make a natural connection between translation theory and translation practice and apply them ac-

cordingly. Teachers of translation themselves should be well experienced in translating and preparation of academic articles or books about translation studies. Another important aspect of the translation teaching process is that related to the familiarity of the teachers with the most commonly made mistakes by the students and their ability to analyze the reasons why such mistakes occur from the point of view of linguistics, culture, style, literature and so on. One of the most affective approaches to translation theory and practice classes according to my experience is that where the teacher has the students do translation exercises before the proper theoretical lecture takes place. After the exercises have been concluded then the teacher will explain the theoretical lecture on the bases of the exercises previously done by the students. This approach can only be effective with the most experienced teachers, those that are well familiar with translation studies and theories and good practitioners. Most importantly, the translation teachers should be highly qualified translators and then be capable to demonstrate translation theories and skills practically and clearly in order for the students to perceive and acquire the proper knowledge and skills. All translation teachers are faced with the challenge of the right teaching approach. Another approach that is common in the praxis of translation teaching, with a view to the combination of theory and practice of translation, is that when the teacher focuses on translation skills first, then as a second step is the assignment of a task. The third step is that of going through each and every one of the tasks submitted by the students and only following these, as a fourth step the teacher will deliver a theoretical lecture underlining mistakes to be avoided, mistaken translations and pinpointing the correct translation on the board. Most other teachers find appropriate that their students self-correct the respective translations and find their mistakes, they look at the reasons for these mistakes, and are assumed to better the translation work on their own. Translation teachers and lecturers pass a lot of time with textbooks, students' notebooks, internet resources practicing translation work themselves to cultivate their own experience and knowledge.

6. Improvements in translation teaching

The teachers are key actors for the improvements needed in terms of translation teaching quality. Unfortunately there have not been numerous articles on translation teaching in journals or magazines of foreign languages and literature since they are few due to lack of funding. Most commonly articles on linguistic issues are published in the journals published by any of the Universities, thus, that of Shkodra (annually),

Elbasan (biannually), Korca (annually), Gjirokastra (biannually). There isn't a separate journal or magazine concentrating on translation issues, only. Compared to the large number of articles awaiting to be published the number of journals is limited. With regards to reference books, each of the Universities has a library which have benefited from donations of the British Council or other projects. This year for the first time, a separate fund was allocated by the Dean to each of the departments, to be spent on books and other staff development activities or even for research purposes. Due to lack of funds many of the teachers are constrained to buy books online to allow for serious research. After visa liberalization for Albania, translation teachers can now participate freely in exchange events to receive relevant information and teaching experience, to discuss and address critical problems related to the teaching of translation. Issues of concern are the teaching programme and how it works in other European Countries which have adopted Bologna process, textbooks, content, methods, evaluation and the like. The situation is more or less the same in all departments of English Language.

Alongside the questionnaires additional information was collected and it was revealed that: the department of foreign languages of Tirana offers M.A. degrees in translation to an estimated 100 students who prepare their graduation/MA theses on translation studies each year.

Another issue regarding the improvement of research in translation teaching is related to the fact that not all students with good bilingual skills can translate well. Seemingly, there is a gap between the knowledge of both languages and the artistic requirements of translation; this is where translation teaching should intervene. Translation methodology should provide for a solution so that even those who are not born with the talent for perfect translations with the right teaching objective, a concrete applicable teaching programme, a set of practical textbooks and an experienced teacher, students will be prepared for the world they are trained for with the relevant competencies that being a translator involves. Most translation teachers agree that students attending translation courses must at least have the following courses: translation theory, translation practice, translation assessment, literary comparative studies of English and Albanian, stylistics and pragmatics, Albanian based on this a sound translation teaching programme can be compiled be it for undergraduates or graduates. The aim is to have better quality of translators.

After the theoretical teaching process for the reinforcement of the theoretical material, exercises and exams are a very important tool. They

should reflect the content of the course and address the barriers faced by the students in order for the teaching to be useful and fruitful. A test should not be another task during which students merely translate words, sentences or even paragraphs as it wouldn't reflect the overall grasping of translation theory and practice. When designing translation tests and exams we should bear in mind and ensure that the test is feasible for the students and that partially the questions are related to theory of translation and partially to practice. Exercises in a test could be fill-in-the-blanks type, essay answers, translation analyses, discussion of one of the theories, choosing accurate translations. Another component of the testing system is related to the last but not least part of the translation course, thus, interpreting. Research on interpreting is rare.

There are certain factors which contribute to the problems of students related to translation:

(a) their approach regarding their future profession: the students don't realize the importance of translation, so their tasks are done carelessly, irresponsibly; (b) Weak bilingual basis: the students don't have sufficiently good knowledge of either Albanian or English. It is quite often that they make grammatical and spelling mistakes, create sentences Albanian in structure but English in wording. Those that don't have a sound foundation of Albanian language writing abilities have a hard time to catch up with the others; (c) Rhetoric and style: students lack a clear awareness regarding style and the often mix different styles together. (d) Don't use dictionaries or encyclopedias: students commonly ask their teachers about the meaning or spelling of a new word rather than looking it up in a dictionary. There are some students who use pocket dictionaries or mobile phone dictionaries without considering the definition, characteristics and usage of specific words. All these issues can be improved by improving in turn the teaching method and pay more attention to students' needs and thinking methods, too.

The Training of Translation teaching staff

After the processing of the data collected from the questionnaires filled in by colleagues who teach translation, it is noticeable that 65% of translation teachers belong to the age group of below 40 years old, while 35% are over 40. Even among the teachers that are below 40 years old, most of them are between 35 and 40 years old, with only a few under 35. The average age of the teachers teaching translation will most probably be 45 in a few years. At the moment all the experienced teachers are

sharing experience with the young group of colleagues and are supporting them in their career path. All of the young group of translation teachers are attending and even finalizing their PHD studies in Translation related subjects. The very few not attending yet PHD studies have their Master degrees in Translation. Those over 50 generally have the degree of Professor and have had a long translation and teaching experience to provide a solid support basis for the young teachers. Many conferences have been organized to upgrade the capacities of the Translation teachers with the support of the European Commission as well as the Translation School of Strasbourg. Moreover, the Dean of the Faculty of Foreign Languages has organized several conferences with lecturers and professors from the best European Schools of Translation. In the face of the new socio-economic developments in Albania, most of the above mentioned teachers have many opportunities to work in the field as translators, which serves them as training apart from being an opportunity to increase their income. However, this doesn't interfere with their university work commitment.

For teachers of translation to have a complete background, they should not only understand well translation theory or know well two languages, but most importantly they should understand and have knowledge of other areas of learning such as linguistics, literature, literary criticism, semantics, semiotics, stylistics and pragmatics etc., as well as various practice in translation. Due to this, it seems impossible for a student of translation studies to be successful immediately after graduating in translation practice, research or even teaching. It is important that, despite of the various degrees one could own, updating knowledge and keeping in contact with novelties in academia, is always necessary. This is the only path translation teachers too, have to follow, in order that they are high quality teachers of translation. Teaching translation is a difficult and time-consuming commitment, involving a lot of reading, writing, correcting and answering in a non standard way, as there are few standard answers in translation studies. However, it is important that the teachers cope with this challenge by paying special attention to developments in translation teaching theories and other translation theories. Issues related to the teaching programme, textbooks of translation, designing of translation courses, methodology of teaching, assessment and teacher training, should be discussed and addressed.

Most teachers of translation should make harmonized efforts to acquire knowledge on designing up-to-date courses of translation and have the good will to follow the trends of translation studies and its develop-

ment in order for the University to produce successful translators and actively effective teachers.

Conclusions

Nobody is born a translator. At Tirana Faculty of Foreign Languages each year almost 100 translators have their degrees in the first and second cycles of studies. The new reforms University of Tirana is undergoing in the framework of Bologna Process, reflect a good will from teachers of translation to collaborate and have more fruitful and effective translation classes. New curricula have been discussed and compiled and are now being implemented for all subjects including Translation.

The teachers of translation according to Zamel (1985: 96-97) should try “to respond by participating in the making of meaning means that we no longer present ourselves as authorities but act instead as consultants, assistants, and facilitators. Thus, rather than making assumptions about the text, taking control of it, and offering judgmental commentary... we need to establish a collaborative relationship with our students, drawing attention to problems, offering alternatives, and suggesting possibilities.”

There is general agreement that translation definitely is a subject that should be discussed and teacher-student communication as well as collaboration amongst colleagues within a cooperative learning environment are basic elements of the process.

More should be done in terms of fund allocation from the government so that the publication of a journal on teaching translation research is enabled and continuous in-service staff training should be part of the HRD system. Both of these two recommendations would contribute to have useful and fruitful training of future translators from teachers of translation courses, who will be updated and well aware of the developments occurring in both translation studies as well as teaching theories.

References

1. Al-Shabab, Omar Sheikh (1997) *Translating with a difference*. 83-165
2. Baker, Mona (2001) ‘Translation Studies and Translator Training in the New Millennium’, in *Proceedings of 1st International Conference on Translation and Interpretation Studies: Theories of Translation and Interpretation & Problems in Korean Translation and Interpretation*, Seoul: Hankuk University of Foreign Studies.
3. Bassnett, Susan & André Lefevere (1990) *Translation, History & Culture*. London & New York: Pinter Publishers.

4. Bennett, Alan (1988) *Talking Heads*. London: BBC.
5. Duff, A. (1989). *Translation*. Oxford: Oxford University Press.
6. Hatim, Basil (2001) *Teaching and Researching Translation*, Harlow: Longman / Pearson Education Limited
7. Hermans, Theo (2002a) 'Translation's representations', in Eva Hung (ed) *Teaching Translation and Interpreting Building Bridges*, Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 3-18.
8. Malmkjaen, Kirsten, (2002) *Second Language Acquisition: Language Teaching and Translation Studies*. *The Translator: Volume 8, Number 1*: 1-24
9. Snel Trampus, Rita D (2002) 'Aspects of a theory of norms and some issues on teaching translation', in Alessandra Riccardi (ed) *Translation Studies. Perspectives on an Emerging Discipline*, Cambridge: CUP, 38-55.
10. Tabaku, Elida (2011) *Critical Comparison of Foreign language studies in the region of South East Europe*. 17-23

Annex I

The Questionnaire disseminated to the teachers of translation in the faculty of foreign languages

Teaching Translation Approach

Often Rarely Never

What are the steps you consider while preparing your translation course

1. *Consider needs of the students.*
2. *Consider the market demands*
3. *Set objectives for the course.*
4. *Select exercises and theory related to the field of study of the students;*
Communication, Culture Arts,
5. *Prepare alternative tools to measure learning outcomes of the students*

Additional , kindly indicate :

While having translation classes, you...

6. *Choose a specific translation theory.*
7. *Choose a specific theory of education.*
8. *Deliver the traditional lectures.*

9. *Have a discussion during the lecture.*

10. *Make use of the problem solving teaching approach.*

11. *Use case studies.*

12. *Use audiovisual aids.*

13. *make use of the role-playing technique.*

14. *Stick to the lesson plan*

15. *Have a discussion on different issues such as untranslatability, and*

Address these issues.

Additional, kindly indicate:

When drafting the final translation exam, ...

16 *You select texts/tasks that have already been discussed (known to the students)*

18 *Select new texts/tasks.*

19 *Select tasks that are important for the students' field of study; ...*

20 *Present gap filling tasks*

21 *Present simple/difficult words in simple/difficult structures (underline).*

22 *The students are allowed to have their dictionaries on the desk during the exam*

Additional, kindly indicate :

When you assess the final exam,

23 *Consider possible mistakes in spelling mistakes*

24 *Consider structural mistakes.*

25 *Give priority to the meaning of the text.*

26 *Give priority to the "best"/"equivalent" translation of cultural idioms.*

27 *Collaborate with another colleague of translation when it comes to the final scoring*

Additional, kindly indicate:

Please underline the age-group you belong to:

Below 40 and 40

Above 40

THE EMPEROR JONES, AN EXPRESSIONISTIC PLAY

Kristina Sheperi

The 1920s in the United States was a prolific period in literature. After decades of vaudevilles and melodrama and photographic realism, the American public was in search of more qualitative and daring pieces. After many years of struggling with himself, theater companies and theater producers, Eugene O'Neill took a turn in his way of writing. He started to experiment. Together with the Provincetown players, he introduced the American audience with a new literature trend, and that was expressionism. The focus of this paper shall be the analysis of expressionistic elements such as distortion of reality, disjoint and incoherent plot, instrumental characters, simple and fragmented dialogue, and stagecraft such as decoration, lighting, sonics, acting and costumes in "The Emperor Jones".

Keywords: Eugene O'Neill, experiment, expressionism, plot, characters, stagecraft.

Introduction

"I want to be an artist or nothing"¹ said Eugene O'Neill when he wrote to George Pierce Baker after being enrolled for his playwriting course called "workshop 47" in an effort to write proper drama. And indeed, he did everything possible to be an artist. He was the first American playwright ever to win a Nobel Prize in 1936. What is interesting to note is that he did not develop his art by going to school and attending professors' lectures on the craft of writing. Not at all, in fact, he abandoned the university since his freshmen year and led a derelict life at sea. He went to Honduras in search of gold and then ended in a sanatorium because of Tuberculosis. In short, since the purpose of this paper is not writing his autobiography, the time he spent in the sanatorium where he read avidly the most renowned playwrights who were the forefathers of modernism and the time spent with his father on stage, were determinant factors in shaping a new and rebellious American playwright. Watching his father, James O'Neill, perform the same role of the Count of Monte Cristo over and over again, and feeling disgust for the commercial theater, he struggled all his life to create a theater which would be void of the photo-

¹ Selected Letters, 26

graphic reality and which would express the author's vision by using the stage and the means it offered.

After watching Ibsen's "Hedda Gabler" for the ninth time, O'Neill later says that the performance "discovered an entire new world of the drama for me. It gave me my first conception of a modern theater where truth might live."² Ibsen's kind of modernism and then later August Strindberg's expressionism are what gave Eugene O'Neill a good start to write drama as he himself suggests: "The dramatist does not present life, but interprets it within the limitations of his vision. Rise he's no better than a camera, plus a dictograph. The dramatist works just as Beethoven did, employing every sound in existence, molding tones, giving them new color, new meaning, thus creating music. Well, when a dramatist interprets the world, and thus creates his own world, he uses the human soul, all his life, if you like, as a keyboard. He is the creator of this world and like all creators absolute boss. If he isn't a sound creative architect his structure crumbles * * * I don't think it is the aim of the dramatist to be 'true to life,' but to be true to himself, to his vision, which may be of life treated as a fairy tale or as a dream."³

This paragraph written by O'Neill serves as a roadmap for the elements treated in this paper. It is evident that O'Neill was a playwright who possessed great vision of the limitless possibilities of stagecraft, and developed a myriad of dramaturgical designs for his many plays. A set was not mere background; its use was a vital component that he relied on in order to achieve his artistic ambitions of revealing a character's emotion. However, for the purposes of this study I have chosen only one out of a handful of expressionistic dramas, and that is "The Emperor Jones", since this is considered as his first drama where he fully experiments with the above mentioned elements.

Expressionism in "The Emperor Jones"

The year 1920 when "The Emperor Jones" had its premiere on the American stage can be considered as a breaking point from "photographic realism" and as a starting point for the new literary trend which was expressionism or the "mirror of the soul". With "The Emperor Jones" O'Neill attempted to reveal a psychic journey for the character which relied on the transition from light to darkness, in which the darkness reflected a departure from the physically defined world to the amorphous dynamics of the mind.

² Quoted in Gelb 2000, 226

³ *The New York Times*, November 12, 1961, Arthur and Barbara Gelb

Brutus Jones, a black former Pullman car porter, has escaped from America after committing two murders and proclaimed himself as the Emperor of an island in the West Indies. Here he exploits the natives, imposes various taxes and convinces them that he was subject of a spell and that he could only be killed by a silver bullet. However, now he faces a revolt, the natives have started a ceremony to hunt and catch him; thus he embarks on a planned escapade through the jungle. During this journey his uniform and his mind fall to pieces. In the following six scenes his mind deteriorates as he has nightmarish visions such as the Little Formless Fears, Jeff, The Negro Convicts, The Prison Guard, The Auctioneer, The Slaves, The Congo Witch-Doctor and finally the Crocodile God to which he shoots with the remaining silver bullet and eventually in the last scene we understand that he has shot himself.

The first thing that you notice when you read “The Emperor Jones” is the way how the plot is revealed. O’Neill uses only one act and eight scenes to show us the escalating deterioration and degeneration of the mind of the criminal Brutus Jones. Instead of crafting a classical play respecting the three unities of action, time and place, O’Neill seems a rebel in merging them. Cramer, in his long study on *Expressionism in Eugene O’Neill and Elmer Rice* argues that both of them intentionally disregard Aristotle’s theories of dramatic form. According to him, the traditional plot structure of realistic theater follows a linear sequence with one inciting action in the first act, one climax and then the resolution. However, Perrault argues that O’Neill in his expressionistic works uses a pattern that is cyclical in nature rather than linear. Reading or watching *The Emperor Jones* through this point of view, one can notice different climaxes which end in a cyclical pattern. Each scene has its own climax. We will analyze each of them to understand the fluctuations of the tension that accompanies the regression of Brutus Jones into his own pitfall.

The first scene is opened with a vital piece of information which the old woman gives to Smithers. The natives, exhausted and unable to pay anymore taxes, have started a riot. They have gone to the jungle to perform the war dance which they think will give them courage to catch and kill their Emperor. This serves as the inciting action. Tension starts its way the moment Brutus Jones wakes up by the call of Smithers who gives him the news. Although it seems like Jones expected that thing to happen, he seems a little troubled by the tom-toms of the natives. “[From the distant hills comes the faint, steady thump of a tom-tom, low and vibrating. It starts at a rate exactly corresponding to the normal pulse beat – 72 to the

minute – and continues at a gradually accelerating rate from this point uninterrupted to the very end of the play.] [EJ p20]

In the second scene the first vision appears to Jones as he is looking for the white stone he had put as a mark for his food. The Little Formless Fears “[*creep out from the deeper blackness of the forest... Jones looks down, leaps backward with yell of terror, yanking out his revolver as he does so – in a quavering voice.*] What’s dat? What’s dar? What is you? Git away from me befo’ I shoots you up! You don’t?” [EJ 29]. And this is the moment he starts to lose his mind and waste his first lead bullet, after which they disappear. As mentioned earlier, the moment the vision appears serves as a climax point and then eventually this tension depletes as he shoots the little formless fears with his revolver.

The second vision appears in the third scene. That is Jeff the Negro, a Pullman porter who is throwing a pair of dice. “[*He walks quickly into the clear space – than stands transfixed as he sees JEFF – in a terrified gasp*] Who dar? Who dat? Is dat you, Jeff?” But Jeff continuously throwing his dice and does not answer to Jones. Mad at him, Jones shoots him and after the smoke is spread, Jeff and the tension created disappear altogether.

In the fourth scene a small gang of Negroes enter, dressed in stripped convict suits. Among them is the Prison Guard who points sternly at Jones to take his place with a shovel. At this moment Brutus Jones is praying God not to have anymore visions. But he can’t stand the Prison Guard give orders to him, and once again he kills him with his shovel as he did in his real life.

In the fifth scene tension increases as Jones’ mind is tired from the previous apparitions. However, there are yet to come. It is the moment Jones sees the vision of an auction and the Auctioneer who points at Jones and invites the planters to give their bids. Jones is relieving his agony once again. And once again he shoots at the auctioneer and the planter at the same time.

In the sixth scene the tension increases as the Negroes appear naked only in a loin cloth, silent and motionless, but accompanied by the rapid tom-toms of the natives.

In the seventh scene the Witch-Doctor appears with antelope horns and summons the Crocodile God which requires the sacrifice of Brutus Jones, who eventually kills himself.

The eighth scene is the moment where reality comes back and nightmares are gone, it constitutes the resolution of the whole drama.

Therefore, we conclude that this play offers different climaxes for each of the central six scenes, in which the increase in Jones’s tension is accompanied by the increase in the rhythm of the tom-toms.

Dialogue is as well an important element in expressionistic drama. It is usually telegraphic and most often substituted by music. In this play, O'Neill made less use of dialogue, mainly in the first and last scene and an extensive use of monologue in the other six scenes which describe the journey of Brutus Jones in his subjective self-search. It is a monologue which makes us feel his escalating terror. This monologue is accompanied by the regular drum beat of the natives which starts at the pulse rhythm and then increasingly accelerates to go with the increasing terror of Brutus Jones as his visions appear one after the other until the end. In order to show the incapacity of language to express one's feelings and the workings of the mind, O'Neill often makes Jones stutter as in the moment he sees Jeff "[*He stares fascinatedly at the other who continues his mechanical play with dice. Jones' eyes begin to roll widely. He stutters.*] Ain't you gwine – look up – can't you speaks to me? Is you – is you – a ha'nt?" [EJ p32], or when the Auctioneer appears and the Planters give their bids "[Over his face abject terror gives way to mystification, to gradual realization – stutteringly] What you all doin', white folks? What's all dis?" [EJ 41]. Elsewhere Brutus Jones' monologue has immediate interruptions and changes in topic. O'Neill often makes use of silence to show what language cannot tell.

For a drama to fall under the expressionism genre, it should not only have an incoherent and disjointed plot with quick scenes having different climaxes, but it should also have instrumental characters; characters who are able to represent the everyman and all the torturing issues of that group of the society he represents. In his *Modern Drama in Theory and Practice, Volume IV: Expressionism and Epic Theatre*, Styan argues that expressionistic characters,

"lost their individuality and were merely identified by nameless designations, like "The Man", "The Father", "The Son", "The Workman", "The Engineer", and so on. Such characters were stereotypes and caricatures rather than individual personalities, and represented social groups rather than particular people".⁴

Analyzed in this point of view, Brutus Jones is an expressionistic character. He does not only represent himself, but he is merely a stereotype of all tortured, guilt-trodden people of a suppressing society. As Jordan Miller cites in his study "It is aimless to criticize this play because it "does not elevate the Negro" since it could have been written about any race anywhere."⁵

⁴ Styan, p.5

⁵ Miller, p290

Lionel Trilling writes on the back cover of a collection of three dramas *Anna Christie*, *The Emperor Jones*, *The Hairy Ape* that,

“The emperor, Brutus Jones, does not typify the Negro. He typifies all men with their raw ignorance and hysterical fear under the layers of intellect.”

However, this type of characters and this plot line, in order to reveal themselves need an appropriate environment and that is the stage with its enthralling effects and décor. In *The Emperor Jones* O’Neill makes use of a sky dome in the upper part of the stage in order to play with lighting effects. This dome made it possible to diffuse light and transform a small stage so that it attained a dream-like quality in an open and infinite-like stage. Through this, O’Neill attempted to reveal a psychic journey for the character which relied on the transition from light to darkness, in which the darkness reflected a departure from the physically defined world to the amorphous dynamics of the mind. The physical world, represented by a night-time venture through a forest, is transformed into a psychic nightmare. Experimental scenic elements, in this instance lighting, enable the transition.

Another innovative scenic element is the sonic scheme which featured a drum beating throughout the entire production. O’Neill, always voracious with regard to the background reading he did for a play, explained that he was inspired by his “reading of the religious fests in the Congo and the uses to which the drum is put there; how it starts at a normal pulse-beat and is slowly intensified until the heart-beat of every one present corresponds to the frenzied beat of the drum. In this drama, the drum beat functioned to represent both the ceremonial element of the natives’ hunt for Jones as well as a suggestion of the inner intensity that Jones experienced during his flight through the jungle. In this way, O’Neill relied on the drumbeat, just as he had on his use of lighting, to pivot from a recognizable realistic world to the dream world of Jones’s inner psyche.

Another experimental sonic element that is associated with expressionism is rapid sequencing of scenes, like the cuts and shifts in a movie. Jones’s pistol shots signal the quick shifts from scene to scene. Scenes three through seven culminate with him firing at some imagined demon. The stagecraft conflates with realistic objects and acts with subjective impulses, such as using a pistol to shoot an apparition. These juxtapositions reveal the seams of expressionism and are among the most overtly symbolic moments of the production.

Acting is also different from the ordinary plays. More than once, O’Neill underlines in his long stage directions that actors should perform

mechanical movements. For instance, Jeff in scene three [*He is throwing a pair of dice on the ground before him, picking them up, shaking them, casting them out with the regular, rigid, mechanical movements of an automaton.*] [EJ, 31] The movements of prisoners in scene four are those of automatons. Jones enters the line and he too starts to shovel with mechanical moves. In scene five O'Neill describes the planters in the auction as performing "*marionettish movements*". Whereas in scene seven, Jones' dance becomes "*clearly one of a narrative in pantomime*".

One of O'Neill's greatest assets was his ability to develop sets so that they achieve symbolic poignancy. In scene one, the throne room represents the corrupt nature of Jones's monarchy. The dramaturgy, with its emphasis on expressionistic exaggerations, subverts the normative expectations of what a throne room looks like. In scene one at the palace:

In the right wall, center, a small arched doorway leading to the living quarters of the palace. The room is bare of furniture with the exception of one huge chair made of uncut wood which stands at the center, its back to rear. This is very apparently the Emperor's throne. It is painted a dazzling eye-smiting scarlet. There is a brilliant orange cushion on the seat and another smaller one is placed on the floor to serve as a footstool. Strips of matting, dyed scarlet, lead from the foot of the throne to the two entrances. (EJ 3)

In order to distinguish Jones's corruption as a monarch, deviates and distorts the portrayal of the throne itself. The choice of color as well as the rough hewn construction of the throne challenges an audience by violating expectations of what a throne should look like. Purple and other more muted, rich colors are generally associated with a monarch's throne room and the "dazzling, eye-smiting scarlet" is an overt perversion of the conventional norm of representation. Its use is intended to force the audience to make sense of the distorted qualities, specifically to connect the brilliant red with the tainted quality of Jones's monarchy.

Another scenic element which complements the throne set is the Emperor's costume. O'Neill's stage directions develop Brutus Jones's wardrobe in great detail; his costuming, just as the throne room, is characterized by its expressionistic quality.

In making Jones an emperor, O'Neill accessorizes the character's costume with garish and colorful items. In this way, the wardrobe has the obvious capacity to identify Jones as emperor and more specifically as a corrupt emperor. The uniform is consistent with the throne room set in that it perverts the norms of what an emperor should look like and challenges an audience to decipher the costume's symbolism. Its garish quality, particu-

larly the red pants which may be more suited to a clown's costume than an emperor's, suggest that Jones is a buffoon and a pretender. In addition, the uniform, and particularly the pistol, convey a sense of Jones's physical power. O'Neill's thesis, that fate's relentless forces overwhelm our frantic physical efforts, is developed as it becomes apparent that Jones's power, as represented by the uniform, is ephemeral and illusionary.

Conclusion

The Emperor Jones' dramaturgy is a combination of varied experimental scenic units. The sum of the parts, result in an effect that is charged with thematic significance. The influence of expressionistic technique resulted in a play that was revolutionary in American theatre. It transcended the parameters of melodrama and rewarded O'Neill's desire to create drama dependent on experimental scenic elements. The play's critical and popular success inspired him towards further experimentation.

Literature

1. Bigsby, C.W. *A Critical Introduction to Twentieth-Century American Drama. Vol. 1: 1900-1940*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.
2. Bogard, Travis *Contour in Time: The Plays of Eugene O'Neill*. Rev. ed. New York: Oxford University Press, 1988.
3. Bogard T, Bryer J. *Selected Letters of Eugene O'Neill*, 1988
4. Cramer, J.J. *Expressionism in Eugene O'Neill and Elmer Rice*, National Library of Canada, 2000.
5. Gelb, Arthur and Barbara. *O'Neill: Life with Monte Cristo*. New York: Applause, 2000.
6. Miller, Y. Jordan, *Eugene O'Neill and the American Critic*, Hamden Archon Books London, 1962.
7. O'Neill Eugene, *Anna Christie, The Emperor Jones, The Hairy Ape*, Vintage Books Edition, November 1972;
8. Perrault, Paul *Expressionism in Eugene O'Neill*. Quebec: Laval University Press, 1966.
9. Sherf, Mark *A Study of the Development of Eugene O'Neill's Dramaturgy Through a Reconstruction of Significant Productions, 1916-1964*, Drew University, October 2003.
10. Styan, J.L. *Modern Drama in Theory and Practice, Volume IV: Expressionism and Epic Theatre*. Cambridge: Cambridge University Press, 1981.

**STUDENTS' INVOLVEMENT
IN PROJECT WORK IN UNIVERSITY CONTEXT**

Vjollca Hoxha

Project work is not a new teaching method. Its benefits have been widely recognized in teaching many different subjects, language teaching as well. It is a highly adaptable teaching methodology and can be used at every level, from beginner to advanced, and with all ages. Project work is important because it is among those activities which foster students' autonomy. This paper focuses on how students of the Faculty of Foreign Languages, University of Tirana are involved in project work, their beliefs and attitudes in relation to project work, constraints they may have encountered in carrying out projects and some solutions to these constraints. It is based on a questionnaire given to students of foreign languages on project work and project work done by them in the English Teaching Methodology course.

Keywords: project work, teaching methodology, project-based learning, 21st century skills.

Introduction

The way we live, work, play and learn has been greatly transformed by technology and the new inventions over the past years. Today we need more different skills than we did in the 20th century, and the educational system and institutions have a crucial role to play in developing those skills.

Project-based learning (PBL) helps students develop 21st century skills which will aid them in becoming productive members of our society. Being used as a teaching method, project work can encourage reflective thinking and problem solving skills and at the same time develops the teamwork and collaboration skills which are highly prized by prospective employers. Problem based learning which originally began in the 1970s as part of McMaster University's medical curriculum in Canada [Neville, 2009] has been adopted by educational institutions of all levels and by educators in many fields. It includes activities which involve several skills and focus on a theme of interest more than on specific language tasks helping students to develop their imagination and creativity. When doing a project students work in group and they develop skills on how

to plan, organize, negotiate, make their points, and arrive at a consensus about issues such as what tasks to perform, who will be responsible for each task, and how information will be researched and presented. These are important skills for living successful lives [Stein, 1995]

“Project-based learning is a model for classroom activity that shifts away from the classroom practices of short, isolated, teacher-centered lessons and instead emphasizes learning activities that are long-term, interdisciplinary, student-centered, and integrated with real world issues and practices.” [Asan & Haliloglu, 2005].

Project work must rank as one of the most exciting teaching methodologies a teacher can use. It truly combines in practical form both the fundamental principles of a communicative approach to language teaching and the values of good education. It has the added virtue in this era of rapid change of being a long-established and well-tried method of teaching. [Hutchinson, 2001]

In the future, students will enter a workforce in which they will be judged on their performance. They will be evaluated not only on their results, but also on their collaborative, negotiating, planning and organizational skills. By implementing PBL, we are preparing our students to meet the 21st century requirements with a number of skills they can use successfully.

Problem of research

Teacher education in Albania has undergone a number of changes in the last few years in order to produce teachers who can teach knowledge, skills and values. This has been done by reflecting the new theories, discoveries and innovations occurring in the world as well as in our society. Albania in the 21st century will need people who have 21st century skills like problem-solving and critical thinking, creativity, analyzing, creating and offering solutions to problems, capable to live and work at home and abroad. In the Foreign Language Program it is introduced that one of the teaching methodologies is project work [The Republic of Albania, The Institute of Education Development, Foreign Languages Curricula Guide, -12 page 44, Tirane 2010].

In the 21st century PBL is at the center of a global shift in education, from the traditional focus on teacher-led instruction to “a new focus on the self-directed learner”. [Markham, Mergendooler, Learner, & Ravitz, 2003]. Consensus is growing among scholars and educators that PBL is one of the most promising vehicles for promoting 21st century skills in

the classroom [Barron & Darling-Hammond , 2008]; [Hong Kong Curriculum Development Council, 2001]; [Pearlman, 2006]; [Sawyer, 2006].

The main aim of pre service education is to prepare teachers who are able to continue to develop professionally after they graduate. The students need to deal with a vast range of information that relates to the rapidly changing nature of the educational environment, they must develop their capacity to become life-long learners. Through PBL students take control of their learning, the first step as lifelong learners. Being engaged in project work while at university teacher students will acquire the necessary skills to take part and teach through project work

Research Focus

Many countries are being confronted with a situation where there exists a gap between the skills and knowledge necessary for future success and the current education system which is designed to transmit a fixed body of knowledge to students rather than prepare them with the skills and abilities of starting a lifelong journey of creative thinking and active learning.

“Education is at the heart of human progress. Economic and social prosperity in the 21st century depend on the ability of nations to educate all the members of their societies to be prepared to thrive in a rapidly changing world. An innovative society prepares its people to embrace change...” [G8 Summit Statement 2006, St. Petersburg]

In PBL students obtain the meaning of what they learn by collaboratively working to solve complex, real-world problems rather than being taught from textbooks.

The research focuses on how teacher students of the Faculty of Foreign Languages, University of Tirana are involved in project work, their beliefs and attitudes in relation to project work, constraints they may have encountered in carrying out projects and some solutions to these constraints.

Methodology of research

General Background of Research

Project work involves students and they learn knowledge and skills from a number of complex tasks such as designing and planning, solving problems, making decisions, creating products and communicating results.

The reform in the Albanian education system has asked for changes and despite the great importance put on foreign language teaching, the

change in the introduction and implementation of the new methodology is slow. The new curricula in foreign language teaching in pre university education has explicitly emphasized the importance of using project as a technique of teaching and learning the foreign language. But the teaching practice in schools shows that teachers are merely projectors of the traditional model they had created during their own education. Thus, project work was difficult, and still is, to be implemented as a part of teaching methodology in every course.

The study is organized in two main phases. Firstly a questionnaire was given to the students and the data analysis gave an insight on the knowledge and skills of teacher students related to project work.

In the second phase the students are given some project work to do during the English Teaching Methodology course. Their work is carefully observed to understand which are the benefits and some of the constraints they might have encountered.

Sample of Research

The sample of research consists of 120 students of the Faculty of Foreign Languages, 2011-2012. They took Language Teaching Methodology course. It is a full time course. Students' age ranges from 20-30, with a mean of 23.4. Most of the students, 96 of them (80%) are females and 24 (20%) are males. Females outnumber males in teacher education programs in Albania due to a general belief that teaching is a profession for females. The teaching profession has been feminized to a great extent in every researched country in the Western Balkans [Pantić, 2008]. Only 32 of them (26.6%) have had a teaching experience, mainly in private courses.

Instrument and Procedures

PBL is a powerful tool in the hands of a teacher. It requires a great deal of investment on the part of the teachers to become effective facilitators. Designing and implementing a good project requires efforts on the teacher's part; they need to make sure of using project work at the right time and for the right reasons. It also requires efforts from the students, who may be used to being told exactly what to do.

The data for this study were drawn from university classroom observations, a questionnaire and project work done by students of Faculty of Foreign Languages, English Department in the English Teaching Methodology course in the academic year 2011-2012. The questionnaire consisted of an introductory explanation of its content and aims. A combina-

tion of open and closed questions was used to understand how the students are involved in project work, their beliefs and attitudes in relation to project work and constraints they may have encountered in carrying out projects. The questionnaire was distributed among students who had the necessary time to answer all the questions. An essential part of the questionnaire was teachers' competency to direct a project work, divided in: ability to recognize situations that make for good projects, taking up new roles as facilitators, managing the learning process, collaborating with colleagues to develop interdisciplinary projects, developing authentic assessment ; and the question about the frequency of involvement in project work. The respondents answered according to Likert scale ranging from 1 (not important at all) to 5 (extremely important) in the first case and from 1(never) to 5 (always). The second phase of analysis included closely observations of all the stages of project work done by the students starting from project design to project delivery. The time in disposal for the project was 15 weeks and the students were divided in groups of eight.

Results of research

The students showed vivid interest in participating in the questionnaire and all of them (100%) said that had previously been involved in project work, since project work is being required as a teaching methodology in high schools as well. Nevertheless, they (92%) said they wished they could be exposed to more project work. On average they conduct one project during the whole academic year, in one discipline.

The respondents' answers to the questionnaire and observations of their project work led to the following table of benefits:

Table 1. Benefits from project work

Results	Number	Number of responses	%
Creativity	120	95	79.16%
Teamwork	120	110	91.6%
Critical thinking	120	82	68.33%
Motivation	120	115	95.83%
Communication	120	100	83.33%
Self-direction/Autonomy	120	102	85%
Use of Technology	120	120	100%
Language skills	120	70	58.33%

In PBL, students often work on a real-world problem or issue that has importance to people beyond the classroom and this requires being creative and coming up with new ideas. Students said they had to combine knowledge and skills belonging to different disciplines, and find new solutions that met a real need. Thus, project work is not just a mere reproduction of what is in the books, it requires from students to apply what they learn to find solutions to a complex problem. Students explore an issue from a number of perspectives, learning how to ask the right questions, gathering relevant information and synthesizing a solution. Since students are involved in purposeful communication to complete authentic activities, and they have the opportunity to use language in relatively natural contexts [Haines, 1989] and engage in activities which require authentic language use, there is noticed an improvement in their language skills as well.

Typically, PBL involves teamwork. Students really appreciated the fact that project work can help them become effective collaborators and work together with others to continuously advance their understanding, preparing them for the job market in the 21st century.

A project is a product through which students communicate their ideas and learning to others. They present it to an audience and through this process they learn important communication skills such as how to organize a presentation or capture and maintain audience interest. Since students emphasized that they mostly conduct technology-supported projects, they also learn how to use ICT tools in context. Their skills of accessing real-world data, collaborating in distance and creating multimedia presentations of their project are impressively improved.

PBL gives students more control over their learning. Respondents said they had to plan the steps of the project themselves, seek the resources they needed as well as design the final product. 94% of the students said that completing a project gives them a real sense of achievement.

According to respondents' answers skills that project work enhances can be grouped in:

Intellectual skills: Using their imagination, planning, describing, hypothesizing, drawing conclusions, reading

Social skills: cooperating, sharing, making decisions together, appreciating individual contributions in making a successful whole

Physical/ motor skills/ ICT skills: painting, drawing, coloring, cutting, folding, gluing, writing, using different software programs (PowerPoint, etc.)

Learner Independence skills: getting information, making responsible choices, trying things out, evaluating results

Table 2. Constraints in project work

Results	Number	Number of responses	%
Lack of time	120	120	100%
Lack of resources	120	88	73.33%
Transformed teacher roles	120	70	58.33%
Administrative support	120	60	50%
Use of L1	120	90	75%
Teamwork Problems	120	103	85.83

The observations and respondents' answers show that there is lack of time to fully design and deliver a project. Students overloaded with subject matter find no time to dedicate to a project and they say that there is a tendency in Albanian schools to aim at memorizing facts. In terms of instructional time, projects can actually save time if standards and content are delivered through, and not separate from, the project.

This research showed that one of the most important constraints in project work was teamwork problems. Albanian students, being not very much familiar with group work, responded that they feel more comfortable working alone. Among of the problems listed were: poor students prefer group work because they avoid taking responsibilities, there are disagreements about task divisions, dominance of some students over the others, a sense of competitiveness. Teachers should make it clear to students that project work is directed towards cooperation rather than competitiveness. It was also evident that some students were not comfortable with the possibility of having an option (such as, topic selection, team formation) and required an intervention on the part of the teacher. Not being used with the new roles a teacher should take in PBL, that of a facilitator, a guide, 65 students out of 120 preferred being told what to do.

Use of L1 was frequently noticed during group discussions and without the teacher's making an observation they wouldn't return to using the target language. Through practice and more involvement in project work the use of the target language would become a habit. The teacher used "a punishment" for the student that overused L1 by giving extra work to do.

What disturbed more the students during their project work was lack of resources. Our university doesn't have an on-line library and neither digitalized data of the existing libraries. Students used the internet mostly and some of them bought a few books on line.

Project work and educators

Educators' role in project work should be less dominant. They are facilitators and not the only source of knowledge or provider of all solutions. Teachers assist project work as fellow learners, coordinators. At all stages of project work the teacher should suggest ideas, provide references, provide alternatives to a situation or stimulate students to think. Great importance should be given to the first phase, that of the preparation for the project. Preparation, then, is the key to make project work a success. [Hutchinson, 2001]. Taking the role of a guide or facilitator is not the way that most educators were taught, nor even the way they were taught to teach. Thus, a suggestion to improve project work in Albania would be to improve teachers knowledge and skills in project conducting by giving them all the administrative support needed as well as providing some kind of training. Professional collaboration among teachers is another way of improvement. Being able to share with colleagues, project ideas, strategies, resources, and results can make a great difference for educators, especially during the early stages of their career or PBL efforts.

Conclusions

Project work helps to bridge the gap between language study and language use. It answers the frequent students' question "Why do we need to learn this?". The experiences during a project are real and not only give students a sense of excitement and achievement because of producing a product of their own, but they also allow the students to see how language operates in the real world. Through PBL students become 21st century people possessing all the 21st century skills and knowledge needed to survive and find a job once they leave the secure territory of the university.

The study shows that students of the Faculty of Foreign Languages, University of Tirana are not adequately involved in project work. Being a new methodology, it is still not fully implemented in our university. Students are aware of most of the benefits project work brings and are enthusiastic about being engaged in more PBL. As a result there should be more administrative support in order for PBL to become a norm in our universities. Training for teachers should be offered, more recourses

should be available for our teachers and students so that students of today will be good teachers of tomorrow.

References

1. Barron, B., & Darling-Hammond, L. (2008) *Teaching for meaningful learning: A review of research on inquiry-based and cooperative learning in Powerful learning: What we know about teaching for understanding*. San Francisco, CA: Jossey-Bass.
2. Council of the European Union (2007). *Conclusions of the Council and of the Representatives of the Governments of the Member States, meeting within the Council of 15 November 2007, on Improving the Quality of Teacher Education*. Official Journal of the European Union, 12 December 2007, C 300/6-9.
3. Fried-Booth, D. (2002) *Project Work*. University Press. New York.
4. Hutchinson, T. (2001) *Introduction to Project Work*. Oxford University Press. England.
5. MES (2008). *National Strategy of Higher Education (2008-2012)* Tirane.
6. Neville, A.J. (2009). Problem-based learning and Medical Education Forty Years On. *Medical Principles and Practise*, 18, 1-9.
7. Pantić, N. (Ed.). (2008) *Tuning Teacher Education in the Western Balkans*. Belgrade: Centre for Education Policy.
8. Pearlman, B. (2006). *New skills for a new century: Students thrive on cooperation and problem solving*. Edutopia Magazine.
9. Sawyer, R.K. (2006). *Education for innovation*, *Thinking Skills and Creativity*, 1, 41-48.
10. Stein, S. (1995). *Equipped for the future: A customer-driven vision for adult literacy and lifelong learning*. Washington, DC: National Institute for Literacy. (ED 384 792)
11. Thomas, J.W., Mergendoller, J.R., and Michaelson, A. (1999). *Project-based learning: A handbook for middle and high school teachers*. Novato, CA: The Buck Institute for Education.

**ИСТОЧНИКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ С КОМПОНЕНТОМ ИМЕНЕМ СОБСТВЕННЫМ
(НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО, РУССКОГО
И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ)**

Г. Р. Ганиева

Статья посвящена фразеологическим единицам с компонентом именем собственным в английском, русском и татарском языках. Предлагается разделение фактического материала по этимологическому принципу. Подробно рассматриваются индетерминированные фразеологические единицы в исследуемых языках.

Ключевые слова: фразеологические единицы, имя собственное, лингвистика.

Фразеология больше, чем любая другая часть словарного состава языка, тесно связана с историей, традициями и литературой народа, говорящего на данном языке. Это ее свойство особенно ярко проявляется в фразеологических единицах (ФЕ), компонентом которых является имя собственное (ИС).

Одним из основных вопросов изучения данной группы ФЕ является этимология ИС и, следовательно, всей ФЕ, так как этимология ФЕ и ее семантика непосредственно связаны с этимологией ИС и в значительной степени базируются на ней.

Весь фактический материал нашего исследования по характеру генезиса был разделен на два больших класса:

1) детерминированные ФЕ (ФЕ, в составе которых ИС генетически восходит к определенному (утраченному или существующему денотату);

2) индетерминированные (ФЕ, обнаруживающие отсутствие первичного денотата).

В данной статье рассматривается этимология индетерминированных ФЕ.

Согласно определению, в индетерминированных ФЕ ИС является традиционным, популярным у данной нации. Например, имя *Jack*, фигурирующее более чем в 40 фразеологических единицах, ассоциируется чаще всего с веселым парнем, разбитным малым, провор-

ным и хитрым, порой плутоватым. Также данное имя употребляется вместо слова *man* «мужчина», «человек вообще» [1. С. 14].

Нами было отобрано 45 ФЕ с именем *Jack*. Приведем примеры некоторых из них: *climb like a steeple Jack* **лазить как верхолаз**; *Jack in the low cellar* - **ещё не родившийся ребёнок, ребёнок в утробе матери**; *Jack Drum* - многолюдная вечеринка [Этим. т.к. похожа шумом на бой барабанов во время рекрутского набор; *Jack Adams* – дурак; *Jack of (on) both sides* - (уст. или диал.) тот, кто служит и вашим и нашим; *before you can (could) say Jack Robinson* – (разг.) немедленно, моментально; сразу же, тут же; = в два счета, в мгновение ока; и опомниться не успел; не успел и глазом моргнуть; *Jack among the maids* - дамский угодник, кавалер.

Этимологически имя *Jack* имеет одинаковые корни с именем *John*: Имя *John* используется в 30 ФЕ, исследование показало, что большинство ФЕ с ИС *John* имеют американское происхождение. Приведем примеры:

big John (воен. жарг.) – новобранец; *dear John letter* - записка или письмо от женщины с сообщением о разрыве [вошло в обиход во время 2-ой мировой войны]; *John Barleycorn* – Джон Ячменное Зерно [олицетворение пива и других *спиртных и солодовых напитков*; *John (Jack) Blunt* – грубоватый (резкий, прямой) человек; *John Citizen* - рядовой гражданин, средний человек; *John (Tom) Collins* – напиток из содовой воды, джина, сахара, лимонного сока и льда.

Имя *Tom*, производное от *Thomas*, также часто используется в ФЕ (всего 23 ФЕ): *aunt Tom* (разг.) – деловая женщина, сделавшая карьеру на профессиональном поприще или в бизнесе, которая, благодаря своей «мужской» профессии не участвует в движении за права женщин; *blind Tom* – название игры «в жмурки»; *great Tom* – колокол в надвратной башне колледжа Крайст-Черч в Оксфорде; *Tom Long* – очень высокий и худой, долговязый человек, *соотв. русск.:* дядя Степа; *Tom fool* – дурак, шут, *Tom and Jerry* – крепкий пунш; *Tom and Jerry shop* низкопробный трактир.

Также широко в английских ФЕ используются имена *Peter*, *Betty* и др. Приведем примеры: *black Betty* (сленг) – пивная кружка; *kiss black Betty* (сленг) – выпивать; *brown Betty* (разг.) – яблочный пирог, *cousin Betty* – 1) *уст.* проститутка; 2) слабоумный, дурачок; *for the Pete's sake* – ради бога!; *sure Pete* (сленг.) – безусловно; *to pass (to go) through St. Peter's needle* – быть наказанным; получить наказание, хороший нагоняй, *соотв.:* небо с овчинку покажется;

long Eliza - высокая ваза из китайского фарфора; *aunt Emma* (шутл.) - вялый, безынициативный игрок в крокете. *little Mary* (разг., шутл.) – желудок; *old Nick* (или *Harry*) (шутл.) — враг рода человеческого, дьявол, сатана; (разг.) – человек, всегда причиняющий неприятности, проблемы; непослушный; плохой; *tin Lizzie* амер. разг. дешёвый автомобиль; «фордик».

В русском языке ФЕ с традиционным именем собственным также многочисленны. Самыми распространенными именами в составе фразеологизмов *русского* языка являются имена Иван, Макар, *Фома*. Например: **Иван Иванович** – калмык; **Иван Елкин** – кабак; **был Иван, а стал болван, а всё вино виновато** – о спившемся, никчёмном человеке, о пьянице; **был у меня муж Иван – не приведи Бог и вам** – о неприятных жизненных ситуациях, обстоятельствах; **в одном кармане Иван тощий** (*постный*), **в другом Марья легишна** – о бедном человеке; **ростом с Ивана, а умом с болвана** - о глупом не по возрасту человеке; **строить из себя какого-то Ивана** (*диал.*) – зазнаваться, важничать; **бредет, как Ивашкин лапоть** – о медлительном человеке; *люди как люди, а Фома как бес; на безлюдье и Фома дворянин; не только гостей у праздника, что Фома с женою; не только людей, что Фома да Фадей.*

Также широко в ФЕ используются имена Алексей (Алеша, Леха), Семен (*Сеня, Сенька, Сенюшка*), Маланья, Варвара, Кузьма (*Кузька, Кузя, Кузенька*), Савва, Мартын, Филат, Еремей, Емеля, Егор. Приведем примеры: Алеха сельский – чрезмерно хвастливый человек; Алеша (Леша) бесконвойный – сумасбродный, неуравновешенный, с причудами человек; Алешки подпускать – шутить; хвастать; лгать; **Василий, бери по силе** – не стоит браться за непосильное дело; **Василий Иванович** – чуваш; **показать Кузькину мать** (*груб.-прост.*) – наказать кого-л., устроить кому-л. взбучку, выволочку; Афоня малохольный – неудачник и др.

В *татарском* языке наиболее широко используемыми традиционными, популярными именами в составе ФЕ являются *Гали* и *Вали* (более 10 ФЕ). Например: Вэли нигъмэт- устар. 1) Хозяин застолья, 2) человек, который содержит семью или кого-то еще; Вэли үз эшендэ, Гали үз эшендэ букв. Вали на своей работе, Гали – на своей, каждый занят своим делом, никому ни до кого нет дела; Гали Вэлигэ, Вэли Галигэ аудара (сылтый) – букв. Вали сваливает на Гали, Гали на Вали – свалить вину друг на друга и убежать, уйти.

В татарском языке обнаружены ФЕ с другими популярными именами: *Андулла (Абдулла) биясе мышши* – букв. засопела кобыла Габдуллы – говорится о человеке, который может внезапно уснуть; *сөнгелле Сөләйман* – букв. Сулейман с пикой – человек со злобными мыслями, злой, задирающий людей; *тыр - тыр Зариф* – везде успевающий, дельный человек, ловкий; человек, ходящий по закусточным, по кабакам; *Зифа зирәк* – (ирон.) говорится о неприглядном, но высокомерном человеке; *Галиәкбәр кантуры* – букв. контора Галиакбера, соотв. русск.: шарашкина контора [2. С. 14].

Таким образом, сопоставляя индетерминированные ФЕ в английском, русском и татарском языкам, нами было выявлено, что распределение ФЕ с компонентом ИС – традиционным, популярным ИС рассматриваемой нации, не связанным с конкретным денотатом пропорционально в исследуемых языках.

Список литературы

1. Загирова, З. Р. Лексико-семантические и функциональные параметры антропонима в составе фразеологических единиц в английском языке (в сопоставлении с фр., рус., тат. яз.) : автореф дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2003. 21 с.
2. Ганиева, Г. Р. Фразеологические единицы с компонентом именем собственным в английском, русском и татарском языках : автореф дис. ... канд. филол. наук. Казань, 2010. 21 с.

List of literature

1. Zagirova, Z. R. Leksiko-semanticheskie i funkcional'nye parametry antroponima v sostave frazeologicheskikh edinic v anglijskom jazyke (v sopostavlenii s fr., rus., tat. jaz.) : avtoref dis. ... kand. filol. nauk. Ufa, 2003. 21 s.
2. Ganieva, G. R. Frazeologicheskie edinicy s komponentom imenem sobstvennym v anglijskom, russkom i tatarskom jazykah : avtoref dis. ... kand. filol. nauk. Kazan', 2010. 21 s.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ФОНЕТИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ И ИНОСТРАННЫЙ АКЦЕНТ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ПРОИЗНОШЕНИЮ

Е. А. Будник

Статья посвящена описанию типов фонетической интерференции и причин возникновения акцента. Для этого в статье разграничиваются основные типы ошибок, подчеркивается связь фонологической системы и артикуляционной базы русского и родного языка студента-иностранца; приводится лингвистическое описание фонетической интерференции для предупреждения и ликвидации родного акцента.

Ключевые слова: фонетическая интерференция, акцент, типы интерференции, типы ошибок, билингв.

Под фонетической интерференцией понимается нарушение (искажение) вторичной языковой системы и ее нормы в результате взаимодействия в сознании говорящего фонетических систем и произносительных норм двух, а иногда и более языков, проявляющегося через интерференцию произносительных навыков, сформированных на базе данных взаимодействующих систем.

Внимание лингвистов, а также методистов и преподавателей – практиков, как правило, сосредоточено на отрицательном результате интерференции, его прогнозировании, исследовании и предупреждении, поскольку «отрицательный языковой материал» (Л. В. Щерба) в речи билингвов создает известные препятствия при общении.

Нарушения языковой системы как результат действия интерференции проявляется в речи иноязычных на всех ее уровнях, в том числе и на звуковом. В последнем случае принято говорить о фонетической отрицательной интерференции.

Когда в речи билингва имеют место нарушения звуковой системы неродного языка, их принято квалифицировать как результат действия фонологической или фонетической интерференции. У. Вайнрайх говорит о фонетической интерференции в широком смысле этого слова, подразумевая не только нарушения реализации фонем, но и разрушение их оппозиций [4. С. 25–60].

В более ранних переводах У. Вайнрайха мы обнаруживаем следующее деление интерференции на типы при анализе ее явлений во вторичной фонетической системе на фонологическом уровне [15]:

1. Фонемная недодифференцированность (*under-differentiation*), то есть неполная дифференциация фонем вторичной языковой системы (например, [a] -[a], [a:] : зад - Saat, satt).

2. Сверхдифференцированность в фонемном составе второго языка (*over-differentiation*) или сверхразличение (например, [л], [л'] – [1], [К]: ловко, Лёвка – leben, loben).

3. Реинтерпретация (*reinterpretation of distinction*) различий фонем вторичной системы представляет собой переразложение дифференциальных признаков фонем вторичной системы (например, признак глухой – звонкий для согласных фонем немецкого языка).

4. Субституция звуков речи (*actual phone substitution*) – это неразличение иррелевантных признаков фонем.

Следует заметить, что такие типы интерференции, как недодифференцированность, сверхдифференцированность и реинтерпретация, связаны с нарушением различительных дифференциальных признаков фонем. Напротив, субституция объединяет различного рода нарушения на уровне интегральных признаков.

Достаточно распространенным является неверное мнение, что фонетические ошибки в отличие от фонологических якобы несущественны с точки зрения распознавания смысла и поэтому вполне допустимы в речи иноязычных учащихся. Однако именно они позволяют локализовать проявление иноязычного акцента, «для анализа которого необходим системный подход» [9. С. 74].

Таким образом, как фонологические, так и фонетические отклонения в речи на неродном языке, неправильно сформированные в ходе овладения вторичной системой, свидетельствует о несформированности навыков, при помощи которых осуществляется заданная произносительная программа движения органов речи [7. С. 20].

Фонетическая интерференция проявляется как при восприятии, так и при производстве речи. В свою очередь, это означает, что она затрагивает перцептивную и артикуляционную базы, проявляясь в нарушении иерархии и взаимодействия слухопроизносительных навыков в речи на языке вторичной системы. Слуховые навыки формируются в соответствии с системой и нормой данного языка [8. С. 12].

Лингвистическое описание фонетической интерференции, как правило, начинается с прогноза ее явлений в речи носителей двуязы-

зычия. В этом смысле сопоставительный или сравнительный анализ звуковых систем, находящихся в контакте, позволяет с большей или меньшей степенью точности предсказать возможные нарушения вторичной звуковой системы. По мысли У. Вайнрайха, сопоставительный анализ пока что остается наилучшей исходной ступенью описания поведения билингва [4. С. 35]. Тем не менее, его значение не абсолютизируется, поскольку реальная картина фонетических нарушений в речи двуязычных может значительно отличаться от прогнозируемой. Данные сопоставительного анализа помогают вскрыть и объяснить причину конкретного искажения. «С позиции настоящего времени необходимо признать, что исследование фонетической интерференции будет наиболее результативным, если процедура «установления сходств и различий», предложенная Э. Хаугеном, будет дополнена объективным инструментальным анализом речи билингвов и аудиторским анализом восприятия особенностей их речи носителями данного языка» [8. С. 16].

Нарушение языковой системы проявляется в иноязычной речи на всех уровнях. Однако отрицательная фонетическая интерференция признается исследователями наиболее яркой. С точки зрения Н. И. Самуйловой это объясняется тем, что на родном языке фонетические «автоматизмы» наименее осознаваемы и потому «иностранный язык оказывается переполненным варваризмами, прежде всего в области произношения» [10. С. 8].

Фонетическая вариативность речи регулируется системой языка и может выступать только в определенных пределах, заданных системой языка и нормой ее реализации. Игнорирование фонетических нарушений допускается только для ситуации общения носителей одного и того же языка. Звучащая речь несет информацию о происхождении, уровне образования, социальном положении говорящего, звучащая иноязычная речь сообщает также о родном языке и уровне владения иностранным языком [14. С. 1].

Производство и восприятие речи на неродном языке «оказываются не согласованными по коду с системой данного языка. Речь, порождаемая на неродном языке, даже при достаточно высоком уровне владения им, обычно не бывает фонетически строго выдержанной в соответствии с требованиями системы и нормы данного языка» [9. С. 7]. Отклонения в произношении, обусловленные интерференцией, сопровождают изучение любого иностранного языка и являются прогнозируемыми [14. С. 85]. Фонетический акцент признается одним из признаков уровня владения языком.

Возникновение в процессе фонетической интерференции смешанного языка «когда два каких-нибудь языка образуют в уме лишь одну систему ассоциаций» приводит к появлению третьей системы, то есть промежуточной системы соответствий [11. С. 68]. Фонетическое оформление иноязычной речи и ее восприятие на этом языке осуществляется «по «правилам» промежуточной системы, парадигматические единицы которой не тождественны фонемам как первичной, так и вторичной системы» [7. С. 13]. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что «проявление фонетической интерференции происходит не хаотично, а обнаруживает свойственные данной группе индивидов закономерности» [7. С. 32].

Системность и предсказуемость фонетических нарушений речи на неродном языке делают возможным устранение ошибок при использовании сознательной опоры на родной язык (прогнозирование акцента).

Для предупреждения и ликвидации родного акцента одинаково важно рассмотрение как артикуляционного оформления речи, так и звуко-ритмического. При этом недостаточно простого подражания звуковому образцу иноязычной речи, необходим активный анализ, базирующийся на сравнении систем родного и русского языков при сознательном «отталкивании», по образному выражению Л.В. Щербы, от родного языка.

Звуковая интерференция зачастую рассматривается лишь как «плохое» или «не очень хорошее» произношение на изучаемом языке. Однако исследование фонетической интерференции приобретает особую актуальность именно в связи с решением вопроса о допустимости или, наоборот, недопустимости конкретных фонетических нарушений в речи на неродном языке. «Проблемы интерференции на фонетическом уровне является, пожалуй, одной из самых сложных и актуальных проблем современной лингвистики» [6. С. 8].

Исследование акцента, т.е. фонетических нарушений вторичной языковой системы в речи билингов, приобретает особую актуальность в связи с решением вопроса о допустимости или, наоборот, недопустимости конкретных фонетических нарушений в речи иноязычных.

Как правило, речь на неродном языке, даже при достаточно высоком уровне владения им, не бывает фонетически строго выдержанной в соответствии с требованиями системы и нормы данного языка, что в различной степени затрудняет процесс общения, делает его мало-результативным, а иногда и полностью невозможным. Фонетически неправильная речь требует от слушающего определенных усилий при

восприятию ее содержания. Обилие грубых ошибок не стимулирует интереса к общению не только со стороны слушающего, но и со стороны самого говорящего, испытывающего дискомфорт от общения в связи с артикуляторными трудностями. Тем не менее, понимание фонетически некорректной или, как говорил Л. В. Щерба [11. С. 133], «карикатурной речи» в элементарных ситуациях общения все же возможно. Более того, не все фонетические нарушения, объективно данные в речи иноязычного собеседника, вызывают отрицательную реакцию носителя данного языка. Практика общения свидетельствует, что некоторые из них могут остаться незамеченными в силу смысловой направленности процесса восприятия. В других случаях носитель языка, хотя и замечает искажения, но воспринимает их снисходительно и тем самым как бы «прощает», а значит, в известной степени и допускает их. В речи акцентные явления характеризуются неоднозначностью реализации, имеют различную степень проявления, устойчивости и допустимости с точки зрения носителей изучаемого языка. Все это делает акцент достаточно сложным объектом для изучения и требует применения разнообразных методов изучения.

Как известно, существуют два основных пути изучения акцента: сопоставительная фонетика и изучение фонетических ошибок учащихся [5. С. 40].

Когда говорят об обучении произношению, важно выделить и классифицировать основные типы ошибок иностранцев при произношении русских звуков. На основе этой классификации разрабатывается система упражнений для выработки правильной артикуляции звуков и устранения акцента. При составлении этих упражнений необходимо учитывать специфику русского и родного языков.

Произносительные ошибки по степени их значимости для понимания речи дифференцировал Л.В. Щерба, говоря об артикуляционных и фонологических ошибках. Ошибки первого типа он предлагал называть «ошибками выговора, или фонетическими», а второго – «звукосмысловыми, или фонологическими» [13. С. 13]. Первые искажают качество звучания, но не нарушают смысла высказывания; вторые – искажают содержание высказывания. По выражению Л. В. Щербы, «это будет уже разрушением смысла» [13. С. 13]. Нередко считается, что ошибки первого вида в речи учащихся допустимы, и поэтому при оценке ответов, как правило, во внимание они не принимаются. Но как раз это и ведет к «карикатурности речи», о которой писал Л.В. Щерба. Для исправления ошибок, как первого,

так и второго типов, т.е. для выработки произносительных навыков, обязательным условием является систематическое выполнение специальных фонетических упражнений.

Е. А. Брызгунова выделяет ошибки «фонологического», «артикуляционного» и «смешанного» типов. Ошибки фонологического типа связаны с неразличением в русском языке фонем, их дистрибуции и сочетаемости во всех или некоторых употреблениях. По утверждению Е. А. Брызгуновой, «ошибки возникают вследствие отсутствия этого различия в родном языке иностранца или вследствие того, что фонологическое различие построено по другим артикуляционным признакам» [З. С. 12]. Фонологические ошибки расцениваются как нарушение правильности речи, связанные с интерферирующим влиянием родного языка. Пожалуй, это объяснимо, так как это является переносом моторно-артикуляторных навыков. Тем не менее, усвоение артикуляции фонемы в подобных случаях не вызывает существенных затруднений. Е. А. Брызгунова акцентирует внимание преподавателя на упражнениях по сопоставлению смешиваемых звуков, например, глухих и звонких согласных.

Ошибки артикуляционного типа, связанные с отклонениями от произношения какой-либо фонемы русского языка, имеют соответствие в родном языке иностранца. Ярким примером может служить произношение шипящих ш и ж с более передней артикуляцией. Но Е. А. Брызгунова утверждает, что «ошибки артикуляционного типа еще не ведут к смешению фонем, так как не затрагивают основных фонологических признаков данной фонемы» и приводит пример: «фонема ч не противопоставлена по твердости – мягкости, поэтому произношение твердого ч создает иностранный акцент, но не ведет к смешению этой фонемы с другими» [там же]. Отклонение от нормы произношения является причиной «речи с акцентом», и именно ошибки артикуляционного типа создают одну из наиболее устойчивых черт иностранного акцента в русском языке.

Выделение ошибок смешанного типа связано как с различиями в артикуляции, так и с различиями в фонологической системе русского языка и родного языка иностранных учащихся. Примером может служить смешение признака твердости – мягкости ввиду отсутствия такого признака в родном языке. С подобной трудностью (артикуляция этих звуков и фонологическое их различение) сталкиваются представители многих языков, поскольку этот признак довольно специфичен и свойственен лишь небольшому количеству языков в мире.

По сравнению с ошибками фонологического типа выделение ошибок смешанного типа подчеркивает трудности как постановки артикуляции, так и выработки фонологического различения звуков. Как отмечает Е. А. Брызгунова, «выделение ошибок смешанного типа ориентирует преподавателя на цикл специальных упражнений, различающих задачи постановки трудной для иностранца артикуляции и выработки фонологического различения звуков» [3. С. 13].

Е.А. Брызгунова при работе над исправлением перечисленных ошибок вновь подчеркивает важность «слуховых упражнений, вырабатывающих восприятие звука на слух и предшествующих произносительным» [13. С. 13].

Надо заметить, что современные преподаватели-практики (Т.Т. Лайдинен, И. С. Просвирнина, Н. И. Рогозная, и др.) в своих методических статьях упоминают лишь два типа произносительных ошибок – фонетические и фонологические. Т. М. Балыхина и О.П. Игнатьева выделяют фонематические и нефонематические несовпадения, которые возникают в результате контрастного изучения языков. «Фонематические несовпадения порождают произносительные ошибки, в большинстве случаев неприемлемые, поскольку они препятствуют правильному пониманию высказываний, например: [голат] – город (ошибка из-за отсутствия фонемы [р] в ряде языков). Нефонематические различия по своему характеру могут быть фоническими, т.е. не зависящими от позиции звука, например: космана[хт] – космонавт /.../, или дистрибутивными, т.е. позиционными, например: п[ап]щать – пообещать (ошибка на произношение русских «двойных» гласных на стыке морфем)» [1. С. 60]. Нам кажется, что целесообразно выделение и методическое описание «смешанных» ошибок, являющихся результатом взаимодействия артикуляционной базы (АБ) и фонологической системы (ФС) контактирующих языков.

Таким образом, фонологическая теория помогает правильно понять причины ошибок иностранцев, разграничить основные типы ошибок, наметить пути их устранения, и разработать систему упражнений, учитывая особенности АБ и ФС русского и родного языка студента-иностранца.

Сопоставительный способ изучения акцента представляет данные о фонетико-фонологических различиях в системах взаимодействующих языков и раскрывает лингвистические причины многих типичных черт акцента. Он опирается на общefonетические и фонологические методы анализа контактирующих звуковых систем [2. С. 45]. Анализ фонетических ошибок, допускаемых учащимися в речи,

позволяет непосредственно обнаружить трудности овладения произношением и описать систему слухо-произносительных отклонений для того или иного типа акцента в учебных условиях.

Список литературы

1. Балыхина, Т. М. Лингводидактическая теория ошибки и пути преодоления ошибок в речи иностранных учащихся / Т. М. Балыхина, О. П. Игнатьева. М. : Изд-во РУДН, 2006. 195 с.
2. Барановская, С. А. Принципы сопоставления фонетических систем. // Тезисы научно-методической конференции кафедры русского языка, посвященной 10-летию УДН. М.: Изд-во РУДН, 1971.
3. Брызгунова, Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка. М. : МГУ, 1963.
4. Вайнрайх, У. Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. 6. М. : Изд-во Прогресс, 1972.
5. Галеева, М. М. О некоторых методах изучения иностранного акцента в русском языке. // Фонетические исследования в целях обучения иностранных студентов русскому произношению / Под ред. Петрянкиной В. И. М. : Изд-во РУДН, 1977.
6. Кузаль К. Воспроизведение и восприятие русских звуко-типов в иностранной аудитории. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1998.
7. Любимова, Н. А. Фонетическая интерференция. Л. : Изд-во ЛГУ, 1985.

List of literature

1. Balyhina, T. M. Lingvodidaktičeskaja teorija ošibki i puti preodolenija ošibok v reči inostrannyh uchawihsja / T. M. Balyhina, O. P. Ignat'eva. M. : Izd-vo RUDN, 2006. 195 s.
2. Baranovskaja, S. A. Principy sopostavlenija fonetičeskikh sistem. // Tezisy naučno-metodičeskoj konferencii kafedry ruskogo jazyka, posvjawennoj 10-letiju UDN. M.: Izd-vo RUDN, 1971.
3. Bryzgunova, E. A. Praktičeskaja fonetika i intonacija ruskogo jazyka. M. : MGU, 1963.
4. Vajnrajh, U. Odnojazyčie i mnogojazyčie // Novoe v lingvistike. Vyp. 6. M. : Izd-vo Progress, 1972.
5. Galeeva, M. M. O nekotorych metodah izučenija inostrannogo akcenta v ruskom jazyke. // Fonetičeskie issledovanija v celjah obuchenija inostrannyh studentov ruskomu proiznošeniju / Pod red. Petrjankinoj V. I. M. : Izd-vo RUDN, 1977.
6. Kuzal' K. Vosproizvedenie i vosprijatie ruskih zvukotipov v inostrannoj auditorii. Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1998.
7. Ljubimova, N. A. Fonetičeskaja interferencija. L. : Izd-vo LGU, 1985.

8. Любимова, Н. А. Фонетический аспект общения на неродном языке (в условиях финно-русского двуязычия). Л. : Изд-во ЛГУ, 1988.
9. Подольская, Т. Е. К вопросу о фонетической интерференции / Т. Е. Подольская, Т. С. Богомазова // Иностранные языки в школе. 1979. № 1. С. 71–80.
10. Самуйлова, Н. И. Вопросы лингвистического обоснования методики обучения произношению // Вопросы обучения русскому произношению : сб. статей. М., 1978. С. 8.
11. Щерба, Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л. : Наука, 1974.
12. Щерба, Л. В. Понятие о двуязычии. Критика некоторых возражений против иностранных языков в роли общеобразовательного предмета // Преподавание языков в школе. Общие вопросы методики. М. : Изд-во Academia, 2002.
13. Щерба, Л. В. Избранные работы по русскому языку. М. : Изд-во Учпедиз, 1957.
14. Hirschfeld, U. Der „fremde Akzent“ in der interkulturellen Kommunikation // Gesprochenen Sprache – transdisziplinär. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gottfried Meinhold. Hrsg. von M. Bräunlich, B. Neuber, B. Rues. Peter Lang Frankfurt a.M. u.a., 2001.
15. Weinreich, U. Languages in Contact: Findings and Problems. New York, 1953.
8. Ljubimova, N. A. Foneticheskiy aspekt obsheniya na nerodnom jazyke (v usloviyah finno-russkogo dvujazychija). L. : Izd-vo LGU, 1988.
9. Podol'skaja, T. E. K voprosu o foneticheskoj interferencii / T. E. Podol'skaja, T. S. Bogomazova // Inostrannye jazyki v shkole. 1979. № 1. S. 71–80.
10. Samujlova, N. I. Voprosy lingvisticheskogo obosnovaniya metodiki obuchenija proiznosheniju // Voprosy obuchenija russkomu proiznosheniju : sb. statej. M., 1978. S. 8.
11. Werba, L. V. Jazykovaja sistema i rechevaja dejatel'nost'. L. : Nauka, 1974.
12. Werba, L. V. Ponjatie o dvujazychii. Kritika nekotoryh vozrazhenij protiv inostrannyh jazykov v roli obweobrazovatel'nogo predmeta // Prepodavanie jazykov v shkole. Obwie voprosy metodiki. M. : Izd-vo Academia, 2002.
13. Werba, L. V. Izbrannye raboty po russkomu jazyku. M. : Izd-vo Uchpediz, 1957.
14. Hirschfeld, U. Der „fremde Akzent“ in der interkulturellen Kommunikation // Gesprochenen Sprache – transdisziplinär. Festschrift zum 65. Geburtstag von Gottfried Meinhold. Hrsg. von M. Bräunlich, B. Neuber, B. Rues. Peter Lang Frankfurt a.M. u.a., 2001.
15. Weinreich, U. Languages in Contact: Findings and Problems. New York, 1953.

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ НАВЫКОВ ШКОЛЬНИКОВ В ОБУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОМУ ЯЗЫКУ

Н. В. Кочевых

В статье рассматриваются традиционные и современные стратегии развития лексических навыков школьников в процессе обучения английскому языку, направленные на формирование и совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции путем расширения лексического запаса.

Ключевые слова: преподавание английского языка, коммуникативная компетенция, лексические навыки.

Обучение английскому языку в школе представляет собой целенаправленный процесс, решающий множество сложных и взаимосвязанных задач. Английский язык – не только знаковая система человеческого общения в современном мире, он представляет собой средство выражения внутреннего мира, средство формирования мировоззрения, национального самосознания ученика. Обучая английскому языку в школе, учитель должен создавать условия для эмоционального, духовно-нравственного, творческого и познавательного развития обучающихся, что даст им возможность изучать английский язык и совершенствоваться далее, самостоятельно, после окончания школы, нацелит на практическое использование английского языка как средство получения информации, изучение других иностранных языков на основе сформированных умений. Обучение английскому языку будет эффективным при использовании как традиционных, так и новых стратегий, основной целью которых является формирование и совершенствование иноязычной коммуникативной компетенции [5. С. 43]. В связи с этим, одной из основных проблем для учеников остается запоминание новых лексических единиц. Для расширения лексического запаса и лингвистического кругозора целесообразно использовать следующие известные и новые стратегии:

1. Связь лексических единиц и контекста – запоминание новых лексических единиц в контексте, в окружении уже знакомых слов, в известных ситуациях эффективен по принципу «мозаики» или «паз-

ла» - один кусочек потянет за собой следующий, тем самым, формируя устойчивые ассоциации.

2. Связь лексических единиц и эмоциональной реакции – как известно, положительные эмоции подчеркивают значимость произносимого и образуют устойчивые ассоциации, что способствует быстрому запоминанию.

3. Связь лексических единиц и цели их усвоения – при заучивании необходимо опираться на цель и значимость выполняемой учеником деятельности в процессе обучения для самого ученика [4. С. 132].

4. Использование различных цветов – при заучивании можно распределить новые лексические единицы по частям речи, выделить отдельно устойчивые выражения или определенным цветом выделять наиболее трудные для запоминания слова.

5. Эффективно использование различных шрифтов, также направленное на акцентирование особенностей лексических единиц, например, выделение ударного слога в слове, предлогов и наречий фразовых глаголов [3. С. 47].

6. Возможно переложение лексических единиц на мелодии любимых песен, что также формирует устойчивые ассоциативные связи на основе положительных эмоций.

7. Рифмовка лексических единиц – стратегия требует определенных усилий, но облегчит запоминание. Рифму лучше подбирать на иностранном языке. Рифма, подобранная на родном языке к лексической единице на иностранном языке, раскрывает суть метода фонетических ассоциаций, например, «никогда не забывай, «белый» по-английски «white»; «красный» – мой любимый цвет, красный по-английски «red» .

8. Лексические единицы можно трансформировать в пиктограммы (использование знаков, символов), рисунки, схемы, попробовать составить текст по данной теме и заменить слова символами.

9. Повторение лексических единиц в различных играх (подвижных, с предметами, макетами), подобранных в соответствии с возрастом обучающихся, индивидуальными особенностями, их уровнем владения языком. Например, наклеить на геометрические фигуры и собирать конструкции, или написать на красивом рисунке лексические единицы и их значение, части фразовых глаголов, идиоматических выражений, затем разрезать на части и предложить собрать как пазл.

10. Сопровождение произнесения лексических единиц мимикой, жестами, движениями, близкими по значению.

11. Применение аудио-лингвального метода – то есть введение, закрепление и повторение лексических единиц посредством учебных текстов, аудиокниг, фильмов и на языке-оригинале [2. С. 81].

12. Эффективно расположение лексических единиц на виду – не зря в каждом классе висят плакаты со схемами, спутниками времен, речевыми клише и т.д. Для облегчения запоминания можно предложить учащимся так же расклеить новые слова со значениями, транскрипцией дома в тех местах, где они чаще и дольше бывают. Важно отметить, что нужно использовать первое лицо единственное число при заучивании новых лексических единиц.

13. Носить запоминаемые слова на карточках с собой, образовывать из них словосочетания, формировать группы слов по каким-либо темам, систематически повторяя изученное с одинаковым промежутком времени.

14. Освоить правила словообразования – способствует развитию языковой догадки по основе слова. Зная основные словообразовательные суффиксы и префиксы, можно от глагола образовать прилагательное, существительное, например: move (v) moving (adj), moved (adj), movement (n) [7. С. 225].

15. Обращать внимание на словесное ударение – облегчит понимание значения слова в контексте (по части речи), а также фразовое ударение. Использовать игру «Wordweb» при работе со словарем – важно знакомиться сразу с несколькими значениями лексических единиц в словаре, возможно подбирать синонимы к новым словам.

16. При закреплении лексических единиц (например, в качестве домашнего задания) следует посоветовать ученикам учить новые лексические единицы в определенное время суток, примерно одинаковое количество времени, с проговариванием не менее 5 раз, постепенно увеличивая объем изучаемых слов. При самостоятельном изучении время занятия должно быть 20–30 мин.

Вышеперечисленные стратегии призваны способствовать: обогащению активного и потенциального словарного запаса учеников, что позволит достигать более высоких результатов не только при изучении английского языка, но и других учебных предметов; дальнейшему овладению общей речевой культурой; формированию допорогового уровня иноязычной коммуникативной компетенции; всестороннему развитию обучающихся.

Список литературы

1. Азимов, Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. М. : ИКАР, 2009. 448 с.
2. Гальскова, Н. Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М. : Просвещение, 2004. 144 с.
3. Гез, Н. И. Методика обучения иностранным языкам в школе / Н. И. Гез, М. В. Ляховицкий, А. А. Миролюбов. М. : Просвещение, 2004. 125с.
4. Краевский, В. В. Общая методика обучения иностранным языкам в средней школе. М. : Академия, 2003. 245 с.
5. Пассов, Е. И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению. М. : Академия, 2005. 223 с.
6. Соловова, Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. М. : Просвещение, 2002. 239 с.
7. Щукин, А. Н. Обучение иностранным языкам. М. : Филоматис, 2007. 480 с.

List of literature

1. Azimov, Je.G. Novyj slovar' metodicheskikh terminov i ponjatij (teorija i praktika obuchenija jazykam) / Je. G. Azimov, A. N. Wukin. M. : IKAR, 2009. 448 s.
2. Gal'skova, N. D. Sovremennaja metodika obuchenija inostrannym jazykam. M. : Prosvewenie, 2004. 144 s.
3. Gez, N. I. Metodika obuchenija inostrannym jazykam v shkole / N. I. Gez, M. V. Ljahovickij, A. A. Miroljubov. M. : Prosvewenie, 2004. 125s.
4. Kraevskij, V. V. Obwaja metodika obuchenija inostrannym jazykam v srednej shkole. M. : Akademija, 2003. 245 s.
5. Passov, E. I. Kommunikativnyj metod obuchenija inojazychnomu govoreniju. M. : Akademija, 2005. 223 s.
6. Solovova, E. N. Metodika obuchenija inostrannym jazykam. M. : Prosvewenie, 2002. 239 s.
7. Wukin, A. N. Obuchenie inostrannym jazykam. M. : Filomatis, 2007. 480 s.

ЗНАЧЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УСЛОВИЙ, НЕОБХОДИМЫХ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

А. З. Насиханова

В статье освещаются вопросы создания необходимых организационно-педагогических условий формирования иноязычной компетенции. Рассматриваются такие условия формирования иноязычной компетенции как создание согласованных языковых программ, отвечающих программным целям материалов, развитие мотивации. Статья затрагивает проблемы моделирования условий профессиональной коммуникации в учебном процессе.

Ключевые слова: иноязычная компетенция, условия, моделирование, речевые ситуации, интенсивный метод.

Подготовка специалиста, обладающего достаточным уровнем сформированности иноязычной компетенции, требует создания комплекса педагогических условий, нацеленных на повышение эффективности образовательного процесса. Задачу создания необходимых педагогических условий можно рассматривать с методической, информационной, психологической и материально-технической сторон. Актуализация компетентностного подхода обусловлена необходимостью подготовки специалиста, обладающего мобильностью, способного действовать в изменяющихся условиях. Улучшение качества подготовки не достигается лишь увеличением количества информации, перед преподавателем стоит задача обоснованно отобрать такой иноязычный материал, который бы способствовал творческой деятельности студентов и побуждал их к самостоятельности. Подготовка учащихся высших учебных заведений предполагает формирование умений и навыков, применимых в будущей профессиональной деятельности. В настоящее время существуют расхождения в требованиях по обучению в различных типах образовательных учреждений, знания абитуриентов не всегда соответствуют требованиям по иностранному языку высшего учебного заведения. В связи с этим назрела необходимость создания согласованных языковых программ, нацеленных на обеспечение преемственности в

обучении. В процессе обучения в вузе достижение уровней развития иноязычной компетенции возможно при создании соответствующих организационно-педагогических условий, к которым традиционно относят благожелательную и требовательную атмосферу, развитие мотивации студентов в конечном результате. Н. С. Сахарова определяет следующие организационно-педагогические условия: определение стратегий обучения и научения, такую организацию учебного процесса, которая опиралась бы на приоритеты в самостоятельной и аудиторной работе, создание отвечающих программным целям материалов, умение преподавателей построить партнерские отношения со студентами [3].

Формирование профессиональной специфики обучения достигается при помощи отбора иноязычных коммуникативных ситуаций, соответствующих будущей профессиональной деятельности. Содержание учебного материала должно соответствовать тем учебным дисциплинам, которые изучаются студентами в ходе профессиональной подготовки. Помимо создания атмосферы психологического комфорта задачей преподавателя является моделирование условий профессиональной коммуникации в учебном процессе. Поскольку обучение должно быть направлено на реализацию в речи коммуникативных намерений, то для достижения указанной цели весьма важно создание и использование речевых ситуаций на занятиях по иностранному языку, поскольку ситуация в значительной мере определяет речевое поведение коммуникантов. Создание подобных ситуаций в реальной коммуникации диктуется самой жизнью, в учебных же условиях реально существует только одна ситуация – учебная, когда преподаватель и обучаемый общаются с целью научить и научиться чему-либо. В реальной жизни человек общается совсем в иных обстоятельствах, отсюда вытекает необходимость создания естественных ситуаций в учебном процессе. Поскольку ситуация в учебном процессе должна отражать не только все присутствующие языковые особенности, но и экстралингвистические средства.

В настоящее время все большей популярностью пользуются интенсивные методы обучения иностранным языкам. Существует множество разновидностей интенсивного метода, используемых для обучения иностранному языку взрослых. Между тем стоит отметить практически полное отсутствие интенсивных методик, направленных на достижение профессиональной иноязычной компетенции. Интенсивные методы строятся на большом объеме языкового мате-

риала, который вводится и закрепляется в контексте общения. Интенсификация обучения может также достигаться путем использования в учебном процессе инновационных технологий, в том числе и информационных. Использование информационных технологий является существенным условием повышения качества подготовки специалистов.

Требования профессионального образования принципиально изменили задачи изучения иностранных языков во всех типах образовательных учреждений. В традиционном понимании считалось, чем больше знаний, тем выше качество образования. Но с позиции компетентностного подхода важен не объем полученных знаний, а баланс между знанием и незнанием. Сложившаяся ситуация требует от преподавателей максимально полно использовать воспитывающие и развивающие возможности учебного предмета (язык общения и культуры, диалог культур), что продиктовано возможностью выхода выпускников в мировое образовательное пространство. Учебная деятельность направлена на формирование тех компетенций, которые позволят будущим специалистам решать профессионально и личностно значимые задачи. Успешность формирования иноязычной компетенции зависит от целенаправленной и научно-обоснованной организации педагогического общения между преподавателем и учебной группой.

Список литературы

1. Байденко, В. И. Компетентностный подход к проектированию государственных образовательных стандартов высшего профессионального образования (методологические и методические вопросы): метод. пособие. М., 2005.
2. Сахарчук, Е. И. Управление качеством подготовки специалистов в педагогическом вузе: гуманитарный подход. Волгоград, 2003.
3. Сахарова, Н. С. Развитие иноязычной компетенции студентов университета : дис. ... д-ра пед. наук. М., 2005.

List of literature

1. Bajdenko, V. I. Kompetentnostnyj podhod k proektirovaniju gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov vysshego professional'nogo obrazovanija (metodologicheskie i metodicheskie voprosy): metod. posobie. M., 2005.
2. Saharchuk, E. I. Upravlenie kachestvom podgotovki specialistov v pedagogicheskom vuze: gumanitarnyj podhod. Volgograd, 2003.
3. Saharova, N. S. Razvitiie inojazychnoj kompetencii studentov universiteta: dis. ... d-ra ped. nauk. M., 2005.

ABSTRACTS

Alysheva Y. S. On the Acoustic Characteristics of the Tonal Portrait of a Modern Political Leader.

The article deals with the specifics of the acoustic-sounding political speech, namely the values of the fundamental tone frequency bands within the syntagm. The greatest attention is given to the role of contrast changes in a range of fundamental frequency in the identification of specific features tonal portrait of a modern political leader.

Keywords: tonal portrait of the politician, general and individual in acoustic-sounding speech, acoustic parameters of acoustic-sounding speech, fundamental frequency range.

Batalin S.V. Of Two Approaches to the Description of Duration of Sound Segments Depending upon Their Position in the Phrase.

Two approaches (for vowels and consonants, on the one hand, and syllables, on the other hand) to the description of the temporal organization of the phrase are analyzed. It is shown that duration variability of sounds occupying various positions within a phrase exceeds that of syllables.

Keywords: vowel duration; consonant duration; syllable duration.

Budnik E.A. Phonetic Interference and Foreign Accent in Teaching Russian Pronunciation.

The article describes the types of phonetic interference and reasons of an accent. In this regard the article delineates the main types of mistakes, emphasizes the connection of the phonological system and articulatory bases of the Russian and the native language of the foreign student; linguistic description of phonetic interference is given for the prevention and elimination of native accent.

Keywords: phonetic interference, accent, types of interference, types of mistakes, bilingual.

Bukaty E. M. Citation Form of the Title, Literary Space and Time's Poetics in the Essay of Yurii Kasakov's Story "Evening toll": the Experience of One Story's Analysis.

I. Kozlov's poem "Evening toll" is the basis of the story's title and its exposition. Musicalness is a character of the main hero's life and his worldview. Musicalness is also the foundation of the story's composition. Spring and eve-

ning are very important episodes of literary time. The line and the round are very important to the author in the representation of the space and the hero's behavior. Hero's things and movements represent the way of young hero's initiation. There is a hero's transformation from stillness and loneliness to mobility and unity.

Keyword: Yury Kazakov, story, fiction space and time, intertext, citation, psychological prose, lyrical prose.

Ganieva G.R. Sources of Appearance of Phraseological Units with Components of Proper Name (on the Material of English, Russian and Tatar Languages).

The article is devoted to phraseological units with a proper name in the English, Russian and Tatar languages. The division of the material analyzed is suggested. The etymology of undetermined phraseological units is dwelt on.

Keywords: phraseological units, proper names, linguistics.

Gulina A.E. Modelling of Organizational Communication.

The article is devoted to the analyses of communicative model of tourist organization in business communication sphere.

Keywords: organizational communication, business communication.

Epimakhova A.Y. Functioning of Names of a Person According to Profession in Mass Media.

This article is devoted to the analysis of the functioning of names of a person according to professional activity in the discourse of mass media. The mass media language as a social phenomenon influences on a person, motivates him to different ways of reaction and behavior, manipulates his consciousness. Mass media is an interpreter of opinions and ideas which are means of person's self-actualization.

Keywords: mass media, names of a person according to profession, manipulation.

Kochevykh N.V. Development of Lexical Skills of Students in Teaching English.

The article presents traditional and modern strategies of development of lexical skills in the process of teaching English that aimed at forming and improvement of foreign communicative competence by extending students' vocabulary.

Keywords: teaching English language, communicative competence, lexical skills.

Milovanova M., Maleeva D. Problem of Classification of Slang Units Taking into Account in Regional Aspect.

The article is devoted to the description of students' slang in regional aspect.

Keywords: student's slang, language of region, slang lexical sets.

Morozova A.M. Types of Scenarios within Humorous Discourse.

The article examines the main scenarios that may occur within a humorous discourse. Humorous discourse has a number of well-defined features and is characterized by a special type of relationship of the communicants, which determines its specificity. The article discusses the possible course of action of a sender, the addressee and the steps that eventually adding up together, constitute the specific communication model in the humorous discourse.

Keywords: humorous discourse, humorous tone, the script, model of behavior, the communicants.

Nasikhanova A.Z. Meaning of Organization of Pedagogical Conditions Necessary for Formation of Foreign Language Competence.

The questions about the organization of the necessary pedagogical conditions for the formation of the foreign language's competence are considered in the article. Some of these conditions are analyzed, such as the formation of the coordinated language-specific programs, the materials that correspond with the program purposes. The problem of the modeling of the professional communication in the educational process is mentioned in the article.

Keywords: the foreign language's competence, the pedagogical conditions, the modeling, a speech situation, an intensive method.

Nikultseva V.V. K. Balmont's Poetic Neologisms Found in His Archives (Linguistic and Stylistic Analysis).

Poetic neologisms found in K. Balmont's archives in the manuscript department of The national library of Russia (St. Petersburg) and his individual using of words are thoroughly derivationally analyzed on the synchronically-diachronically basis in this article. The analyze of the small part of Balmont's neologisms shows that his word were an inalienable part of symbolists' neolexicon.

Keywords: poetic neologisms, word creation, poetic texts, Silver age, word creating models, ways of a derivation, neolexicon, diachronically, synchronically.

Ovchinnikova N.D. About Some Political Myths in American President's Discourse.

The given article touches upon the problem of mythologization of political discourse and in particular American presidential discourse. Linguistic peculiarities of heroic myths and myths of them and us in G. Bush's speeches are considered.

Keywords: mythologization, political myths, myths of them and us, heroic myths, allusion.

Popova L.V. Terminological Polynomy in the Language of Russian Law in 17–19 Centuries as a Reflection of Evolution of Law Thinking.

In the article there are reproduced results of linguistic analysis of terminological polynomination in Russian law language of the 17–19-th century. The terminology variation is depended on the discrepant development of the law thinking. Semantic and functional equivalent (synonymy) of three types' law terms (technical terms of law, foreterms of law, paraterms of law) is reflected interaction of three types' law thinking (professional, scientific, ordinary).

Keywords: law language in 17-19 centuries, judicial term, terminological polynomy, special term, pre-term, paraterm.

Prokhorova M.E. Problem of Categorization of Sign Representants in Comparisons.

The article considers different degree of significance of objects' attributes in human perception and cognition. The relations between attributes and objects that function as their representatives in similes are studied. The author thinks that it is not acceptable to use the term "etalon" in respect to some representatives. The analysis of colour similes shows that objects become representatives of colour attributes on different bases: their colour may reflect the essence of an object, be a result of a certain influence on an object, specify a non-typical type of an object, be attributed to an object on a metonymical principle. The degree of correspondence between a colour and an object defines the degree of prototypicality of an object as a colour representative and, consequently, its position in a category of colour representatives.

Keywords: attribute, etalon, colour simile, colour representative, categorization, prototypical category members, peripheral category members.

Prom N.A. Linguistic and Pragmatic Aspects of Periphrasis in Genre of Speech “Sport Report” in a Newspaper.

The paper considers functional range of periphrasis in style of sport report in a newspaper. The author accentuates on pragmatic potential of this stylistic figure and gives examples from Russian and German newspapers and comments them.

Keywords: stylistic figure, periphrasis, stylistic function, sport report.

Tokmagambetova D.K., Timokhina T.V. Composition of Plot in “Story about Old Settlement” by V.S. Makanin.

This article deals with the composition analysis «The novel of an old village» written by a contemporary Russian writer V. Makanin. A great attention is paid to the double-parted composition of the novel to be repeated in some works. Conclusions, made by the author prove some parallel ideas of two spaces in the main character, Klucharev’s life reception.

Keywords: a track, a plot, a text, a collage-novel, a novel, a system of images.

Vonailovich E.V. To the Problem of Definition of Limits of the Notion “Folk Speech” (on the Example of Fiction Discourse by I.S. Shmelev).

In the article it is presented the metalinguistic description of the term colloquial speech, the review of reseaches devoted to it including comparasions with related terms. Colloquial speech is being analyzed on the base of stylized Shmelev’s novel ‘The Nurse From Moscow’. The definition of the term is formulated in the end of the article.

Keywords: text stylistics, Russian folk, popular and colloquial speech, dialectism, I. S. Schmelev.

Voronkov A. A. Hydronyms and Ethnonyms like the Witnesses of Migrations of the Sea Peoples. Sicels and Sards.

The languages of two Sea Peoples tribes: Sards (egyp. Shardana) and Siculi = Sicels (egyp. Shakalusha) are represents long-stending historical riddle. This article introduce the etymological analysis of that ethnicons and some hydronyms at Sicilia and Sardinia islands. The offered reconstruction of the Sardinian lexeme «nuraghe» reveal connection to the Indo-European languages.

Keywords: Sea Peoples, Himera, Meander, nuraghe, Xanthus Lydian, Hittite language, Lydian language, Illyrian language, Aryan language, Mitanni.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алышева Юлия Сергеевна – аспирант кафедры литературы, издательского дела и литературного творчества Волгоградского государственного университета; эксперт Волгоградской лаборатории судебной экспертизы Министерства Юстиции Российской Федерации, 400062, Волгоград, пр. Университетский, 100.
asp_lplc@mail.ru

Баталин Сергей Васильевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета.
400005, Волгоград, пр. им. Ленина, 28.
sbat_2009@mail.ru

Будник Екатерина Александровна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Московского государственного университета экономики, статистики и информатики.
119000, Москва.
katerina_budnik@rambler.ru

Букаты Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии Новосибирского государственного технического университета
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2.
bukaty@ngs.ru

Войналович Елена Владимировна – соискатель на степень ученой степени кандидата филологических наук Новосибирского государственного университета.
630090, Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2.
voynalovich_ev@mail.ru

Воронков Александр Анатольевич – историк, выпускник НОУ «Академия лингвистики «Единство мировых культур» (г. Челябинск).
alvin21@mail.ru

Ганиева Гульнара Рамильевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Нижнекамского химико-технологического института (филиала) Казанского национального исследовательского технологического университета.

423570, Нижнекамск.

nara-81@mail.ru

Гулина Анастасия Евгеньевна – бакалавр филологии.

454000, ул. Бр. Кашириных, 129.

anastasiya.gulina@bk.ru

Епимахова Алина Юрьевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры восточных и романо-германских языков факультета Евразии и Челябинского государственного университета.

454000, ул. Бр. Кашириных, 129.

aline_@mail.ru

Кочевых Надежда Владимировна – учитель английского языка средней общеобразовательной школы № 24 с углубленным изучением отдельных предметов.

sirenka87@inbox.ru, kochevykh@yandex.ru

Малеева Дарья Александровна – Институт филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета.

sweet_darena@mail.ru

Милованова Марина Васильевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета.

milovanovamv05@yandex.ru

Морозова Анастасия Михайловна – ассистент кафедры теории и методики обучения иностранным языкам Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

morozovaam@mail.ru

Насиханова Астра Захаровна – ассистент кафедры английского языка и технического перевода Астраханского государственного университета.

414056, Астрахань, ул. Татищева, 20-а.
astrusja@mail.ru

Никульцева Виктория Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка, культуры речи и риторики Московского государственного областного университета.

105005, Москва, ул. Радио, д. 10.
igor.severjanin@gmail.com

Овчинникова Наталья Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры международного бизнеса Московского государственного университета путей сообщения.

241000, Брянск.
ovchinnikovand@mail.ru

Попова Людмила Викторовна – доцент кафедры филологии Миасского филиала Челябинского государственного университета.

456000, Миасс.
mila_fil@mail.ru

Пром Наталья Александровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Волгоградского государственного технического университета.

4400005, Волгоград, пр. им. Ленина, 28.
natalyprom77@mail.ru

Прохорова Майя Евгеньевна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английской филологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина

392000, Тамбов, ул. Интернациональная, 33.
may_tmb@mail.ru

Токмагамбетова Дарья Кайратовна – магистр гуманитарных наук, преподаватель кафедры русского языка и культуры Карагандинского государственного технического университета

100027, Караганда, Бульвар Мира, 56.
danechka-86@mail.ru

Тимохина Татьяна Владимировна – магистр гуманитарных наук,
старший преподаватель кафедры русского языка и культуры Кара-
гандинского государственного технического университета.

100027, Караганда, Бульвар Мира, 56.
tanyashatv16@mail.ru

MA Jonida PETRO
Department of English Language, Faculty of Foreign Languages,
University of Tirana, Albania
Lecturer of Translation Practice
janasline@hotmail.com; janasline2@yahoo.co.uk

MA Alketa Pema
Department of English Language, Faculty of Foreign Languages,
University of Tirana, Albania
alketapema@yahoo.com

MA Kristina Sheperi
Department of English Language, Faculty of Foreign Languages,
University of Tirana, Albania
ksheperi@gmail.com

Vjollca Hoxha
Department of English Language, Faculty of Foreign Languages,
University of Tirana, Albania

ГОУВПО «Челябинский государственный университет»
Вузовская академическая лаборатория межкультурных коммуникаций
Издательство «Энциклопедия»

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Уважаемые коллеги!

В 2012 году каждый второй месяц, начиная с января, выходит очередная номер научного журнала «**Lingua-mobilis**», в структуру которого входят следующие разделы:

1. Язык художественной литературы
2. Языкознание
3. Язык средств массовой информации
4. Язык политики
5. Лингвистика и перевод
6. Методика преподавания языка и литературы

Материалы для публикации принимаются в электронном виде по адресу: 454084, г.Челябинск, пр.Победы 162-в, лаборатория межкультурных коммуникаций. Или e-mail: lingua-mobilis@rambler.ru Также просим указывать сведения об авторе: фамилию, имя, отчество (полностью), место работы, должность, ученую степень и звание, адрес, телефон, e-mail. **К заявке необходимо прикладывать аннотации статьи на русском и английском языке (не более 500 знаков), а также ключевые слова.**

Оплату за публикацию (100 р. за страницу) необходимо присылать сразу после получения подтверждения о принятии Ваших материалов к публикации, там же будут указаны реквизиты для электронного перевода. Авторские экземпляры научного журнала «**Lingua-mobilis**» рассылаются бесплатно.

Требования к оформлению:

- Материалы подаются в виде статей объемом от 4 до 20 стр. (в формате RTF, Times New Roman, кегль 14, через 1,5 инт., поля - 2 см).
- Ссылки на литературу даются внутри текста статьи в скобках: [1. С. 32] или в виде концевых примечаний.
- Список литературы помещается после статьи под заголовком «Список литературы» и оформляется в соответствии с правилами библиографического описания.

ISSN 1998-1546.

С июня 2008 г. электронная версия журнала «**Lingua mobilis**» доступна в РИНЦ (на сайте www.elibrary.ru)

С уважением, редакция!